

Публикации к 100-летию Института философии РАН

Институт философии
Российской академии наук
Центр изучения социокультурных изменений

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА РОССИИ**

Под общей редакцией
члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина

Москва
2022

УДК 316.4
ББК 87.6
С69

В авторской редакции

Рецензенты:

д. филос. н. С.А. Кравченко
д. филос. н. И.Н. Сиземская

Редколлегия:

Н.И. Лапин (общ. ред., сост.); *Л.А. Беляева, Ю.Д. Гранин*

Авторы:

Л.А. Беляева (глава 6, заключение), *Ю.Д. Гранин* (глава 3),
Н.А. Касавина (глава 2), *Н.И. Лапин* (введение, главы 1, 5, 9),
К.В. Ракова (глава 8), *Ю.М. Резник* (главы 4, 7)

С69 Социокультурные исследования постсоветского транзита России [Текст] / Под общ. ред. члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии, Центр изучения социокультурных изменений. – М.: ИФ РАН, 2022. – 360 с. ; 20 см. Библиогр.: с. 332–355. – Рез.: англ. – 500 экз.

ISBN 978-5-9540-0360-4

В коллективном труде, подготовленном сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН в связи со 100-летием Института, представлена эволюция исследований и результатов, полученных с момента возникновения ЦИСИ (1988 г.) до настоящего времени. На основе большого эмпирического материала и новых теоретических подходов анализируются основные этапы постсоветского транзита России и система ценностей ее населения, реконструируются основные этапы становления и эволюции социального государства в России и мире, обсуждаются его специфика в СССР и постсоветской России, социокультурные характеристики населения ее регионов в контексте социальных напряженностей, связанных с этническими, миграционными, социоструктурными особенностями отдельных территорий РФ.

Осуществленная в книге попытка социокультурного анализа современной России может стать источником научной дискуссии о ее исторической и цивилизационной специфике, перспективах развития.

Для научных работников, преподавателей вузов и широкого круга читателей.

УДК 316.4
ББК 87.6

ISBN 978-5-9540-0360-4

© Коллектив авторов, 2022
© Институт философии РАН, 2022

Содержание

Приветствия При открытии заседания круглого стола «30 лет исследований социокультурной эволюции России и ее регионов: результаты, перспективы» (Институт философии РАН, 26 мая 2021 г.).....7	7
А.В. Смирнов, академик РАН, директор Института философии РАН.....7	7
Ю.В. Синеокая, заместитель директора Института философии РАН, член-корреспондент РАН.....9	9
ВВЕДЕНИЕ. О философском обосновании и развитии неразрывной триады социокультурного подхода.....15	15
РАЗДЕЛ 1	
ПОСТСОВЕТСКИЙ ТРАНЗИТ РОССИИ (1992–2020 гг.)	
ГЛАВА 1. Характер и этапы постсоветского транзита России.....53	53
ГЛАВА 2. Проблема ценностей как методологическая ось понимания социокультурной реальности.....61	61
РАЗДЕЛ 2	
СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ИЛИ ИСЧЕРПАНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ ТРАНЗИТА?	
ГЛАВА 3. Социальное государство. Становление и эволюция.....77	77
ГЛАВА 4. Социальное государство и жизненный мир в современном обществе: анализ и оценка результатов исследований.....114	114
ГЛАВА 5. Ключевые признаки завершения постсоветского транзита.....144	144
РАЗДЕЛ 3	
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСТТРАНЗИТНОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РАЗВИТИЯ (В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ)	
ПРЕДИСЛОВИЕ.....169	169
ГЛАВА 6. Социальная структуризация российского общества: от советского периода к современности.....174	174
ГЛАВА 7. О критериях цивилизационного развития России: некоторые результаты проектной реконструкции.....245	245
ГЛАВА 8. Об изучении гецивилизационного сознания методом картирования.....276	276
ГЛАВА 9. Антропосоциокультурные характеристики общества, возникшего в России.....295	295
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.....323	323
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) (Краткая научная биография).....325	325
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Публикации сотрудников ЦИСИ (по тематике Центра).....332	332

Contents

WELCOMING REMARKS at the round-table discussion “30 Years of Research on Socio-Cultural Evolution of Russia and its Regions: Results, Perspectives” (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, May 26, 2021).....	7
A.V. <i>Smirnov</i> , RAS Academician, Director of the Institute of Philosophy, RAS.....	7
<i>Yu.V. Sineokaya</i> , RAS corresponding member, Deputy Director of the Institute of Philosophy, RAS.....	9
INTRODUCTION. On the philosophical substantiation and development of the inseparable triad of the socio-cultural approach.....	15
SECTION 1	
POST-SOVIET TRANSIT OF RUSSIA (1992–2020)	
CHAPTER 1. The nature and stages of the post-Soviet transit of Russia.....	53
CHAPTER 2. The value problem as a methodological axis for the understanding of the socio-cultural reality.....	61
SECTION 2	
SOCIAL STATE FORMATION OR THE POST-SOVIET TRANSIT DEPLETION AND COMPLETION?	
CHAPTER 3. The social state. Formation and evolution.....	77
CHAPTER 4. The social state and the life-world in modern society: analysis and evaluation of the research results.....	114
CHAPTER 5. Key features of the post-Soviet transit completion.....	144
SECTION 3	
THE CHARACTERISTICS OF THE POST-TRANSIT RUSSIAN SOCIETY AND THE PROBLEMS OF ITS DEVELOPMENT (IN THE CIVILIZATIONAL CONTEXT)	
PREFASE.....	169
CHAPTER 6. Social structuration of society: from the Soviet period to the present time.....	174
CHAPTER 7. On criteria of civilizational development of Russia: some results of the project reconstruction.....	245
CHAPTER 8. On the research into geo-civilizational consciousness via mapping method.....	276
CHAPTER 9. The anthropo-socio-cultural characteristics of the society emerged in Russia.....	295
IN LIEU OF CONCLUSION.....	323
APPENDIX 1. A brief scientific biography of the Centre for the Study of Social and Cultural Changes.....	325
APPENDIX 2. Publications of the Centre’s staff members (on the Centre’s topic).....	332

*Памяти руководителя
Центра изучения социокультурных изменений
Института философии РАН
члена-корреспондента РАН
Лапина Николая Ивановича
посвящается эта монография*

ПРИВЕТСТВИЯ

При открытии заседания круглого стола «30 лет исследований социокультурной эволюции России и ее регионов: результаты, перспективы» (Институт философии РАН, 26 мая 2021 г.)

А.В. Смирнов,
академик РАН,
директор Института философии РАН

Я рад участвовать в сегодняшнем мероприятии. Это действительно достойное, впечатляющее событие, ознаменованное юбилеем выдающегося ученого и философа, члена-корреспондента РАН Николая Ивановича Лапина. Николай Иванович, конечно, один из, как сейчас говорят, столпов нашего Института. Это слово можно употреблять в разных смыслах. Один из центральных – формирование сотрудниками нашего института научных школ и направлений. Здесь Николаю Ивановичу принадлежит выдающаяся роль. Фактически он является основателем очень серьезной, философски ориентированной школы в отечественной социологии: социокультурная компаративистика регионов России. Под его руководством эта научная группа исследователей уже много лет проводит, с одной стороны, полевые исследования, то есть оперирует действительно фактами и цифрами на уровне регионов России. Но будучи препарирована скальпелем теоретического синтеза, эта социологическая конкретика, с другой стороны, оказывается эмпирическим основанием

для больших обобщений философского характера. А это как раз то, чего порой не хватает некоторым социологическим исследованиям. Поскольку придает и обоснованность, и законченность всему тому, чем занимается возглавляемый Николаем Ивановичем, региональный коллектив социологов и тот философский коллектив, которым он руководит в нашем Институте.

Однако этим сфера научных интересов профессора Лапина не исчерпывается. Он широко известен своими работами в области философии истории, является руководителем одноименного теоретического семинара в нашем Институте, активно участвует в разработке мегатемы «Российский проект цивилизационного развития». Все вместе результаты этой большой работы образуют обширный идейный комплекс в области социологии и философии истории, суммирующий итоги размышлений Николая Ивановича по всем этим направлениям. И это далеко не все области исследований, которыми он занимается.

Кроме того, нельзя забывать и о его научно-организационной деятельности. В 1987–1989 гг. он был директором нашего института. В это время на Ученом совете утверждалась тема моей кандидатской диссертации, которую Н.И. Лапин одобрил и поддержал. И вот теперь я нахожусь на его месте. Такая связь поколений на протяжении последних сорока с лишним лет. Она продолжается и в настоящее время на заседаниях нашего Ученого совета, где голос Николая Ивановича звучит всегда остро и авторитетно. Я очень ценю Вашу гражданскую позицию, которая выражается в реальном действии, в научном действии, в философском действии сегодня. Это, конечно, очень и очень ценно. Ваша решительность, решимость, ясность, точность позиции и то, что Вы генерируете идеи, это крайне важно.

Дорогой Николай Иванович, еще раз от всей души поздравляю Вас с юбилеем. Я очень рад сделать это здесь, сделать публично, в присутствии Ваших учеников и коллег.

Ю.В. Синеокая,
заместитель директора Института философии РАН,
член-корреспондент РАН

Лето 2021 г. объединило три значимых для отечественных социогуманитарных наук юбилея: 100-летие Института философии РАН, 30-летие со дня основания Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН и 90-летие основателя и бессменного руководителя Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, члена-корреспондента РАН, доктора философских наук, профессора социологии Николая Ивановича Лапина.

Отрадно, что нынешние праздничные мероприятия, проходящие в формате серьезных исследовательских дискуссий, собрали представительный круг коллег из многих регионов России, объединенных совместной работой по проектам Центра изучения социокультурных изменений. Среди партнеров Центра исследователи из Вологды, Самары, Тюмени, Перми, Курска, Тулы, других городов России, зарубежные ученые. Это очень важное живое свидетельство блестящей слаженной работы ЦИСИ, доказательство востребованности результатов совместного труда разных поколений исследователей. Очевидно, что теоретические, практические и методологические результаты исследования Центра Н.И. Лапина высоко ценятся и востребованы в нашей стране. Внушительный пласт переводов трудов ЦИСИ на европейские и китайский языки говорит о международном масштабе признания работы коллег.

Для меня честь и большая радость поздравить Николая Ивановича с юбилеем и поблагодарить его за весомый вклад в становление отечественной философской традиции, развитие социальной философии и социологии в нашей стране. Николай Иванович – один из семерых отечественных философов, удостоенных звания лауреата Государственной премии СССР в области науки и техники (1983) за блестящий опыт нового неортодоксального марксведения. Написанная им еще в юные годы книга «Молодой Маркс» (1968) по праву завоевала интернациональную славу и переведена на 11 языков.

Н.И. Лапин добился весомых результатов в разных научных сферах. В 1987 г. ему было присвоено звание члена-корреспондента Российской академии наук сразу по двум дисциплинам – философия и социология. Н.И. Лапин награжден Серебряной медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии» (2011), а также Серебряной медалью Института социологии РАН «За вклад в науку» (2008) и Золотой медалью «За многолетнюю успешную деятельность в связи с 25-летием Российского общества социологов» (2014).

Николай Иванович – автор более семиста публикаций (двадцать пять из которых – это индивидуальные и коллективные монографии), успешный организатор науки, благодаря которому были созданы новые философские и социологические институты и дискуссионные площадки, автор учебных программ по философии и социологии, большинство из которых носит уникальный характер. Он стоит у истоков создания ряда научных направлений в отечественной науке: социология организаций, управления и инноватики, философские и социологические проблемы глобального моделирования, социокультурная трансформация России. Николай Иванович – создатель школы «Социокультурная компаративистика регионов России». В 1980-е гг. Н.И. Лапин инициировал появление новых ВАКовских дисциплин – социологические науки и политические науки.

Важно отметить вклад Н.И. Лапина в академическое книгоиздательство. При его активном участии были запущены две книжные серии, на которых воспитывались и продолжают воспитываться поколения российских философов: классическая серия «Философское наследие» и научно-популярная серия «Мыслители прошлого». В проекте «Философское наследие» представлены откомментированные тексты, многие из которых прежде не переводились на русский язык. Всего в этой серии было издано 138 томов. Книги биографической серии «Мыслители прошлого», компактные и насыщенные сведениями, способствовали повышению общего уровня изучения и преподавания философии в стране. В этом проекте было издано 83 монографии.

В середине 1980-х гг. исследовательский интерес Н.И. Лапина сконцентрировался на изучении российского общества в его переходный период. В 1985–1988 гг., будучи директором Института философии, он инициировал на платформе Института дискуссии, в которых фиксировался и осмыслялся опыт эпохи перестройки. Итогом этого проекта стал коллективный труд «Философское сознание: драматизм обновления» (1991). В 1991 г. Н.И. Лапин был награжден всероссийским обществом «Знание» медалью им. С.И. Вавилова за выдающийся вклад в пропаганду научных знаний.

Дискуссии о начавшейся после распада СССР социокультурной трансформации России послужили отправной точкой для создания Н.И. Лапиным в 1988 г. при Отделении философии и права Академии наук научного совета «Диалектика развития социализма на современном этапе», который позже был преобразован в Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН.

Центр изучения социокультурных изменений является одним из самых масштабных проектов Н.И. Лапина, его любимым академическим детищем. Совмещая антропосоциокультурный, социально-философский и философско-исторический подходы, сотрудники ЦИСИ вот уже три десятка лет осуществляют прикладные исследования процессов социокультурной эволюции России и ее регионов, используя социологические и смежно-дисциплинарные методы эмпирических исследований.

Исходной эмпирической базой исследований ЦИСИ является Всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России», осуществляемый на протяжении четверти века (1990–2015 гг.) каждые 4–5 лет при поддержке Российского общества социологов, РГНФ, РФФИ. Главные итоги этой работы представлены в монографиях Н.И. Лапина «Пути России: социокультурные трансформации» (2000) и Л.А. Беляевой «Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития» (2001).

Пунктирно отмечу главные этапы работы ЦИСИ:

В 2005 г. в ЦИСИ был разработан типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России», использованный

специалистами из трети регионов страны для создания достоверной картины социокультурной эволюции своих территорий.

В 2005–2015 гг. Центр участвовал в двух исследовательских программах Отделения общественных наук РАН. Результаты программы «Россия в глобализирующемся мире» были опубликованы в виде разделов в коллективных трудах Института: «Диалог культур в глобализирующемся мире» (2005), «Россия в диалоге культур» (2010). Итогом работы по программе «Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества на современном этапе» стал сборник статей «Россия на пути консолидации» (2015).

С 2006 г. Центр активно участвовал в Российской части международного проекта «Европейское социальное исследование» (European Social Survey – ESS), осуществляемого независимым Институтом сравнительных социальных исследований. Результаты первой волны исследований ESS, проведенных в России, представлены в коллективном труде «Россия в Европе» (2009).

В 2011 г. Центр установил деловые контакты с коллегами из Центра исследований модернизации в мире и Китае Академии наук КНР и провел в Институте философии РАН российско-китайскую конференцию «Цивилизация и модернизация». Итогом исследований стали коллективные труды: «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (2009), «Проблемы социокультурной модернизации регионов России» (2013), «Атлас модернизации России и ее регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (2016).

С 2009 по 2014 г. ЦИСИ работал в программах фундаментальных исследований Президиума РАН по проблемам пространственного развития России.

В 2016 г. Президиум РАН присудил Н.И. Лапину премию им. М.М. Ковалевского за серию работ «Проблемы социокультурной эволюции современной России и ее регионов: методология и результаты исследований. 1990–2015 гг.».

В 2017–2019 гг. Центр предпринял исследование проблем формирования социального государства в России. Результатом работы

стали коллективная монография «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты» (2019) и монография Ю.Д. Гранина «Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции» (2021).

С 2020 г. работа ЦИСИ сосредоточена на реализации общеинститутской мегатемы «Российский проект цивилизационного развития». Коллектив Центра занят подготовкой аналитических материалов о цивилизационных аспектах социокультурной эволюции России и ее регионов. Рекомендована к печати монография Н.И. Лапина «Сложность становления новой России и гражданско-общественная культура ее населения. Антропосоциокультурный подход».

Успешная более чем тридцатилетняя работа Центра изучения социокультурных изменений – важная составляющая столетнего юбилея Института философии РАН.

История Николая Ивановича Лапина – важная часть истории Института философии. Мне бы хотелось отметить несколько черт Николая Ивановича, которые я высоко ценю. Эти качества Николая Ивановича, на мой взгляд, важнейшая характеристика его как академического ученого, как сотрудника Института философии РАН.

Прежде всего, это надежность, основательность, щепетильность. Николай Иванович – исследователь, чувствительный к деталям, если он берется за изучение какой-либо проблемы, то всегда доводит дело до конца. Если тема им проработана, значит, все источники учтены и критически проанализированы, весь материал собран, классифицирован и учтен, добавить к представленному им что-либо крайне непросто. Мне кажется, это знак ученого высокой пробы. Приведу один пример: докторская диссертация Николая Ивановича «Начальные этапы формирования взглядов К. Маркса в цельное научное мировоззрение» (1968) составляет три тома. Ни до, ни после него в Институте не представлялась к защите диссертация в трех томах. Говорю это ответственно, исследовав институтский архив.

Вторая черта, которую мне бы хотелось отметить, это аналитический склад ума Николая Ивановича, его умение давать дефиниции. Больше четверти века назад, еще будучи аспиранткой

в Институте философии, я присутствовала на докладе Николая Ивановича. Кто-то задал ему вопрос о том, чем отличается социология от социальной философии. Николай Иванович четко двумя фразами объяснил разницу. Я подумала тогда, какое блестящее объяснение, как лаконично и ясно все определено. Помню этот эпизод до сих пор. Уже потом, читая тексты и слушая выступления Николая Ивановича, я не раз отмечала про себя, как умело он схватывает суть явления и логически ясно, кратко и емко может изложить главное. Этот талант крайне важен для философа.

Третья черта, которая мне импонирует в Николае Ивановиче, это сила духа. За длинный путь в науке Николай Иванович руководил структурами разного масштаба. В его жизни были моменты взлета, были трудные времена, но в любой ситуации, победной или сложной, Николай Иванович работает. Просто берется за новый проект, начинает новое дело, меняет оптику, расширяет научные связи и идет к успеху. Думаю, это хороший пример для каждого – умение находить смысл и гармонию жизни в работе. Это качество характеризует настоящего академического ученого.

Введение

О философском обосновании и развитии неразрывной триады социокультурного подхода

*Личность, общество и культура
как неразрывная триада.*
Питирим Сорокин

За 30 лет сотрудники Центра изучения социокультурных исследований (ЦИСИ) выпустили значительное число работ – теоретических, эмпирических, комплексных. Об этом свидетельствуют «биография» Центра и список публикаций, помещенные в конце книги.

Как отметил в открывающем книгу приветствии директор Института философии РАН академик А.В. Смирнов, в целом проведенные Центром исследования являются одновременно и философскими, и конкретно-научными, социологическими. Это сочетание взаимополезно как для философии, так и для социологии.

Двуединым – философским и конкретно-научным – стало обоснование самого возникновения социологии. Первый этап ее становления олицетворяют универсально философски мыслившие ученые: Огюст Конт, Карл Маркс, Герберт Спенсер, труды которых дали рациональный ответ на потребность новой эпохи в социологии как области научного знания, специализирующейся на изучении социально-общественной формы бытия. Второй этап

характеризовался дифференциацией основных направлений этой области знания, формированием ее ранней теоретико-методологической классики. Он запечатлен в произведениях Фердинанда Тённиса, Эмиля Дюркгейма, Макса Вебера, которые одновременно были и крупными социальными философами.

Одним из фундаментальных направлений стал социокультурный подход, основы которого заложил Макс Вебер (1864–1920) и масштабно продолжил Питирим Сорокин (1889–1968). Становление П. Сорокина как профессионального социолога началось с деятельности в Психоневрологическом институте, который создал в 1911 г. в Санкт-Петербурге Максим Ковалевский, ему помогал Де Роберти. От них воспринял молодой Сорокин социально-философскую широту мировоззрения и нацеленность на конкретно-научное исследование реальных структур и процессов общества. В это время происходило самоопределение феноменологии как философско-критического осмысления методов науки (Э. Гуссерль. «Философия как строгая наука», 1911). Одним из контрапунктов этой методологии стало осмысление статуса и роли общих понятий в науке. Поскольку П. Сорокин в связи с подготовкой двухтомной «Системы социологии» (1920) для уяснения предмета социологии активно рассматривал проблему общих понятий, кратко остановлюсь на драматичной судьбе феноменологической проблематики в Советской России.

В России идеи феноменологии одним из первых воспринял Густав Шпет (1879–1937), который в 1912–1913 гг. слушал лекции Гуссерля в Гёттингенском университете и затем предложил свою интерпретацию его «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» в работе «Явление и смысл» (1914), обозначившей его поворот к герменевтическому анализу форм социального бытия. Вскоре он защитил в Московском университете диссертацию «История как проблема логики», опубликовал на ее основе первую часть книги под тем же названием (1916 г.) и подготовил ее методологическое обобщение «Герменевтика и ее проблемы» (1918). Герменевтические идеи, претендовавшие на научную философию, в центре которой было слово как архетип культуры, Г. Шпет использовал в дальнейшей преподавательской

и научно-организационной деятельности, но рукопись названной работы о герменевтике была опубликована лишь через полвека после его смерти (1990).

Вскоре после Октябрьской революции, в 1921 г., Г. Шпет при поддержке А.В. Луначарского создал Институт научной философии. Название Института свидетельствовало о его герменевтической ориентации. Состав его сотрудников был весьма разнородным – как философы разных школ, включая марксистов, так и представители естественных и общественных наук, далеких от марксизма. В условиях нарастающего идеологического давления со стороны руководства РКП(б) обострилась дискуссия между «механистами» (Л.И. Аксельрод, А.К. Тимирязев, А. Варьяш), которые тяготели к естествознанию и сомневались в научной обоснованности реального существования объектов, обозначаемых общими понятиями (таких как общественный класс, общество), и марксистски подготовленными «диалектиками» (А.М. Деборин, Я. Стен и др.). В 1923 г. Г. Шпет был уволен с должности директора Института и перешел в Российскую академию художественных наук, а дискуссия приобрела явный политически-идеологический характер. В мае 1926 г. профессор А.М. Деборин (1881–1963), автор дореволюционной книги о диалектическом материализме, заместитель директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса, выступил в Институте научной философии с заключительным докладом «Наши разногласия», в котором подвел итоги дискуссии. Он начал с вопроса:

Являются ли вид, общественный класс, общество, реальностью или нет?.. Проблема реальности класса является в настоящее время в известном смысле центральным «спорным» пунктом для всех врагов и ликвидаторов марксизма вроде Зомбарта и де-Мана¹.

При ответе на этот вопрос А.М. Деборин провел параллель с ответом известного ученого К.А. Тимирязева (отца «механициста» А.К. Тимирязева) на вопрос о реальности такого общего понятия,

¹ Здесь и далее я цитирую доклад Деборина по его книге «Философия и политика» (М.: Изд-во АН СССР, 1961. 749 с.). С. 305.

как биологический вид: например, отвлеченный характер понятия «лошадь»:

...не уничтожает того реального факта, что лошадь, как группа сходных существ, т.е. все лошади, резко отличается от всех других групп сходных между собой существ... Этот реальный факт требует реального же объяснения... Значит, заключил А.М. Деборин, наука должна исходить из этого факта, а нам говорят: вид есть отвлеченное понятие, существующее лишь в голове, и начинают нас обвинять в средневековом реализме, не понимая, о чем идет речь. В связи с вопросом о реальности вида, мимоходом, между прочим, желая подчеркнуть точку зрения марксизма, я и говорю, что, подобно тому как Дарвин установил вид, как реальный факт, на основе теории эволюции, так и марксизм рассматривает общественный класс как реальность, как реальный факт, на основе исторической эволюции.

И далее:

...класс реален, поскольку это «живой коллектив, который борется, развивается и т.д... По-моему, это факт, против которого спорить нельзя»².

Деборин цитировал Маркса, его высказывания о классе в себе и классе для себя.

В итоге «механисты» были идеологически дезавуированы. А.М. Деборин продолжал успешную философско-идеологическую карьеру и в 1929 г. стал первым директором Института философии, созданного на базе философской секции Комакадемии. Однако в первой половине 30-х гг. новая группировка молодых философов выступила с идеологической критикой уже против А.М. Деборина, которому, как и его школе, при активном участии И.В. Сталина, был приклеен ярлык меньшевистствующего идеализма. Многие его ученики были репрессированы. А.М. Деборин был освобожден от основных должностей, но избежал репрессий. После кончины Сталина продолжил научную работу, подытожив ее изданием в 1961 г. объемного сборника «Философия и политика» (50 п.л.). Но клеймо меньшевистствующего идеализма не было снято.

² Деборин А.М. Философия и политика. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 306-307.

В отличие от судьбы Деборина, жизнь первого директора Института научной философии профессора Густава Шпета, который до начала 30-х гг. занимал видные посты в Академии художественных наук и Академии высшего актерского мастерства, без реальных оснований завершилась арестом в 1935 г., тюрьмой, ссылкой, а после освобождения, позволившего вести преподавательскую работу в Томске, – новым арестом и скорым расстрелом в 1937 г. После XX съезда КПСС в 1956 г. Г. Шпет был реабилитирован. Усилиями родственников и энтузиастов-философов продолжаются публикации сохранившихся рукописей выдающегося русского философа-феноменолога, в том числе в полном виде издана «История как проблема логики» (2003).

Из названных русских философов, причастных к обсуждению и решению феноменологических проблем общественных наук, удивительно успешной и счастливой оказалась судьба юноши из зырянского села, секретаря премьер-министра первого Временного правительства России (1917 г.), вынужденно покинувшего родину с коллегами по призванию и несчастью на «философском пароходе», в итоге – профессора Гарвардского университета, президента Американской социологической ассоциации, мэтра мировой социологии – Питирима Сорокина.

Возвращаясь к аргументации А.М. Деборина дискуссии в Институте научной философии, я считаю, что самый сильный аргумент в пользу общества как реальности привел в известном письме Анненкову (1846 г.) Карл Маркс. Он тоже задал себе и своему русскому корреспонденту вопрос: «Что же такое общество, какова бы ни была его форма?». И лаконично ответил: «Продукт взаимодействия людей»³. Позднее сходные ответы дали Ф. Тённис и Г. Зиммель: общество «существует там, где во взаимодействие вступает множество индивидов»⁴.

П. Сорокин последовательно, в течение всей своей жизни отстаивал близкую, но развернуто аргументируемую позицию:

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 402.

⁴ Зиммель Г. Проблема социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX века / Отв. ред. В.И. Добреньков. М., 1996. С. 418.

начиная с двухтомной монографии «Система философии», изданной в советской России (1920 г.), до книги «Общество, культура и личность: их структура и динамика» – фундаментальной работы американского периода его творчества (1947 г.), где сформулирован основной синтезирующий тезис – заголовок подраздела: **«Личность, общество и культура как неразрывная триада».**

Неразрывность этой триады означает такую неотделимость друг от друга трех составляющих ее универсалий, которая означает, что эти составляющие: а) не выводятся одна из другой и не сводятся друг к другу, в этом смысле они *паритетны*; б) в то же время они не просто взаимосвязаны, а *взаимопроницают* друг друга.

Учитывая совокупность взглядов П. Сорокина, можно следующим образом интерпретировать термины приведенной триады. *Личность* – это действующий человек (*anthropos*), взаимодействующий с другими людьми с помощью разума, хотя и не всегда разумно. *Культура* – совокупность знаний, ценностей, норм (креативного потенциала культурных кодов) действий и взаимодействий, в целом деятельности людей и ее результатов. *Общество* – прежде всего совокупность отношений между людьми как результатов их взаимодействий (в узком смысле – как собственно социальных отношений по поводу статусов индивидов и их групп, а в широком смысле – экономических, политических, идеологических, нравственных и иных – это и есть *социальность, социальное, социум*).

Понимание неразрывности триады универсалий как их взаимной паритетности и одновременно взаимопроницания свидетельствовало о глубоко *диалектическом* характере социокультурного подхода и в целом мировоззрения П. Сорокина. В то же время его подход опирался на изначально *реалистичное* понимание объективного характера такой абстракции, как *общество*, тем самым и реальности предмета социологии, обоснованное П. Сорокиным уже в его исходной «Системе социологии».

В начале XX в. социология столкнулась с этой методологической проблемой и двумя противоположными способами ее решения: социальным реализмом и социальным номинализмом. Уже

тогда проблема обсуждалась не как узкосоциологическая, а как философская, поставленная возникшей феноменологией.

Рассматривая дискутировавшийся **вопрос: социальный (социологический) номинализм или реализм?** – молодой П. Сорокин писал: «Какое из этих двух направлений мы должны признать истинным?». И дал сложный ответ, который открывал путь к решению, синтезирующему противоположные подходы:

Равно ли общество как совокупность взаимодействующих индивидов простой сумме последних, – это зависит от смысла, придаваемого «сумме индивидов»: если под суммой индивидов разумеются индивиды *взаимодействующие*, тогда сумма их равна обществу или коллективному единству, ибо сумма взаимодействующих индивидов сама составляет «общество». Если же под суммой индивидов разумеются индивиды *не взаимодействующие*, изолированные, отделенные друг от друга, как лейбницевские монады или две сардины, закупоренные в двух разных коробках, тогда сумма индивидов не равна обществу. Не равна по очень простой причине: по той, что в первом случае изолированные индивиды *не взаимодействуют*, во втором взаимодействуют. В последнем случае присоединяется *новое условие* – взаимодействие, – которого нет в первом. В силу этого добавочного условия создается ряд явлений, которого нет и не может быть при его отсутствии. Его наличие превращает простую сумму индивидов в общество, в коллективное единство⁵.

И далее:

Общий вывод из всего сказанного о социологическом реализме и номинализме таков: *ни то, ни другое из этих течений неприемлемо*. Каждое из них, в пылу спора, выставляет такие положения, которые либо логически абсурдны, либо эмпирически неверны. *Общество или коллективное единство как совокупность взаимодействующих людей, отличная от простой суммы не взаимодействующих индивидов, существует. В качестве такой реальности sui generis оно имеет ряд свойств, явлений и процессов, которых нет и не может быть в сумме изолированных индивидов. Но, вопреки реализму, общество существует не «вне» и «независимо» от индивидов, а только как система*

⁵ Сорокин П. Система социологии. М., 1993. Т. 1. С. 314–315.

взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немыслимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов⁶.

Таким образом, имеются два исходных утверждения: (№ 1) **Реальны индивиды и их межиндивидуальные отношения**; (№ 2) **Общество есть реальность особого рода**. Вместе с тем есть предпосылки и для третьего утверждения, которое опирается на первые два и синтезирует их с существенно новым смыслом: (№ 3) **Общество и индивиды реальны, поскольку реальны социальные действия и взаимодействия индивидов**. Как синтез первых двух постулатов оно может претендовать на статус **релятивного реализма** как методологического подхода в социологии.

Применение этих исходных положений социокультурного подхода в эмпирических исследованиях общества как целостности потребовало конкретизировать содержание подхода. С этой целью я предложил и использую следующие принципы.

(1) *Принцип противоречивости функций социального действия* основан на понимании человека как многомерного, био-социо-культурного существа, специфику которого составляет способность к творческой, продуктивной деятельности (Маркс, Вебер). Многомерность человека сопряжена с его *противоречивостью*, которая проявляется в противоречивости смыслов, значений действий одних субъектов для других и выполняет явные и латентные функции по отношению к субъектам взаимодействия.

(2) *Принцип паритетности и взаимопроникновения культуры и социума* означает, что ни одна из этих составляющих общества не сводится к другой и не выводится из него. Этот принцип предполагает неиерархический, сетевой характер структуры общества, который вытекает из многомерности человека и противоречивости функций социального действия.

(3) *Принцип неполноты антропосоциетального соответствия* имеет ключевое значение для понимания характера, типа социума, служит глубинным источником саморазвития личности и общества. Он означает *неполную совместимость* личностно-поведенческих характеристик человека как социализированного

⁶ Сорокин П. Система социологии. С. 316. (Курсив П. Сорокина).

актера (личности) и характеристик социума, возможность их противостояния. Время от времени такое противостояние достигает большой остроты.

(4) *Принцип неустойчивости антропосоциетального равновесия* означает, что разнонаправленность действий социальных акторов и ограниченность ресурсов не позволяет обеспечить устойчиво балансируемое удовлетворение потребностей, ценностей, интересов людей, взаимодействие которых образует это общество. Лишь на короткое время достигается «баланс между заинтересованностями акторов в увеличении своего удовлетворения и в минимизации отсутствия удовлетворения» (Парсонс). Чаще наблюдается удаление от точки равновесия, создающее ситуации рисков, а если это удаление превышает критические значения, то целое трансформируется в качественно иное состояние или разрушается.

(5) *Принцип бинарной противонаправленности социальных процессов и взаимообратимости (инверсионности) их влияния* означает, что каждому процессу, воплощающему динамику социума и имеющему определенную направленность, сопоставлен противоположно направленный процесс; один из них обеспечивает воспроизводство соответствующих структур, а другой – их изменение. Эти процессы обратимы по своему влиянию в обществе на различных этапах его эволюции: вначале преобладает один из них, затем преобладающим становится противоположный процесс. От пропорций инверсионности бинарных процессов зависит динамика общества.

Понимание этой динамики осуществлялось на основе принципа универсального эволюционизма, в контексте научной картины мира, основы которой заложил Декарт. Ее новизна, как показал М. Хайдеггер (1889–1976) в 1938 г., в ходе дискуссии о новоевропейской картине мира, состоит в том, что человек становится субъектом (subjectum) всей картины мира, а Декарт тем самым создал «метафизическую предпосылку для будущей антропологии всех видов и направлений»⁷.

⁷ Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе / Сост. П.С. Гуревич. Институт философии АН СССР. М., 1986. С. 106, 104, 109.

В СССР разработка проблематики научной картины мира активизировалась в ходе дискуссии, которая состоялась в 70–80-х гг. XX столетия: в ней приняли участие В.В. Казютинский, Э.Ю. Соловьёв и др. Философски обобщил понимание научной картины мира академик В.С. Степин (1934–2018).

В последней трети XX века, – писал он, – возникли реальные возможности объединения представлений о трех основных сферах бытия – неживой природе, органическом мире и социальной жизни – в целостную научную картину на основе базисных принципов, имеющих общенаучный статус... Универсальный (глобальный) эволюционизм характеризуется часто как принцип, обеспечивающий экстраполяцию эволюционных идей... на все сферы действительности и рассмотрение неживой, живой и социальной материи как единого универсального эволюционного процесса⁸.

Опираясь на достижения наук о природе, человеке и обществе, В.С. Степин философски обосновал этот принцип и показал его эвристическую ценность

...именно сейчас, когда наука перешла к изучению нового типа объектов – саморазвивающихся систем (в отличие от простых и саморегулирующихся систем, которые изучались на предыдущих этапах функционирования науки). Включив в орбиту исследований новый тип объектов, наука вынуждена искать и новые основания их анализа⁹.

Дальнейшие исследования показали, что саморазвивающиеся системы характеризуются

...развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому... Смена вида саморегуляции системы представляет собой фазовый переход, который может быть охарактеризован в терминах динамического хаоса. В современной науке он описывается в рамках динамики неравновесных систем и синергетики¹⁰.

⁸ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 641, 643–644.

⁹ Там же. С. 662.

В последнем своем докладе о методологии прогнозирования сложных социальных систем (30 мая 2018 г., на заседании Секции ФСППП Отделения общественных наук РАН) В.С. Степин поделился представлениями о трех стадиях фазового перехода: 1) возникновение динамического хаоса, точек бифуркации и спектра возможных сценариев развития; 2) конкуренция сценариев может выделить доминирующий сценарий, который определяет русло развития; 3) этот сценарий может стать необратимым, система вступает в режим с обострением, который при тенденции восходящего развития ведет к новому уровню организации, повышающему степень сложности системы, главную роль начинает играть целевая причинность. В результате возникают: новая целостность усложнившейся системы, новые программы ее саморегуляции и соответствующие параметры ее порядка.

Таким образом, общенаучный принцип универсального эволюционизма включал понимание **трех основных сфер бытия**, из них третья понималась как **социальная**. Тем самым, в соответствии с материалистической традицией, предполагалась ее интерпретация только как **материальной**. В советском марксизме использовался термин «социальная форма движения материи», основу которой составляют производственные отношения между людьми. Но такая интерпретация не соответствовала более широкому, субъектно-познавательному содержанию предмета, достигнутому в социологии, психологии, исторических науках, а науку о культуре вообще лишало предмета, оставляя ее как бы за пределами научного знания.

Более сложному пониманию социальной формы бытия в советском обществоведении способствовало активное вовлечение в научный оборот ранних произведений К. Маркса, в особенности его «Экономическо-философских рукописей» 1844 г., а также близких к ним «Святого семейства» и «Немецкой идеологии» (1844–1846 гг.). Такому вовлечению способствовало второе издание сочинений основоположников марксизма, осуществлявшееся

¹⁰ Степин В.С. отвечает на вопросы И.Т. Касавина // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Степина / Под ред. В.И. Аршинова, И.Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2014. С. 27.

с 1955 г. Институтом Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПСС. Уже в первом томе были опубликованы несколько ранних работ, а в 1956 г. вышел сборник «Из ранних произведений» К. Маркса и Ф. Энгельса, где были опубликованы докторская диссертация, «Экономическо-философские рукописи» и ряд других работ молодых Маркса и Энгельса. В 1965 г. в журнале «Вопросы философии» (№ 10, 11) Институт марксизма-ленинизма опубликовал новый, более аутентичный текст «Немецкой идеологии»; в 1976 г. эти фрагменты вошли в отдельное издание¹¹.

Важное значение для более широкого понимания «третьей формы бытия» имеет следующее положение главы о Фейербахе в «Немецкой идеологии»: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»¹². Выражение *непосредственно вплетено* допускает относительную самостоятельность сознания именно как *вплетенного* в процесс материальной деятельности человека, в материальное общение людей. Впрочем, основоположники тут же добавили, что представления, мышление являются «непосредственным порождением материального отношения людей»¹³. На мой взгляд, здесь отмечено неявное различие между относительной самостоятельностью сознания *в деятельности индивида* и зависимостью его сознания от *отношений взаимодействия* с другими людьми, *общения* с ними. Иными словами, сознание индивида порождено его взаимоотношениями с другими людьми, их **формами общения** между собой, но вплетено в его собственную материальную деятельность уже как относительно самостоятельное.

На основе изданий ранних произведений основоположников марксизма, а также используя фотокопии рукописей этих произведений, российские специалисты осуществили ряд комплексных исследований формирования и развития философского учения Маркса. Среди них я должен напомнить цикл из трех работ,

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 24.

¹³ Там же.

удостоенных в 1983 г. Государственной премии СССР: Т.И. Ойзерман. Формирование философии марксизма (1962, 1970, 1986); Н.И. Лапин. Молодой Маркс (1968, 1976, 1986); В.П. Кузьмин. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса (1976, 1980, 1986). Кроме изданий на русском языке каждая книга имела много переводов на другие языки. Я не могу также не назвать работы выдающегося марксоведа Г.А. Багатурия – одного из инициаторов и руководителей международного полного издания произведений Маркса и Энгельса на языках оригинала.

Заметное влияние на формирование *самостоятельного, творческого* подхода к изучению произведений основоположников марксизма оказал академик Т.И. Ойзерман (1914–2017). В середине 50-х гг., тогда еще доцент, и.о. зав. кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ, он в знаменитых лекциях о формировании философии марксизма, которые мне довелось слушать, демонстрировал не просто возможность, а необходимость творчески относиться к текстам раннего Маркса. При этом он значительное внимание уделял таким малоизвестным тогда понятиям, как *отчуждение* и *самоотчуждение*, *реальный гуманизм* и др., сопровождая их, соответственно идеологическим условиям того времени, критикой тех зарубежных философов, которые противопоставляли молодого Маркса зрелому. Но при этом он не уклонялся от рассмотрения тонких форм этого противопоставления – таких как различие Ж. Кальвезом двух видов диалектики: феноменологической и онтологической¹⁴. В новых изданиях своей книги Т.И. Ойзерман, учитывая дискуссии, развернувшиеся в советской социологии и смежных науках, отметил:

Материалистическое понимание истории предполагает не только независимую от сознания и воли людей природу, но и

¹⁴ Ойзерман Т.И. «Экономическо-философские рукописи 1844 года» в кривом зеркале буржуазной и ревизионистской критики марксизма // Формирование философии марксизма. М.: Соцэкгиз, 1962. С. 313–314. Актуальность проблематики «Экономическо-философских рукописей» Маркса раскрыта также в работах аспирантов кафедры Т.И. Ойзермана, см.: Пажитнов Л.И. У истоков революционного переворота в философии. М., 1960; Лапин Н.И. Молодой Маркс. М., 1968.

объективные производственные отношения, несмотря на то, что последние создаются исторически развертывающейся деятельностью человечества¹⁵.

В то же самое время проблема понимания природы **человека как деятельного существа** активно разрабатывалась в нескольких областях советского обществоведения. Их результаты в целом удачно обобщил в середине 70-х гг. философ и историк культуры, профессор М.С. Каган (1921–2006). Используя системный подход, он предложил рассматривать деятельность человека «в самых различных проекциях» и предложил «определение Homo agens, т.е. человек действующий», как интегрирующее все имеющиеся более частные определения, включая Homo sapiens¹⁶.

Понимание сложности деятельности на уровне структуры личности при взаимодействии с *социальной средой* показала заведующая отделом Института философии АН СССР, профессор Л.П. Буева (1926–2020)¹⁷.

С другой стороны, доктор философских наук, социолог и социальный психолог, руководитель генерального исследовательского проекта Института конкретных социальных исследований АН СССР, профессор В.А. Ядов (1929–2015) обосновал *диспозиционную теорию личности*, согласно которой отдельные установки существуют во внутренней структуре личности не сами по себе, а складываются в иерархическую систему диспозиций, имеющую несколько уровней: от элементарных установок до общей системы ценностных ориентаций¹⁸.

Поясняя ее значение для понимания образа «Я» как некоторой системы признаков, доктор философских наук, профессор истории и социологии И.С. Кон (1928–2011) показал: эмоциональные и когнитивные компоненты «Я» не просто сосуществуют:

¹⁵ Ойзерман Т.И. Формирование философии марксизма. 3-е изд. М.: Мысль, 1986. С. 253.

¹⁶ Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. С. 5.

¹⁷ Буева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М., 1968.

¹⁸ Ядов В.А. (рук.). Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е изд., расшир. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

«они взаимосвязаны, но несводимы и невыводимы друг из друга». Акцент на несводимости и невыводимости компонент «Я» близок пониманию природы человека как синергичной триады *взаимопроницания* биологического, культурного и социального. Вместе с тем, обоснованная И.С. Коном концепция филогенеза самосознания («от самосознания – к образу “Я”») позволила ему сделать вывод первостепенного значения: «знание человеком самого себя не может быть ни исчерпывающим, ни свободным от оценочных характеристик (высшие уровни иерархии сами суть ценностные ориентации) и противоречий»¹⁹.

Методологические и социально-психологические аспекты *оценок* и самооценок получили дальнейшее развитие в работах известного социолога и социального психолога, профессора МГУ Г.М. Андреевой (1924–2014). Она уделила специальное внимание *перцепции* общения людей, в том числе уяснению того, что «анализ осознания себя через другого включает две стороны: **идентификацию** и **рефлексию**» (выделено Г.М. Андреевой)²⁰. Разработка проблемы оценок и самооценок в российской социологии и социальной психологии опиралась на теоретические исследования С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, а также на ряд экспериментальных эмпирических исследований (А.А. Бодалев и др.). В целом она осуществлялась с учетом результатов «транзакционного» и иных новых направлений западной психологии. В отличие от них, советские ученые опирались не на психоанализ З. Фрейда, а на диалектико-деятельностный, гуманистический подход Маркса, используя и ранние его работы.

Во многом интегрирующее исследование осуществил доктор философских наук, профессор А.Г. Здравомыслов (1928–2009), который выявил глубокую взаимосвязь *потребностей, интересов, ценностей*. По характеристике автора,

...это своего рода гнездо категорий... Целостная картина общественной жизни может быть получена лишь в том случае,

¹⁹ Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. С. 68, 70.

²⁰ Андреева Г.М. Общение как восприятие людьми друг друга // Она же. Социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 143.

если принимаются во внимание все три рода стимулов человеческой деятельности, взятые в их соотношении с соответствующими сферами жизнедеятельности общества – материальной, социальной и духовной.

По сути, социолог изучал триаду био-, социо-, культурной компонент деятельности, обосновывая не только их взаимосвязь, но и взаимопереходы, основанные на взаимопроникании каждой компоненты в каждую. Дело в том, отмечал он, что потребности, интересы и ценности не только тяготеют к соответствующим сферам общественной жизни, но и «проявляются тем или иным образом в каждой из сфер»²¹. При этом, как видим, акцент сделан на их взаимопроникании в сферах общества, а еще не в личности человека. Аргументируя свою позицию, А.Г. Здравомыслов апеллирует к близкой позиции В.П. Кузьмина в его упомянутой выше книге.

Действительно, В.П. Кузьмин (1926–1989) стремился показать, что в социальных системах «существенно значимы по крайней мере три параметра: а) степень удовлетворения основных потребностей; б) историческая ступень решения социальных проблем; в) актуальные социально-психологические, культурные и духовные проблемы общества»²². При этом он сделал новый важный шаг: используя как поздние, так и ранние произведения Маркса, обратил внимание на *изменение* потребностей и интересов в иерархических структурах общества и заключил о существовании в нем двух видов фундаментальной структуры деятельности – постоянной и переменной. Потребности, интересы, ценности он отнес ко второй, *переменной* структуре, отметив, что изменения их места в иерархии актуальных целей и задач «происходят диалектически, т.е. одно явление столь же отрицает другое, сколь и “сохраняет” его»²³.

²¹ Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. С. 7–8, 68, 70.

²² Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 3-е изд. М.: Политиздат, 1986. С. 21. Здравомыслов А.Г. использовал 2-е изд. этой книги: 1980 г.

²³ См.: Там же. С. 202.

Эти результаты он получил, предложив новую, до сих пор недостаточно оцененную интерпретацию формационной теории Маркса: как **теории о социально-экономических «системах с расширяющимся основанием и сменными структурами»**²⁴.

Итак, советская социогуманитарная мысль эволюционировала в сторону понимания высокодиалектической, по сути, синергичной сложности общества и деятельности человека, выявления глубоких взаимосвязей их компонент – биологической, социальной, культурной, а также особой роли ценностей²⁵.

Результирующий вклад в понимание синергично-сложной природы человека и его сообществ как специфической формы бытия был осуществлен на рубеже столетий **с междисциплинарных позиций**, включая возникавшую в советском обществоведении новую дисциплину – **теорию и историю культуры**. Названный выше профессор М.С. Каган предложил концепцию возникновения **качественно новой формы бытия**, материальные и духовные компоненты которого **взаимопроникают** друг друга. Этот вклад ученого недооценен в литературе и заслуживает того, чтобы воспроизвести его авторское резюме:

Человеческая деятельность в ее развитом виде, – писал он, – означала «процесс превращения животного в человека... Речь идет не о формировании еще одного биологического вида, а о *рождении качественно новой формы бытия*, в которой биологическое начало оказывается *снятием* – в гегелевском, диалектическом, смысле этого понятия – *на несколько порядков более сложным системным качеством – антропо-социо-культурным*».

²⁴ Кузьмин В.П. Системные основания и структуры // *Он же. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса*. 3-е изд. М.: Политиздат, 1986. Глава V.

²⁵ Сложность содержания *социального*, его пограничный характер в соотношении материального и идеального в человеческой деятельности и в целом в *общественном бытии* («общественной субстанции») достаточно четко была представлена в послесловии третьей части коллективного труда Института философии АН СССР «Марксистско-ленинская теория исторического процесса» (см.: Плетников Ю.К. *Послесловие // Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: диалектика современной эпохи* / Отв. ред. Ю.К. Плетников. М.: Наука, 1987. С. 434–440).

Подчеркну, – продолжал исследователь, – что это трехчленное понятие является целостной характеристикой новой формы бытия... Сознательное бытие первобытных людей формировалось именно в этой их целостности и во взаимном опосредовании всех ее трех подсистем. Более того, приобретенная впоследствии, на высоком уровне развития, именуемом *цивилизацией*, относительная самостоятельность каждой из них... на этапе антропо-социо-культурогенеза еще не возникла, и формировались они *синкретично*, то есть в практически неразличимом единстве, в фактическом тождестве²⁶.

Как видим, М.С. Каган предложил комплексно-дифференцированное понимание третьей формы бытия Универсума: это не только «социальная материя», а качественно более сложная, **антропосоциокультурная** форма бытия, синергично интегрирующая его материальную, социальную и культурную компоненты. Тем не менее в литературе и учебном процессе продолжало (и продолжает) использоваться прежнее, узкое понимание. Возражая, автор впоследствии приводил уточняющие аргументы, в том числе понимание человека как наиболее сложного, «био-социокультурного» образования²⁷. Но в сознании многих исследователей сохранялась и еще сохраняется инерция использования прежних, узких смыслов понятий «социальное», «человек», «общество».

Со своей стороны, я в это же время опробовал несколько вариантов конкретизации принципа универсального эволюционизма применительно к сложности компонент человека и его сообществ. Вначале я предложил и использовал термин «антропосоциетальный» для характеристики антропо-деятельностного содержания классического социокультурного подхода. Но в этом термине было «свернуто» содержание культуры. В результате я теперь также использую трехсоставной термин «антропосоциокультурный».

Таким образом, я считаю, что термин **антропосоциокультурный эволюционизм** достаточно адекватен содержанию третьей формы бытия и может использоваться. Содержательно он нахо-

²⁶ Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Книга первая. 2-е изд. СПб.: Петрополис, 2003. С. 59.

²⁷ См.: Каган М.С. Диалектика бытия и небытия в жизни человеческого общества // Личность, культура, общество. 2003. Т. V. Вып. 1–2 (15–26). С. 34.

дится в русле осуществленного П. Сорокиным **философско-методологического синтеза**: «Личность, общество и культура как неразрывная триада»²⁸. Этот синтез соответствует многомерной сложности **человека** – как биосоциокультурного существа.

В российской философии и социологии факт такой сложности акцентировал доктор философских наук В.Н. Шубкин (1923–2010):

Вглядываясь в пятимиллиардную массу людей, населяющих шар земной, все-таки стремишься понять, определить, что же представляет собой человек, хотя и догадываешься, что одним прилагательным его суть не раскроешь. Вот почему, не претендуя на какую-то концепцию, и предложил я такую условную триаду: человек биологический, человек социальный, человек духовный. В разных соотношениях все три персонажа живут в каждом человеке²⁹.

Сложность данного существа, по моему убеждению, заключается в том, что три его «персонажа» возникли и существуют не отдельно каждый, а в их **синергическом единстве**: биосоциокультурная энергия человека, взаимодействующего с другими людьми и их сообществами, реализуется в его деятельности для удовлетворения его потребностей и способностей как *целого*. Понимание этих аспектов целостности человека как синергично триединого существа нуждается в конкретизации.

Прежде всего, необходимо уяснить *диалектику* синергического взаимопроникновения универсалий человека. Исходным служит понимание человека как **деятельного**, т.е. реально существующего лишь в процессе той или иной *деятельности*, только в котором и актуализируется взаимопроникновение трех свойственных человеку универсалий, синергичный их синтез. Вне деятельности (хотя бы только умственной) его универсалии «спят» каждая сама по себе (кроме инстинктивных биофизиологических функций), в болезненном состоянии их взаимодействие может стать неадекватным. Строго говоря, дальнейшие мои суждения о диалектике

²⁸ Сорокин П. Родовая структура социокультурных явлений // *Он же*. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 218–219.

²⁹ Шубкин В.Н. Насилие и свобода. Социологические очерки. М., 1996. С. 7.

универсалий человека относятся не к человеку в любом его состоянии, а только к действующему человеку, точнее – к его действиям в здравом состоянии.

Своей деятельностью человек как синергичное биосоциокультурное существо **решает фундаментальные противоречия своего бытия**³⁰. Прежде всего противоречия между естественной **необходимостью** и **свободой воли** как основанием **автономии** и достоинства человека. Эти противоречия кажутся неразрешимыми, если рассматривать три универсалии человека как автономные: в таком случае бытие человека предстает разорванным между тремя мирами. Но коль скоро мы поняли, что эти универсалии в каждом действии человека взаимопроницают друг в друга, то именно в действии происходит снятие противоречий его бытия. А наиболее полно это снятие достигается во взаимодействиях людей.

Взаимодействие – одна из универсалий эволюционной картины мира, исключая всякое абсолютно первичное и абсолютно вторичное. Это и общая категория философии, выражающая взаимную обусловленность различных объектов в мире – природном и человеческом. К середине XIX в. она стала ключом к пониманию природы сообществ людей и самого человека, содержанием **базового процесса** жизнедеятельности каждого человека и его сообществ. А, с другой стороны, Маркс диалектически

³⁰ Целый букет актуальных аспектов деятельности и подходов к их рассмотрению был обсужден в нестандартной дискуссии, которую около 30 лет назад провел академик В.А. Лекторский (см.: Деятельность: теории, методология, проблемы / Сост. И.Т. Касавин. М.: Политиздат, 1990. 366 с.). По условиям этой дискуссии, В.А. Лекторский как ведущий не мог давать оценки ее содержания. Вместе с тем спустя 10 лет он в специальной статье представил развернутую характеристику состояния дискуссий по проблемам деятельности; статья завершалась выводом: «Итак, деятельностный подход, с моей точки зрения, не только возможен в современных условиях, но и весьма перспективен. Однако его развитие предполагает осмысление и пересмотр ряда связанных с ним представлений». Вместе с тем многообразие аспектов деятельности порождает несводимые друг к другу теории. Поэтому «бессмысленны претензии на создание некоей “Единой Теории Деятельности”» (см.: Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 65).

уточнил: человек – «не только животное, которому свойственно общение, но животное, которое только в обществе и может обособляться»³¹.

Более конкретно фундаментальные процессы взаимодействия людей исследовались специалистами в области психоанализа и получили обобщенную интерпретацию в концепциях экзистенциализма, в трудах К. Ясперса и Н.А. Бердяева. Позицию Ясперса, который осмысливал духовную ситуацию в мире от предфашистской Германии до последствий ее разгрома в 1945 г., глубоко и точно охарактеризовала выдающийся российский философ, член-корреспондент РАН Пиама Павловна Гайденко (1934–2021).

По мере того, как Ясперсу все яснее становился предмет его исканий, он все отчетливее формулировал тему своей философии. Ею в конце концов оказались человек и история как начальное измерение человеческого бытия... Чтобы понять историю, необходимо дать себе отчет в том, что же такое человек; в свою очередь, человеческое существование раскрывается через время, через историчность. Имеем ли мы тут дело с порочным кругом? Если проблема формулируется отвлеченно, то да, но в действительности тут налицо глубокая органическая связь двух понятий, и нужен конкретный анализ, чтобы раскрыть характер этой связи³².

Далее Гайденко привлекла внимание к тому, что Ясперс начал свою деятельность как врач-психиатр, который сразу же столкнулся с трудностью общения с душевнобольными пациентами и начал изучать проблему общения, или коммуникации, которую впервые рассмотрел во «Всеобщей психопатологии» и сохранил как одну из центральных в дальнейшем философском творчестве. В труде «Разум и экзистенция» (1935 г.) он поставил такой диагноз своеобразию человека:

Сравнение человека с животными указывает на коммуникацию как универсальное условие человеческого бытия. Она настолько

³¹ Маркс К. Соч. Т. 12. С. 710.

³² Гайденко П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 9–11.

составляет его всеохватывающую сущность, что все есть человек и что есть для человека... обретается в коммуникации³³.

«Вне коммуникации, стало быть, невозможна и человеческая свобода», – добавила Гайденко³⁴ и сделала это в полном согласии с Ясперсом. Осмысливая после Второй мировой войны фундаментальные основы философской веры как экзистенциальной программы бытия человека в разрушенном мире, Ясперс заключал: человек «сопричастен всеобъемлющему, что только и делает его самим собой. Мы называем это идеей, поскольку человек есть дух, называем это верой, поскольку он есть экзистенция»³⁵. И далее: «Вера в человека – это вера в возможность свободы», а «свободе необходима подлинная коммуникация, она – нечто большее, чем простое соприкосновение, договоренность, симпатия, общность интересов и развлечений»³⁶.

Возникает вопрос: что такое *подлинная коммуникация*? Я не вижу у Ясперса конкретного ответа на этот вопрос. Но я заметил приближение к такому ответу у русского экзистенциалиста Николая Александровича Бердяева (1874–1948). В те же послевоенные годы, незадолго до кончины, размышляя о сходной проблеме человека в обществе, Н.А. Бердяев обратил пристальное внимание на способность человека к **оцениванию**, которую специально выделил. В подытоживающем, посмертно изданном труде «Царство духа и царство кесаря» (1948 г.) после четырех глав о человеке как основном предмете размышлений (**человек**: и Бог, духовность; и Космос, техника; и общество, социализм; и кесарь, власть) следует пятая, по-своему интегрирующая глава: «**Об иерархии ценностей. Цели и средства**». В ней содержатся реалистичные оценки:

...в нашем мире иерархия ценностей опрокинута, низшее стало высшим, высшее задавлено. Это опрокидывание ценностей

³³ Jaspers K. Vernunft und Existenz. Groningen, 1935. S. 57.

³⁴ Гайденко П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 17.

³⁵ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Он же. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 227.

³⁶ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. С. 231.

касается не только Советской России, но еще может быть более Америки, да и всей Европы... Иерархия ценностей определяется по принципу пользы... Ставится вопрос даже не о ценностях, творимых человеком, а о ценности самого человека... Целью человечества остаются высшие ценности, но которые предполагают и очеловечение средств³⁷.

К таким оценкам философ пришел после недолгой радости от победы Советской России над фашизмом, породившей надежды на лучшее будущее. Результатом стало подтверждение религиозной веры в **очеловечение средств** достижения высших ценностей как **цели**. В качестве теоретико-методологического **основания** этих **оценок** послевоенной реальности философ предположил два постулата, с которых и начал главу об иерархии ценностей:

- **«Человек есть существо оценивающее, определяющее качество.**
- **Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания»** (выделены мной. – Н.Л.)³⁸.

Это не рядовые суждения, а выверенная позиция мыслителя. Формула **«человек есть существо оценивающее, определяющее качество»**, сопоставима с формулами: «человек – существо мыслящее» (*homo sapiens*) и «человек – мера всех вещей». **Оценивание** (*estimate, estimation, evaluation*) – это не одно только логическое суждение, но синергийный, мысле-эмоционально-волевой акт человека как БСК-существа. Он предполагает определенные формы *мышления*, включая интуитивные, а также векторы **направленности оценок** – вовне (оценка человеком среды своей жизнедеятельности) и/или внутрь (самооценка человеком себя). Он также предполагает **наличие воли** к тому или иному качеству жизнедеятельности (воля к жизни, к власти и т.д.), готовность к соответствующему эмоциональному переживанию и к направленному *развитию* способности *оценивания*.

³⁷ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Он же. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 271–273.

³⁸ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. С. 271.

В действиях человека очевидно участие биологической и социальной универсалий (поэтому и стали давно характеризовать человека как биосоциальное существо), но менее очевидна третья его универсалия – культура, содержанием которой служат способы и результаты деятельности людей, синтезирующие потенциал и реализацию взаимодействия первых двух универсалий. Правоммерно различать два основных **вида взаимодействий индивидов**: 1) с природными и техническими объектами; 2) с АСК-объектами: с другими индивидами самими по себе и с множествами взаимодействующих индивидов. Первый вид можно считать взаимодействием культурной универсалии с биологической, а также и со «второй природой». Второй вид – взаимодействием культурной универсалии с социальной. Соответственно, следует различать и два вида **культуры взаимодействий**. Существует и третий вид взаимодействий людей и, соответственно, культуры этих взаимодействий: одних *множеств* взаимодействующих индивидов с *множествами* других взаимодействующих индивидов; это, скорее, взаимодействия между социальными организациями и системами, а не людьми как таковыми, поэтому в настоящем введении я оставляю их в стороне.

На уровне человека совокупные взаимодействия трех универсалий создают **синергию деятельных качеств** человека как биосоциокультурного существа. Среди таких качеств я выделяю: **энергию, потребности, способности, интересы**. Каждое из таких качеств развивается, обособляется и выполняет относительно самостоятельную роль в жизнедеятельности человека. Известна значительно повысившаяся с Нового времени роль **интересов**, которые стали предметом целого семейства наук.

Трансцендентальность оценивания как функции сознания можно отнести прежде всего к соизмерению человеком реалий по *априорным* архетипам и/или сопряженным с ними ценностям, закрепившимся в сознании и подсознании, а также и к более сложной компоненте оценивания – установлению *иерархии* ценностей³⁹. Предпосылками оценивания служат: **потребность** человека во взаимодействии с другими людьми и, соответственно,

³⁹ Выше я отметил вклад В.А. Ядова в понимание сложности этой иерархии.

в оценивании не только среды, но своего взаимодействия с другими; его **способность** к оцениванию, требующая рефлексивного мышления – о мышлении других людей и о своем собственном. Нет ничего удивительного в том, что с глубокой древности до наших дней все люди всех рас и этносов имеют сходные фундаментальные объекты и смыслы оценивания, прежде всего других людей и отношений между людьми, таких как: справедливость, благо (добро) и зло, запреты (не лги, не убий и др.)⁴⁰. Фазы формирования у человека потребности, заинтересованности и способности оценивания, а также восприятия оценок в свой адрес могут быть частично выявлены в онтогенезе развития ребенка, а во взрослом состоянии человека – стать объектом его рефлексивного саморазвития или направленного воздействия извне. Соответственно, *человек действующий* означает – *и взаимодействующий*. Можно предположить, что потребность человека во взаимодействии и в способности к адекватному оцениванию стала важным фактором формирования и развития его *мышления как такового*. Предложенная М.С. Каганом формула *Homo agens* не вполне точна и, скорее, не заменяет известную формулу *Homo sapiens*, а дополняет ее и после уточнения становится формулой: **Homo actor sapiens**, т.е. **Человек, действующий и взаимодействующий с помощью разума** (но не всегда разумно).

Наиболее общим *практическим результатом* оценивания является **идентификация** человека с самим собой или с объектами среды. Это синтезирующее **отношение** человека как субъекта к конкретному объекту – природному или антропосоциокультурному. Свообразны отношения человека к растениям (культивирование фруктовых, злаковых, овощных растений восхищение красотой

⁴⁰ Уже в XXV столетии до н.э. древнешумерский мудрец Шуруппака, ссылаясь на заветы, возникшие «в давние дни, в стародавние дни», поучал: «Дитя мое, не соверши убийства!.. Не кради, себя не губи... С молодецкой замужней не болтай, злословие всесильно... Лжи не допускай... Слова не нарушай, твое слово – основа... Кто рушит дома, будет домом раздавлен. Кто на людей подымется, на того люди подымутся» (Поучения древнешумерского мудреца Шруппака // Антология мировой правовой мысли / Рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. В 5 т. Т. 1. Античный мир и античные цивилизации. С. 44–45).

и запахами цветов) и к животным (восторги от домашних питомцев). Но совсем иные отношения – к людям. Неправомерно сводить эти отношения к психоаналитическому отождествлению себя с другой личностью или с поиском внутренней самотождественности, но было бы ошибочно и недооценивать вклад З. Фрейда в обоснование данного феномена. Многообразны не только объекты идентификации (идентификация **чего и с чем**), но и ее способы (**как** идентифицировать, какими **способами**, в том числе путем оценивания). Содержание идентификации как *синтезирующего* отношения не сводится к психологическому акту и весьма разнообразно, включает когнитивные, религиозные, психологические, социальные, идеологические, политические, экономические, правовые аспекты. Оно зависит от субъекта и его социокультурной среды, имеет как неформально-личностный, так и формально-институциональный характер.

Комплексное понимание идентификации и ее синтезирующей роли в жизни людей и их сообществ включает представления философов о множественной идентичности как социальном и антропологическом феномене⁴¹ и одновременно – соответствует представлениям социологов и политологов о «текущей современности», о ее процессуальной природе и непрерывности социальных коммуникаций, в поле которых погружен современный человек⁴².

Далее, следует определить условия, благодаря которым становятся возможными эти действия и взаимодействия самостоятельных индивидов, воля которых автономна и которые поэтому именно в обществе и обособляются. Фундаментальный вопрос:

⁴¹ См.: Смирнова Н.М. Цивилизационная идентичность как методологическая проблема социально-философского анализа // Вопросы социальной теории. Научный альманах / Под ред. Ю.М. Резника. М., 2018. Т. X. С. 59–68; Гуревич П.С., Спирина Э.М. Идентичность как социальный и антропологический феномен. М.: Институт философии РАН, 2015. 368 с.

⁴² См.: Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008; Семенов И.С. Идентичность как категория политической науки: опыт концептуализации // Политическая идентичность и политика идентичности. М., 2011. В 2 т. Т. 1. С. 9–10.

как возможно обособление взаимодействующих людей в обществе, среди его макроструктур?

Этот вопрос долгое время даже не возникал. Вплоть до середины XIX в. внимание философов, социальных мыслителей было сосредоточено на дихотомии: **человек** и **общество**, на их соотношении как таковых. В античности люди жили в полисах и воспринимали себя как *политических* существ. Затем, по мере выдвижения на первый план самодостаточных обществ, человека стали считать существом *общественным*. К. Маркс уточнил: сущность человека составляет «ансамбль (совокупность) общественных отношений».

Но не всех же отношений и не одинаково у всех людей. Каждый человек индивидуален, представляет собой своеобразную особь. Что делает его особенным, помимо особенностей его биологического организма? Углубленное изучение этого круга вопросов привело во второй половине XIX в. к осознанию значения еще одной, третьей сферы взаимодействий человека – его **культуры**. Она осуществляет взаимосвязь макросоциальной и межиндивидуальной сфер, выступая дополнительным регулятором каждой из них, который компенсирует ограниченность их собственных, внутренних регуляторов и обеспечивает более сбалансированное функционирование и саморазвитие человека и общества. В сфере культуры индивиды используют креативный потенциал своего ума (рассудка и разума, включая продуктивное воображение) для понимания общественных смыслов своих действий как взаимодействий с другими индивидами и с обществом. Содержание этого их понимания я называю **гражданско-общественной культурой взаимодействий** и отмечаю ее роль именно как **синтезирующего регулятора** систем макросоциальной сферы взаимодействий.

Это обобщенная форма *индивидуально-массового сознания* граждан об их взаимодействиях между собой и с теми обществами, в которых они живут. Значение этой культуры очень велико, имеются многочисленные сопутствующие исследования смежных с нею аспектов, но как таковая она до сих пор оставалась вне специальных исследований. Исключение составляет пионерное исследование «Массовое сознание» известного советско-

российского философа и социолога, доктора философских наук, профессора Б.А. Грушина⁴⁵.

В этой сфере отношения идентификации людей имеют синтезирующий характер. Наиболее определенно он представлен во взаимодействии людей *в экономике*. Поскольку это базовая, жизнеобеспечивающая сфера деятельности индивидов и общества, то взаимодействия людей, их отношения идентификации в этой системе можно считать базовыми.

Гражданская культура взаимодействий населения

Это синтезирующая форма личностно-массового сознания населения в обществах нашего времени, которая обобщенно выражает понимание *индивидами* (полноправными членами общества, гражданами государства) смысла своих взаимодействий и отношений на трех уровнях:

- а) к самому себе и к другим членам своего общества;
- б) к *обществу* в целом, в основных сферах жизнедеятельности – основной, базовый уровень взаимодействий и их культуры, назовем ее гражданско-общественной культурой взаимодействий;
- в) к *цивилизации* и, соответственно, к членам других обществ, относящихся к этой цивилизации, или к обществам иных цивилизаций и к их членам.

Содержание этих уровней индивидуально-массового сознания сопряжено с содержанием самоидентификации индивида как *личности*. Сложность гражданской культуры состоит в том, что ее общественное содержание непосредственно *по-своему* осмысливается каждым индивидом, в контексте множественной идентификации. Иными словами, эта культура определяется

⁴⁵ Б.А. Грушин (1929–2007) впервые осуществил рационально строгую постановку проблемы массового сознания и эмпирически обосновал подход к ее решению. Он обратил внимание на эту проблему еще в Таганрогском исследовании «Общественное мнение» (1967–1974) при изучении видов массовой информации и подготовил ее понимание в уникальном труде «Массовое сознание» (Политиздат, 1987. 368 с.), когда руководил сектором изучения общественного мнения в Институте философии АН СССР. Этот его труд недооценен в научном сообществе.

всей совокупностью взаимодействий индивидов, смыслополаганием ядра культуры этого общества, множественностью самоидентификации каждого индивида.

Гражданско-общественная культура взаимодействий характеризуется следующими группами качеств:

- **интеллектуально-нравственные**: каждый взрослый **человек**, поскольку он относится к роду *Homo actor sapiens*, **действует и взаимодействует с помощью разума**, который позволяет ему самостоятельно определить предпочитаемые **ценности** и **идентифицировать** с ними **цели** (благо, его характеристики) своих **действий** и **средства** их достижения, соблюдая **нормы нравственности** (золотое правило, категорический императив или иные нормы) при **взаимодействиях** другими людьми, принятые в данном обществе и соответствующей цивилизации;
- **политически-правовые**: государство должно обеспечить и закрепить законом о правах, свободах и обязанностях человека и гражданина неотъемлемое **право каждого пользоваться своим умом** во взаимодействиях с другими людьми и с созданными ими институтами, включая государство, без руководства со стороны кого-либо другого, но самостоятельно, соблюдая при этом гражданско-нравственные обязанности, также формулируемые законом;
- **психофизические**: индивидуальное **мужество**, достаточное для защиты и реализации права и обязанностей пользоваться своим умом, преодолевая препятствия, и обычно достигаемое вместе с наступлением природной (физической, сексуальной) зрелости индивида.

Гражданско-общественная культура взаимодействий человека обретает **зрелость** как **совокупное целое**, т.е. по достижении зрелости каждой названной группы качеств и их взаимопроницающего целого на основе **свободного саморазвития**. Это и есть основные принципы **социализации** человека, совершающейся по мере его развития от младенчества к юности и взрослости⁴⁴, к всесторонне

⁴⁴ Одним из первых исследований проблемы юности и становления взрослости в советско-российской социологии стала книга: *Кон И.С. Социология личности*. М.: Политиздат, 1967. 383 с.

развитой личности – человека и гражданина правового государства. Идею такого *взросления* человека И. Кант обосновал, связав эпоху **Просвещения** не просто с распространением знаний, а с мужественной борьбой каждого человека за утверждение права самостоятельно пользоваться своим умом, в итоге – со становлением развитого состояния гражданского общества, члены которого достаточно реализуют возможности, предоставляемые им правовым государством.

Кант сделал это в цикле статей, написанных после «Критики чистого разума» (1781), незадолго до Французской революции 1789 г. Уже в первой статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант обратил внимание на роль Просвещения в развитии *нравственности*, косвенно соотнося это развитие с осуществлением обоснованного им категорического императива, следование которому необходимо для возникновения гражданского общества. Более конкретно историческое значение Просвещения Кант раскрыл в следующей статье, написанной в том же году, «Ответ на вопрос: что такое просвещение?»:

Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого. *Несовершеннолетие по собственной вине* – это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-либо другого. Sapere aude! – Имей мужество пользоваться своим собственным рассудком! Таков, следовательно, девиз Просвещения⁴⁵.

⁴⁵ Кант И. Сочинения в четырех томах на немецком и русском языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796) / Подгот. к изд. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлингом. М.: Изд. фирма «Ками», 1993. С. 127. К приведенному переводу редакция сделала примечание: русский термин «рассудок» использован как более точный эквивалент термина *Verstand*, используемого в оригинале Кантом, в отличие от термина *Fernunft* (разум), используемого им в иных, специальных философских текстах (Там же. С. 560, примеч. 2). Это, однако, не означает, что в названном выше качестве гражданско-общественной культуры следует использовать термин *рассудок*, а не *разум*, поскольку имеется в виду разумность как родовое качество человека.

Современный культурсоциолог Дж. Александер так резюмировал: «В дискурсе гражданского общества самый большой “грех” – это неспособность достичь и поддерживать собственную автономность и независимость»⁴⁶.

Следует уточнить: под собственной виной Кант понимал как личные, психофизические качества индивидов, так и общественные, социокультурные факторы, обуславливающие поведение индивидов в качестве граждан. Что касается *личных качеств*, то он назвал их сразу после приведенного императива *Sapere aude!*

Леность и малодушие – вот причины того, почему многие люди, уже после того, как природа освободила их от чужого руководства, все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними и почему другие так легко присваивают себе право быть опекунами. Ведь так удобно быть несовершеннолетним!.. Итак, каждому отдельному человеку трудно выбраться из состояния несовершеннолетия, ставшего для него почти естественным. Оно ему даже приятно, и на первый взгляд, он, действительно, не способен самостоятельно пользоваться своим собственным рассудком, так как ему никогда не позволяли сделать подобную попытку⁴⁷.

Вместе с тем Кант – гражданин прусского государства, профессор, вскоре ректор столичного, Кёнигсбергского университета, **не убоаялся и сумел** обратить внимание на

...то, что большинство людей (и среди них весь прекрасный пол) считает не только трудным, но и весьма опасным переход к совершеннолетию, – об этом уж позаботились те опекуны, которые столь любезно взяли на себя верховный надзор над ними. После того, как они сначала довели до отупения свой домашний скот и заботливо оберегли его от того, чтобы эти смирные создания осмелились сделать хоть один шаг без опеки, которой они их окружили, – после всего этого они указывают им на опасность, грозящую в том случае, если те попытаются ходить самостоятельно⁴⁸.

⁴⁶ Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М.: Практика, 2013. С. 334.

⁴⁷ Кант И. Сочинения в четырех томах на немецком и русском языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796) / Подгот. к изд. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлингом. М.: Изд. фирма «Ками», 1993. С. 127.

⁴⁸ Там же. С. 128.

Таким образом, Кант говорит о несовершеннолетии не только как о недостатке мужества (у прекрасного пола), но и как о результате подавления свободного гражданского волеизъявления подвластных мужчин со стороны властвующих в обществе господ. По оценке Канта, **иго** общественных условий препятствует людям «разумно употреблять свои природные дарования» и служит «кандалами, удерживающими в постоянном несовершеннолетии»⁴⁹.

Таково основное содержание гражданско-общественной культуры взаимодействий человека с обществом, его членами и структурами. Если человек обладает всей совокупностью качеств такой культуры и мужественно отстаивает их осуществление, в том числе при взаимодействии с элитой и другими чиновниками государства, то состояние этой его культуры можно считать достаточно **зрелым**. Зрелость гражданско-общественной культуры есть способность человека реализовать потенциал своего достоинства во взаимодействиях с другими людьми, в том числе с находящимися во власти.

Но если человеку недостает мужества для реализации потенциала своего достоинства, а основным мотивом его гражданско-общественной культуры, как отмечал Гоббс, остается **древний страх** перед физическим насилием или интеллектуальным превосходством других людей (воинов, шаманов, жрецов и др.), то, вслед за И. Кантом, придется говорить о **несовершеннолетии, незрелости**, или **принудительно подавленном** состоянии гражданско-общественной культуры индивида и множества индивидов, даже всего их сообщества, если такие люди составляют в нем значимое большинство.

⁴⁹ Кант И. Сочинения в четырех томах на немецком и русском языках. Т. I. Трактаты и статьи (1784–1796) / Подгот. к изд. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлингом. М.: Изд. фирма «Ками», 1993. С. 129.

Полипарадигмальный потенциал антропосоциокультурного подхода

Таким образом, антропосоциокультурный подход (АСК-подход) представляет собой гуманитарно-научное, социально-философское и общесоциологическое продолжение и развитие классического социокультурного подхода. Он опирается на общенаучный принцип универсального эволюционизма, конкретизируя его применительно к изучению человека и его сообществ на основе принципа деятельности.

Гуманитарно-научную предпосылку АСК-подхода составляет понимание человека как многомерного, био-социо-культурного феномена, существующего в трех измерениях: природном, культурном и социальном. Это фундаментальные измерения, каждое из которых не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимопроницают друг друга как универсальные составляющие человеческих сообществ. Философский принцип многомерности человека и общества получает конкретизацию в реалистичном конструировании совокупности функций, структур, процессов этих сообществ.

АСК-подход ориентирует на разработку теоретико-методологических средств понимания и исследований обществ, цивилизаций и иных сообществ людей как антропосоциокультурных целостностей. Он нацелен на выявление сцеплений между субъектно-деятельностными и функционально-системными подходами к сообществам людей, взаимосвязей их структуры и динамики, на последовательное соотнесение парадигм социологического знания с результатами эмпирических исследований.

АСК-подход позволяет связать цивилизационный и формационный подходы как взаимодополняющие. Если цивилизационный подход как наиболее масштабный схватывает изначальные, наиболее устойчивые компоненты человеческой истории (антропологические, культурные, этнические), а формационный подход концентрирует внимание на более изменчивых социальных структурах, то АСК-подход выясняет сопряжение устойчивого и изменчивого в обществе и цивилизации.

АСК-подход релевантен структурно-функциональному подходу. Их объединяет понимание человека как активного субъекта действия. АСК-подход, как и структурный функционализм, предполагает анализ функций и структур. Он включает деятельностный принцип изменений изучаемых объектов. Более того, в понимании социокультурной динамики он, используя принципы синергетики, уделяет особое внимание процессам самоорганизации социокультурных систем, в том числе проблемам выбора траектории трансформируемого объекта, фазовых переходов его на иную орбиту эволюции.

Разработка основ АСК-подхода далека от завершения и находится в стадии апробации. Автор постарался апробировать его креативный потенциал при изучении проблем сложности становления новой России, а также при выявлении своеобразия цивилизаций и их эволюции в современном мире⁵¹. Некоторые результаты представлены им в настоящей книге. Помимо введения, это дискуссионные положения о завершении постсоветского транзита России и характеристики возникшего посттранзитного общества.

В целом настоящая книга концептуально подытоживает существенные социально-философские и социологические результаты, которые получены сотрудниками Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН почти за треть его 100-летней творческой биографии. Число научных сотрудников Центра невелико: всего 5 человек, но четверо из них – доктора наук, в достаточно зрелом возрасте, а один, точнее, одна – совсем младшая, совмещает работу с учебой в аспирантуре. Впрочем, до недавнего ее прихода в Центр все научные сотрудники были докторами наук: в 2011–2021 гг. с нами работала Н.А. Касавина, которая недавно оставила Центр ради близкой,

⁵¹ См.: *Лапин Н.И.* Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021. 362 с.; *Лапин Н.И.* Своеобразие культур цивилизаций – достояние и ресурс каждого человека и всего человечества // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 5–16; *Лапин Н.И.* Российский проект цивилизационного развития» и антропосоциокультурный подход // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 6–42.

но иной специальности; она подготовила главу в эту книгу, что не может не радовать.

Остается добавить, что книга содержит ряд дискуссионных положений, по которым у сотрудников Центра, по сложившейся традиции, имеются как сходства, так и заметные различия. Каждый автор несет ответственность за содержание своих текстов, а ответственный редактор – еще и за общий замысел.

Авторы разделов книги: Н.И. Лапин (введение, главы 1, 5, 9, приложение 1); Л.А. Беляева (глава 6, приложение 1); Ю.Д. Гранин (глава 3, приложение 1); Н.А. Касавина (глава 2); Ю.М. Резник (главы 4, 7); К.В. Ракова (глава 8); (приложения 1, 2).

Все мы благодарны Дирекции и Ученому совету Института философии РАН за возможность подготовить и издать эту книгу в числе юбилейных изданий, приуроченных к 100-летию Института философии РАН.

Мы также благодарны рецензентам книги и редакционно-издательскому совету Института философии РАН за высокопрофессиональные оценки и замечания, которые мы использовали при подготовке рукописи к печати.

Руководитель Центра изучения социокультурных изменений
Института философии РАН,
доктор философских наук, профессор социологии,
член-корреспондент РАН (философия и социология)
Н.И. Лапин.

РАЗДЕЛ 1

ПОСТСОВЕТСКИЙ ТРАНЗИТ РОССИИ (1992–2020 гг.)

Глава 1

Характер и этапы постсоветского транзита России

Центр заявил о себе тем, что летом 1990 г. провел первое в масштабе РСФСР социологическое исследование факторов и векторов социокультурных изменений в условиях общего кризиса советского общества, который быстро обострялся в ходе перестройки. Считалось, что в плановой экономике социалистического общества не может быть кризисов. Соответственно в ней, в отличие от рыночной экономики, не были заложены механизмы саморазрешения кризисов. В результате общий кризис оказался не нормальным, а *патологическим*. Исходной в исследовании была гипотеза, что характер выхода из кризиса будет зависеть от изменений иерархии альтернативных ценностей, образующих структуру ценностных позиций различных социальных групп. «Ценности социальных групп и перестройка» – таким было первое название исследования. Опросный лист получил более простое название: «Наши ценности сегодня».

Результаты опроса показали высокую степень осознания населением (95%) кризисного состояния общества и попыток его перестройки. Но по вопросу о путях и способах (куда? и как?) выхода из кризиса мнения респондентов разделились. Свыше двух третей опрошенных надеялись на утверждение нового, демократического социального порядка правовыми способами, но почти треть ожидали, что произойдет социальная катастрофа, в том числе 5% ожидали

отката к тоталитаризму. Августовский путч 1991 г. столкнул СССР к политической катастрофе – самораспаду, в том числе – частичному распаду России в ее досоветском масштабе (Российская империя), при этом около 25% этнически русских оказались за пределами Российской Федерации – постсоветской России.

Были выявлены 4 ценностные макропозиции: 3 одобряемые (повседневный гуманизм, предприимчивый нонконформизм, потребительский конформизм) и 1 отрицаемая (властолюбивый эгоизм). Среди них фундаментальное значение имела и до сих пор сохраняет альтернатива: повседневный гуманизм, поддерживаемый подавляющим большинством населения, и столь же отрицаемый властолюбивый эгоизм. Последующие 6 мониторинговых исследований по той же методике (1994–2015 гг.) подтвердили, что это – традиционная для России альтернатива аксиологических позиций исполнительских и властно-распорядительских слоев населения (не только в политике, но и в бизнесе). Она свидетельствует о глубоко противоречивом, травмогенном характере гражданско-общественной культуры взаимодействий граждан России между собой и с обществом как целым.

Каждое мониторинговое исследование проводилось с интервалом в 4–5 лет и завершалось аналитическим докладом, который Центр представлял в дирекцию Института и для публикации в научных журналах и в прессе («Московская правда», «Поиск», «Независимая газета»). Такая периодичность позволила выявить основные фазы, стадии и характер социокультурного транзита постсоветской России. В первые годы этого транзита, при всей хаотичности действий властных структур, теплилась надежда, что возникшая возможность каждого гражданина обустроить свою жизнь так, как он сам считает нужным, но не нарушая законные права и свободы других, может стать процессом *социокультурной реформации* в духе идеалов европейского Просвещения.

Но финансовый дефолт государства в 1998 г. развеял эти надежды. Он показал утвердившуюся вседозволенность действий узких слоев, получивших власть и собственность, в отношении большинства населения – бедных, нищих, не имеющих возможности и даже желания влиять на политику властей. Стало ясно, что вместо движения вперед, к новому, лучшему обществу произошел

реверсивно-гибридный транзит к «дикому капитализму». Гибридность реверсивного транзита состояла в том, что он был мотивирован двояко: как внутренними обстоятельствами патологического кризиса, так и внешними «образцами» западного, прежде всего американского, капитализма.

Таким образом, постсоветский транзит России стал способом ее трансформации, которая обрела реверсивно-гибридный характер. **Первый этап** трансформации-транзита совершился в 90-е гг. ушедшего века. Его определяющей характеристикой стала внешне **хаотичная «приватизация для своих»** за счет большинства населения, а результатом – дикий капитализм.

Борис Николаевич Ельцин во второй половине 80-х гг. XX столетия в ходе перестройки обрел огромную популярность среди населения РСФСР и стал первым Президентом России благодаря декларациям о защите интересов широких масс россиян. Но в конце 90-х гг. он не нашел в себе сил продолжать миссию, которая не вполне соответствовала его демократическим убеждениям. Накануне нового тысячелетия он попросил у россиян прощения, досрочно ушел в отставку и рекомендовал преемника – Владимира Владимировича Путина, которого испытал недолгим сроком премьера Правительства. Это было мужественное решение первого Президента России.

Второй Президент начал с «равного удаления» финансовых олигархов от влияния на политику властей. Многие олигархи ответили симметрично – удалились из Москвы в Лондон и иные финансовые центры Запада. Кроме того, В.В. Путин укрепил вертикаль власти, создав институт уполномоченных в федеральных округах, ответственных за осуществление решений центра в регионах. Начался **второй этап** трансформации-транзита, который означал **стабилизацию** хаотичной ситуации и занял первое десятилетие нового века.

Уже четвертая волна мониторинга (2002 г.) показала, что кризис-хаос российского общества остался позади, началась стабилизация. Пятый опрос (2006 г.) подтвердил продолжение стабилизации, но выявил консервативный ее характер: в обществе *консервируется воспроизводство социальных контрастов* – закрепляются как позитивные структуры и процессы, так и негативные,

а сама социальная система обретает жесткость. Возникла асимметрия социального самочувствия населения: повышаются оптимизм и удовлетворенность жизнью при сохранении незащищенности большинства людей от главных опасностей (чем важнее то или иное право граждан, тем чаще оно нарушается) и снижении самостоятельности слабых социальных групп в решении своих проблем. Закрепляется *толерантный симбиоз* культурно различных ценностных суждений. Но прежде раздробленные гуманистические позиции стали формироваться в *консолидированный* повседневный гуманизм, факторная нагрузка которого (10,88) почти в два раза превысила каждую из других позиций.

Эти оценки позволили сделать несколько выводов. Во-первых, обостряется потребность в становлении *современных качеств* российского общества как гибкой системы, способной к адекватным ответам на внутренние и внешние вызовы. Нужны новые экономический курс и социальная политика, способные увеличить базу роста активных слоев общества. Для этого *нужен новый курс во взаимоотношениях между федеральным центром и регионами*, требуется дополнить вертикаль власти регулирующими взаимоотношениями по горизонтали – между органами власти и гражданскими структурами в регионах и между ними.

К 2005 г. Центр сделал аналогичный вывод и для стратегии своих исследований: следует дополнить всероссийский мониторинг исследованиями социокультурной эволюции регионов и создать их «социокультурную карту», которая позволит наглядно судить о состоянии и эволюции межрегиональных различий. В том же году на основе инструментария Мониторинга Л.А. Беляева и Н.И. Лапин создали проект типового инструментария «Социокультурный портрет региона России». Он был обсужден на конференции в Институте философии РАН, в которой приняли участие специалисты почти из 20 регионов страны, доработан, и уже в 2006 г. в ряде регионов начались исследования по созданию своих «портретов». Первые результаты были обсуждены на конференции в Тюменском государственном университете. Такие конференции стали ежегодными, состоялись 15 конференций в разных регионах. Материалы каждой конференции публиковались

в соответствующих сборниках, как правило, под общей редакцией руководителя Центра. Опубликовано также два обобщающих сборника результатов портретно-региональных исследований, под грифом Центра и под общей редакцией его сотрудников. Для научно-методической координации всей этой работы в Секции философии, социологии, политологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН был создан специализированный Научный совет, его председателем был руководитель Центра.

Вскоре после начала портретно-региональных исследований, в 2006 г. Независимый институт сравнительных социальных исследований (директор, доктор социальных наук В.Г. Андреев) инициировал участие России в международном проекте «Европейское социальное исследование» (European Social Survey). Наш Центр поддержал эту инициативу и участвовал в нескольких волнах этого исследования. Результаты позволили сопоставлять получаемые Центром данные о России с данными многих стран Европы и давать более надежную их интерпретацию. Это нашло отражение в коллективной монографии «Россия в Европе», одним из составителей и ответственных редакторов которой стала Л.А. Беляева.

Получаемые результаты позволили Центру позитивно откликаться на предложения дирекции Института философии РАН об участии в исследовательских программах Отделения общественных наук РАН «Россия в глобализирующемся мире» (2005–2015). Результаты опубликованы в коллективных трудах Института: «Диалог культур в глобализирующемся мире» (2005), «Россия в диалоге культур» (2010), в сб. «Россия на пути консолидации» (2015).

В 2008–2012 гг. третьим Президентом России был единомышленник В.В. Путина – Дмитрий Анатольевич Медведев. Вступив в должность, он широко декларировал необходимость модернизации экономики и всего общества. Ее теоретико-методологические предпосылки еще с 2003 г. разрабатывались специалистами государственного университета Высшая школа экономики (ГУ ВШЭ), где ежегодно проводились международные конференции по проблемам модернизации экономики и общества под руководством экс-министра экономики российского Правительства, научного руководителя ГУ ВШЭ, президента объединения «Либеральная

миссия» профессора Е.Г. Ясина. Представители Правительства России активно участвовали в этих конференциях.

Словом, начался **третий этап** российской трансформации-транзита, который занял второе десятилетие нашего века. Основной ее характеристикой стала **модернизация**.

В начале этого этапа председатель Совета по развитию производительных сил (СОПС) при Правительстве России академик А.Г. Гранберг инициировал и возглавил фундаментальное исследование Президиума РАН по социально-экономическим проблемам пространственного развития России. Зная о наших региональных исследованиях, он предложил Центру участвовать в этой Программе. Результаты отражены в итоговой монографии (2013) Программы, продолжавшейся, после кончины инициатора, под руководством директора Института географии РАН академика В.С. Котлякова.

В 2011 г. Центр установил деловые контакты с коллегами из Центра исследований модернизации в мире и Китае (АН КНР). В 2012 г. в Институте философии РАН состоялась российско-китайская конференция «Цивилизация и модернизация», материалы которой опубликованы на русском (2013) и английском (2015) языках. В 10-е гг. текущего столетия ЦИСИ сосредоточил внимание на исследовании проблем социокультурной модернизации как ключевых для данного этапа трансформации российского общества.

В контексте названного расширения и углубления тематики исследований Центр продолжал Мониторинг «Ценности и интересы населения России». Шестой опрос (2010 г.) был проведен в обстановке активной пропаганды задач модернизации, исходившей от третьего Президента России и его администрации. Опрос был акцентирован на исследование социокультурных факторов решения задач модернизации. По его итогам Центр подготовил в 2011 г. аналитический доклад «От стабилизации к интегрированной модернизации России», который не только опирался на результаты самого опроса, но и учитывал материалы социокультурных портретов 10 регионов России, трех волн Европейского социального исследования, а также данных исследования модернизации в мире и Китае (2000–2010).

В докладе ЦИСИ был сделан вывод о завершении двух этапов трансформации российского общества и его вхождении в третий этап. Начало и содержание перехода к третьему этапу отражено в названии доклада: «От стабилизации к интегрированной модернизации» – такова была, по мнению авторов доклада, объективная потребность эволюции России.

Термин *интегрированная модернизация* (integrated modernization) был воспринят из концепции модернизации профессора Чуаньци Хэ (руководитель исследовательского центра АН КНР). Он означает процесс органического согласования и взаимодействия стратегий и тактик одновременного осуществления двух стадий модернизации: индустриальной и постиндустриальной, или информационной, с учетом особенностей регионов и сбалансированности процессов модернизации, включая их человеческие измерения. Впоследствии Центр модифицировал названный термин и стал использовать, на мой взгляд, более адекватный вариант – «интегрирующая модернизация» (integrating modernization).

Учитывая реалии, в докладе ЦИСИ было показано, что «многие люди в России хотят и готовы осуществлять модернизацию различных областей своей жизни, но не могут этого сделать. Их намерения и возможности блокированы комплексом тормозов». Специально рассмотрены два из них. Во-первых, *застойные сферы жизнедеятельности*: институциональные барьеры – нет даже закона об инновационной деятельности, о национальной инновационной системе; устойчивое воспроизводство массовых правонарушений, а незащищенность от преступности выше, чем от бедности; низкая управляемость, некомпетентность и коррумпированность многих чиновников, отсутствие институтов саморазвития и др.; в докладе показаны разрывы между значениями человеческих измерений модернизации России и развитых стран Европы. Во-вторых, *двойственная иерархия ценностных позиций* населения: интегрирующую, консолидирующую функцию в обществе выполняет повседневный гуманизм подавляющего большинства населения, а регулятивную функцию – приверженцы авторитарной вседозволенности, составляющие явное меньшинство, менее четверти населения. Эта двойственность

составляет предпосылку гражданского конфликта, по сути, она травмогенна.

Впервые была показана необходимость следовать *социокультурной логике* начала двойной модернизации и ее развития в направлении интегрирующей модернизации, которая позволяла обеспечить *новое качество* российского общества. Но эти и другие рекомендации не были услышаны.

Глава 2

Проблема ценностей как методологическая ось понимания социокультурной реальности

О методологии исследований ценностей

Жанр юбилейного текста невольно обращает к воспоминаниям и размышлениям о важности времени, проведенного в стенах Института философии РАН или связанного с ним. Мое знакомство с работами Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, 30 лет работавшего под руководством Н.И. Лапина, началось задолго до того, как в 2011 г. я пришла в этот коллектив работать. С начала 1990-х гг. в разных социологических и философских журналах начали выходить статьи Николая Ивановича, которые были связаны с масштабным всероссийским исследованием «Наши ценности сегодня» (1990 г.), им же инициированным и переросшим в многолетний мониторинг общественного сознания реформируемой России. Исследование и сложившаяся вокруг него дискуссия и научная команда, в сущности, совпадают со временем «возрождения» отечественной социологии в 1990-е гг. и вносят важнейший вклад в формирование актуальной социально-философской повестки и понимание происходящих изменений в России в то время. Эти работы сыграли важную роль и в моем становлении сначала в поле социологического, а позже и философского знания. Исследованию ценностей, сквозным образом проходящему через всю историю Центра, и посвящена эта глава.

Ценности трактуются Н.И. Лапиным как обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения, как ориентиры сознания, определяющие действия индивидов и социальных групп, типы поведения и отношения к действительности. Они воплощают исторический опыт и выражают смысл культуры отдельного этноса и всего человечества¹.

Опорным пунктом для методологии исследования, позволяющим осуществить операционализацию категории «ценность», являлось различие терминальных и инструментальных ценностей, а также их соотнесение с типом цивилизации. Это позволило увидеть связи ценностных интенций и предпочтений, их трансформацию, влияние друг на друга.

Терминальные ценности выражают основополагающие смыслы человеческого бытия, такие как ценность человеческой жизни, семьи, межличностных отношений, свободы, труда и др. Такого рода ценности интегрируют личностное развитие, являются ориентирами существования, выступают основой аутентичности человека, реализации его стремлений и принятия ответственности за собственный выбор. В инструментальных ценностях запечатлены одобряемые в данном обществе или иной общности средства «достижения» терминальных смыслов. С одной стороны, это нравственные нормы поведения, а с другой – качества, способности людей (такие как независимость, инициативность, авторитетность и др.)².

Следует отметить, что этот ракурс понимания ценностей имел важное значение для моей научной работы и понимания экзистенциального опыта в его социокультурном смысле, связанном с понятиями традиции, ценностных ориентиров, с проблематикой социализации и социальных связей³. Методологические возможности антропосоциокультурного подхода, разрабатываемого Н.И. Лапиным, также сыграли свою роль в понимании становления

¹ Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3.

² Там же. С. 6.

³ Касавина Н.И. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках. М.: ИФ РАН, 2015.

экзистенциального опыта в поле культурных универсалий и социального контекста конкретной эпохи, жизни народа, существования цивилизации. Эмпирически наблюдаемые и переживаемые ситуации, с которыми человек имеет дело в конкретной повседневности, вписываются в некоторую картину мира, и в этой связи категория экзистенциального опыта отсылает к целому набору универсалий культуры, исторических априори (Э. Гуссерль). Культура в ее мировоззренческих измерениях и различных предметных сферах во многом определяет механизмы формирования базовых экзистенциальных смыслов. В этом процессе проявляется и роль традиционной культуры, которая включает магистральные линии мировоззренческих смыслов, включена в творческий процесс конституирования личного бытия. В основе механизмов трансляции экзистенциального опыта лежит обобщение, отбор наиболее значимого для личности и сообщества пережитого ценностно-смыслового содержания, его аккумуляция и сохранение в групповой памяти.

Ценности, прежде всего фундаментальные, базовые, исторически возникли и укоренились в повседневной жизни людей как конструктивный ответ культуры на дихотомичность человеческого существования. Их можно назвать квинтэссенцией экзистенциального опыта человека, а также культуры и цивилизации как надындивидуальных по отношению к конкретному опыту структур.

В более поздних работах Н.И. Лапин предлагает свое толкование экзистенциально-гуманистического ядра ценностей цивилизации, представляющего собой неразрывную триаду. Возникновение ценности жизни человека (распространение табу «не убий» с членов своего рода или племени на всех людей, в переходе от состояния дикости к цивилизованному состоянию общества) стало предпосылкой устойчивого существования человечества, а не просто его выживания. Затем, как отмечает Николай Иванович, уже в условиях цивилизации сформировались еще две фундаментальные экзистенциальные ценности – достоинство человека и ненасилие в отношениях между людьми и народами. Это ценностное ядро обосновывается как предпосылка существования человечества, развития собственно человеческих качеств каждого

индивида. Это развитие зависит как от человека, так и от соответствия или несоответствия типа социума типу культуры, структуре его ценностей, но не наоборот⁴. Вокруг ценностного ядра собираются базовые ценности, соответствующие историко-культурным особенностям каждой цивилизации и страны.

Антропосоциокультурный подход как система методологических позиций, оказавшая влияние на многие конкретные темы Центра, обосновывался Н.И. Лапиным на протяжении многих лет. Опираясь на классическое наследие К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина, Т. Парсонса, он предложил операционализируемые принципы социокультурного подхода и применил их в конкретных социологических исследованиях, выполненных по единой базовой методике. Это позволило предметно исследовать динамику процессов трансформации в России в конце XX – начале XXI в.

Основу классического социокультурного подхода в социологии составляют идеи П. Сорокина о личности, обществе и культуре как неразрывной триаде⁵. Эта неразрывность определила формирование *антропосоциокультурного подхода*, который находится в русле современной парадигмы исследований систем как сложных, неравновесных, нелинейных и «состоит в понимании общества как антропосоциокультурного целого, которое устойчиво функционирует благодаря определенному соотношению его социокультурного сообщества с его членами»⁶.

Центральная задача исследований ценностей, проведенных Центром исследований динамики ценностей при Институте философии РАН (ныне – ЦИСИ), определялась как изучение и понимание способов перехода страны от общества традиционного типа к современному, посредством радикальных реформ, обретающего черты кризиса, который охватывает все общество, носит тотальный социокультурный характер⁷. В сознании социальных субъектов он предстает как кризис идентичности. Свое обращение

⁴ Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. I. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 3–15.

⁵ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 218.

⁶ Лапин Н.И. Общая социология. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 35–38.

к проблематике ценностей Николай Иванович объясняет их влиянием на общественную систему как сильной мотивирующей основы отдельного индивида и широкой общественности в целом. Это очень удачно вписывает исследование в целую волну мирового социально-философского и социологического опыта XX в., связанного с вниманием к личностному развитию. Например, целью социологии в понимании А. Шюца является представление о процессах определения значений и понимания, которые осуществляют индивиды, процессах интерпретации поведения других людей и процессах самоинтерпретации⁸. Т.М. Дридзе впоследствии назвала это поворотом теории социального познания и социального действия лицом к живому человеку, обитающему в многослойной жизненной среде и эволюционирующему в процессе непрерывной обратной связи с ней⁹. Исследования ценностей, инициированных Центром, обретают интересное звучание в контексте актуализированной в конце XX в. понимающей парадигмы социологии, феноменологической и экзистенциальной социологии, вносят свой вклад в осмысление личностной проблематики в контексте социального взаимодействия, социальной активности и деятельности.

Социологическому исследованию личностный опыт доступен не в статусе непосредственного переживания, а в большей степени как рациональное оформление, обобщение переживаний, которое приводит к тем убеждениям, смыслам, ценностям, которыми индивид руководствуется в жизни. Важнейшей проблемой социологии в определенный период ее развития становится понимание социального конструирования смыслов, а также связь этих смыслов с социальными действиями. Чаще это характеризуется как связь ценности и социального поведения. Еще под влиянием работ В. Виндельбанда и Г. Риккерта понятие «ценность» входит как в теоретическую социологию, так и в практику проведения

⁷ Ланин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 3–8.

⁸ Schutz A. Phenomenology and the Social Sciences // Collected Papers I: The Problem of Social Reality. The Hague: Martinus Nijhoff, 1962.

⁹ Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.

конкретно-социологических исследований. Важную роль в этом процессе сыграл М. Вебер, предпринявший социологическую интерпретацию понятия ценности. Согласно М. Веберу,

...достоинство «личности» состоит в том, что для нее существуют ценности, с которыми она соотносит свою жизнь, пусть даже в отдельных случаях они заключены в глубинах индивидуального духа. Тогда индивиду важно «выразить себя» в таких интересах, чью значимость он требует признать как ценность, как идею, с которой он соотносит свои действия¹⁰.

В представлении М. Вебера, осмысленным человеческое поведение предстает лишь в соотношении с ценностями, в свете которых находят свое выражение индивидуальные цели и нормы поведения людей.

Сегодня ценности являются важным компонентом социологических исследований. Различные направления социологии обращаются к аксиологическим основаниям социального бытия. Это отвечает экзистенциально-гуманистическим ориентирам методологии социологического исследования, соответствующим особому пониманию личности – способной к творческой активности, выбору и ответственности за его осуществление. В 1990-е гг. выбор исследовательской стратегии Центра можно соотнести со стремлением к собиранию диффузной идентичности и формированию новой системы ценностных диспозиций.

Соотнесение с типом цивилизации, в контексте которой возникает данная ценность, дает различие традиционных ценностей, ориентированных на сохранение и воспроизводство давно сложившихся целей и норм жизни, и современных ценностей, ориентированных на инновации и прогресс в достижении рациональных целей. В связи с этим проведенные под руководством Н.И. Лапина исследования ценностей сочетали в себе методологические принципы и связанные с ними социологические процедуры, позволяющие выявить, отразить структурно-динамические

¹⁰ Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания // *Он же*. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 275.

особенности ценностного сознания населения в становящемся российском обществе.

О результатах исследований. От ценностей к проблеме социального государства, модернизации и пониманию новой России

На первом, методологическом, этапе исследования были получены социокультурные параметры 14 ценностей (7 терминальных и 7 инструментальных). Их измерение осуществлялось с помощью системы из 22 пар суждений, взятых из повседневной жизни и представляющих 14 базовых ценностей. Каждая пара суждений заключала в себе ценностную альтернативу, обе стороны которой выражены в позитивной форме. Была определена и конфигурация ценностного сознания общества, состоящая из интегрирующего ценностного ядра (доминирующей в общественном сознании группы ценностей, одобряемой свыше 60% населения), структурного резерва (ценности, одобряемые 45–60% населения), периферии (оппозиционные ценности, уровень одобрения – 30–45% населения), хвоста (ценности меньшинства, отличающегося от остальных членов общности большей стабильностью своих ориентаций, унаследованных от прошлых пластов культуры (их одобряют менее 30% населения))¹¹.

Ценности распределялись по типам, рангам, цивилизационной принадлежности, социальным функциям, месту в социокультурной эволюции, что показывает высокую степень конкретности операционализации понятия «ценность» по отношению к задачам социологического исследования, призванного отразить определенный исторический период социокультурного развития.

В ходе мониторинга респондентам предлагалось определить значимость следующих четырнадцати базовых ценностей: семья, жизнь индивида, традиция, порядок, свобода, работа, благополучие, нравственность, инициативность, независимость, общительность, жертвенность, властность, своевольность.

Сравнение с результатами изучения ценностных структур 1970–1980 гг. позволило авторам делать выводы об их трансформации в 1990-е гг. и далее. Примечательно, что образы ядра

¹¹ Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 7.

и окружающей его периферии, которые были достаточны для характеристики системы ценностей стабильного советского общества 70-х и начала 80-х гг., оказались недостаточными для кризисно-реформируемого российского общества 1990-х гг. Последнему свойственен, по образному выражению Н.И. Лапина, «распад прежнего круговорота и возникновение аттракторов, ориентирующих социум на движение к новому состоянию»¹². Важным выводом исследований Центра в 1990-е гг. стало обнаружение расширения интегрирующе-терминального ядра ценностей на конфликтной стадии формирования социума, которая одновременно выступает фактором становления современной (модернистской) системы ценностей.

Вторая волна исследований (1994 г.) показала дальнейшую дифференциацию ценностных позиций (по сравнению с прежней идеологизированно-монолитной структурой) и возникновение конфликтных узлов.

Всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России» (2002, 2006, 2010) показал, что в первые 10 лет XXI в. вместо продолжения и завершения трансформации была осуществлена стабилизация возникших социально несправедливых, экономически неконкурентоспособных структур и функций; российское общество утратило качество реформируемого. Результаты кратко можно представить так: в структуре российского общества преобладают негативные характеристики: неразвитость гражданского общества; несправедливая, чрезмерная материальная дифференциация; подчиненно-безучастное положение человека; изоляция от развитых стран и низкая конкурентоспособность в мире.

Трансформация постсоветского российского общества идентифицирована как преодоление советского традиционализма и завершение ранней либерализации, начавшейся в середине XIX в. с комплекса реформ Александра II, но прерванной в 1917 г. На уровне ценностей это проявилось во все большей поддержке населением базовых либеральных ценностей, естественным включением традиций в новую либеральную ценностную структуру.

¹² Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 7.

В общественном сознании все более уравниваются ценности свободы, безопасности и уважения к традиции в диалоге различающихся социокультурных типов сознания. Проявляет себя и возможность толерантности к иным ценностям и нормам¹³.

Авторами исследований показано, что с 1998 г. наблюдается завершение остроконфликтной стадии кризиса и переход к социальной стабилизации и новому социальному порядку, что сопровождается адаптацией вместо социального протеста, все большим утверждением новых ценностей и норм в противовес аномии, укреплением правовой системы, регулирующей процессы самоорганизации¹⁴. Развитие российского общества интерпретируется в контексте движения к зрелой либерализации как форме более открытого «антропосоциетального соответствия». Темпы этой социокультурной трансформации определяются сменой поколений людей (их генераций) и измеряются десятилетиями¹⁵.

Сам стиль написания статей об исследованиях, проведенных в то время, передает ощущение потрясения от произошедших в обществе изменений. Так, несколько переломных лет начала 1990-х гг. именуется отдельной эпохой, временем потрясений, «великим переходом» или транзитом. Вспоминается, что в экзистенциальной социологии отводится особое место различию стандартных и пограничных ситуаций. Ситуация включает набор качеств, которыми обладает личность: принадлежность к определенной социальной группе, индивидуальные и социальные характеристики. В кризисных состояниях ситуация обретает пограничный характер. Так, под влиянием идей М. Хайдеггера о прозрении экзистенции в предельном переживании Э. Тириакаян пишет: «Конфликтующие тенденции аутентичности и неаутентичности легко наблюдать в кризисных ситуациях, как на индивидуальном,

¹³ Лапин Н.И. Послекризисная Россия: проблемы закрепления социального порядка (по результатам национального мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня»: 1990–2000 гг. // Безопасность Евразии. 2003. № 4 (14). С. 289.

¹⁴ Лапин Н.И. Социокультурная трансформация современной России // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 1. С. 48–59.

¹⁵ Лапин Н.И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 32–39.

так и на коллективном уровне. Социология в этом плане должна уделять больше внимания катастрофическим ситуациям, в которые попадает коллектив *in toto*, ибо катастрофа (и природная, и антропогенная) расшатывает повседневный мир общества (соответствующий *das Man* Хайдеггера)...»¹⁶. В связи с этим социальная экзистенция может изучаться как на уровне повседневного опыта, повседневной жизни и устойчивых социальных связей, так и на уровне кризисных ситуаций, меняющих повседневность и обостряющих решение социальных и экзистенциальных проблем. И тому, и другому было отведено в исследованиях Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой должное внимание.

Сквозной задачей исследований Центра всегда была проверка корреляции между способностью общества к саморазвитию и проявлением этой способности и ее условий на всех уровнях социальной организации. Так, было показано, что общественное развитие становится устойчивым и эффективным, когда условия саморазвития (ценности, нормы, институты) укореняются на всех его уровнях, начиная с первичных, т.е. с индивидов и первичных групп. В результате ценностная структура общества обретает в теоретическом описании спиралевидный характер. Между условиями саморазвития человека в первичных, местных и региональных сообществах и организациях (трудовых, образовательных и др.) и верхними уровнями организации общества есть постоянное и обратное воздействие друг на друга¹⁷.

Перед исследованиями Центра независимо от того, были они направлены на ценностную структуру общества, проблемы модернизации или становление социального государства, всегда стояла особая миссия – оценка социального самочувствия населения, что было особенно важно для понимания ключевых тенденций восприятия происходящих в обществе изменений и их отражения на личностном уровне. В некотором роде это всегда была попытка понимания социальной экзистенции, отражающей, согласно

¹⁶ *Tryakian E.* Sociologism and Existentialism: Two Perspectives on the Individual and Society. Englewood Cliffs (NJ.), 1962. P. 164.

¹⁷ *Лапин Н.И.* Большие вызовы новой России и развитие инновационных систем ее регионов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 3. С. 12.

П. Штомпке, подвижный, меняющийся, становящийся характер социальной реальности и положения человека в ней¹⁸.

Рассмотрение динамики содержательных направлений деятельности Центра показывает, что в перспективе они всегда работали на понимание и решение задачи становления новой социальной реальности по отношению к досоветской, советской, а затем уже и постсоветской. Чем отличается российское общество? Поиск ответа на этот вопрос осуществлялся в сотрудничестве с региональными коллективами с целью погружения в конкретный экономический, политический, социальный, культурный контекст жизни регионов. Социокультурные портреты регионов страны, которые появились в результате этой работы, – та страница в развитии отечественной социологии, значимость которой трудно переоценить. Содержательно они способствовали выходу на последующую проблематику Центра, связанную с вопросами модернизации России, оценкой ее состояния и перспектив, а далее – на необходимость поиска оснований укрепления социального государства в России. Нельзя не отметить, что Н.И. Лапин, являясь руководителем всех этих направлений, всегда оставался оптимистом, нацеленным не только и не столько на фиксацию «узлов» проблем социокультурной реальности, сколько на выход к новому состоянию социальных институтов и российского общества в целом.

Так, в качестве альтернативы торможению развития общества, способа эволюционного продолжения социальной трансформации была предложена поэтапная интегрированная модернизация, обоснованная в «Атласе модернизации России и ее регионов»¹⁹. В нем учтены четыре главные компоненты модернизации: технико-технологическая (состояние технологических укладов), социально-экономическая, социокультурная, институционально-регулятивная. В результате длительной работы Центра и региональных коллективов была создана модель типологии регионов по разработанным Н.И. Лапиным комплексным состояниям их модернизированности.

¹⁸ Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–13.

¹⁹ Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016.

Эти состояния учитывают не только уровни, но и фазы процессов модернизации. Регионы России были описаны в соответствии с типологией, включающей 6 таких состояний, а также фиксированы этапы-волны интегрированной модернизации регионов – от низких ее состояний (29 регионов, более 28 млн чел.) к средним (40 регионов, 69,5 млн чел.) и высоким (14 регионов, 45,7 млн чел.)²⁰. Материалы «Атласа модернизации России и ее регионов» подтверждают эту оценку и классификацию. По результатам проведенных исследований Н.И. Лапин формулирует систему рекомендаций по укреплению механизмов саморазвития российского общества, которые помогут преодолеть кризис и стать началом четвертого, конструктивного этапа трансформации.

В последние годы исследования и работы Центра связаны с плановой темой Института философии РАН «Российский проект цивилизационного развития» и задачей понимания России как цивилизации, цивилизационного выбора, стоящего перед ней сегодня, условий дальнейшего цивилизационного развития. Фундирующим основанием этого направления деятельности выступает как раз стратегия поэтапной модернизации России и ее регионов, в ходе которой прогнозируется уменьшение дистанций между состояниями модернизованности регионов, а также повышение качества жизни населения²¹. По оценке Н.И. Лапина, процессы схождения духовных ориентиров населения России и ее регионов существенно весомее их дифференциации. Ценностный мир россиян, несмотря на отдельные перепады, демонстрирует стабильность, что является обнадеживающим результатом трансформации страны.

Результаты многих волн мониторинга позволили сделать вывод о том, что на постсоветском этапе в сознании россиян сформировалось динамичное совмещение трех типов ценностей. Среди терминальных ценностей преобладают традиционные и общезивилизационные; среди инструментальных ценностей – современные. Но в целом в структуре базовых ценностей постепенно растет

²⁰ Лапин Н.И. Этапы трансформации и модернизации России на рубеже XX–XXI столетий // Философские науки. 2017. № 7. С. 27–32.

²¹ Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора. Ч. 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 12.

поддержка общекультурных и особенно современных ценностей по сравнению с традиционными. Вместе с тем в сознании населения России изучаемые базовые ценности устойчиво дифференцированы на преимущественно интегрирующие и преимущественно дифференцирующие большинство населения. За этой дифференциацией обнаруживается цивилизационная альтернатива ценностных позиций. На одном полюсе этой альтернативы – гуманизм, основанный на ценностях семьи, дружеского общения и приоритета закона; на другой – авторитарность, означающая приоритет ценности власти над людьми, в сочетании с вседозволенностью. При этом гуманизм является ценностной позицией, которую поддерживает большинство населения, в то время как авторитарность – позиция явного меньшинства, т.е. налицо демократизм гуманистической иерархии базовых ценностей²².

Изучение процессов становления регионов новой России в своих недавних публикациях Н.И. Лапин представляет в виде поиска ответов на «смысло-цивилизационные» вопросы: «Кто мы?», «Откуда мы?», «Куда мы идем?» и предполагает формирование новой парадигмы исследований: от доминирования методологии, выявлявшей негативные черты прежней России, к выявлению позитивных оснований ее бытия. «Почему она как целостное сообщество людей, пусть и противоречивое, продолжает быть, существовать более 1000 лет и может стать новой»²³. Можно только пожелать коллективу Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН успехов в решении этой высокой задачи, постановка которой требует особой смелости и сама по себе является уже важным результатом и миссией.

²² Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора. Ч. 2. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 11.

²³ Лапин Н.И. О новом этапе исследований социокультурной эволюции российских регионов (для XVI конференции межрегиональной программы, ВСК-VI, г. Тюмень) / Н.И. Лапин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 2 (22). С. 6–17.

РАЗДЕЛ 2

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ИЛИ ИСЧЕРПАНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ ТРАНЗИТА?

Глава 3

Социальное государство. Становление и эволюция

12 декабря 2018 г. Россия скромно отметила 25-летие принятия своей Конституции. Незадолго до этой даты в Российской Газете была опубликована крайне интересная статья председателя Конституционного суда РФ Валерия Зорькина «Буква и дух Конституции», которую наши записные пропагандисты предпочли не заметить. А между тем обсуждаемые в ней вопросы имеют принципиальное значение для настоящего и будущего страны. В частности, подчеркивая основополагающую роль Конституции для сохранения общественного согласия и устойчивого развития РФ, председатель КС обратил внимание, что некоторые ее положения, дабы быть эффективно использованы в правоприменительной практике, требуют конкретизации. Так, например, статья 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Однако, заметил Зорькин, «закрепленные здесь (ключевые для конституционного правопонимания!) понятия “достойная жизнь” и “свободное развитие человека” еще не получили в нашей стране не только надлежащего практического воплощения, но и адекватного их значимости теоретического осмысления»¹.

¹ Зорькин Валерий. Буква и дух Конституции // Российская газета. Федеральный выпуск № 7689 (226). 09.10.2018. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>

К этому наблюдению следует добавить, что в Конституции не конкретизируется содержание термина «социальное государство», не уточняется, какой тип и какая модель социального государства реализуется в современной России. Не раскрывается и содержание понятия «социальная справедливость». А между тем, как замечательно сформулировал американский философ Д. Ролз, «справедливость – это первая добродетель социальных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли». И поскольку «справедливость» имплицитно содержится в термине «социальное государство», а Российская Федерация квалифицируется в Конституции именно в этом качестве, Центр изучения социокультурных изменений ИФ РАН (далее – ЦИСИ) обратился к изучению темы «социальное государство» в ее конституционно-правовом и социально-историческом аспектах.

И тот, и другой рассматривались с позиций более общего социально-философского подхода: с позиций взаимообусловленности двух типов бытия «государства» и «человека»: теоретического (научного) и духовно-практического². Иными словами, нам представлялось продуктивным рассмотреть, в какой мере «социальное государство» во всех странах мира, не исключая России, было (и остается) «проектом» и в какой мере (и в каких исторических формах) этот проект реализуется. Одновременно обращалось внимание на неразрывную связь государства как специфического социально-исторического феномена с его возникновением и развитием в лоне той или иной цивилизации, погружая наше исследование в пространство цивилизационного подхода к истории человечества, который в последние годы активно разрабатывается в Институте философии и который, как правило, остается за пределами внимания исследователей.

Исполнение поставленных задач осложнялось многими обстоятельствами. В частности – концептуальным плюрализмом

² Этот пласт гуманитарной реальности включает в себя «жизненные миры» индивидов и групп, формируемые в повседневных практиках и выраженные в их представлениях о «человеческом достоинстве» и «справедливости». Эти представления служат основанием оценки социальных институтов на их соответствие/несоответствие критериям «достойной жизни».

научного дискурса, в пространстве которого содержание термина «социальное государство» разительно менялось в зависимости от подходов, которых придерживались исследователи. Этот вопрос заслуживает специального рассмотрения.

Плюрализм научного дискурса и специфика изучения социального государства ЦИСИ

Обсуждение проблем формирования и развития «социального государства» характеризуется таким разнообразием теоретических интерпретаций, соединить которые в одну, разделяемую большинством исследователей, концепцию в обозримом будущем не представляется возможным. Единственное, в чем солидарны все специалисты – это время и авторство термина «социальное государство». Этот термин мы находим в двух трудах Лоренца фон Штейна: «История социального движения во Франции с 1789 г. до наших дней» и «Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии», увидевших свет в 1850-х гг. Подробнее о них будет сказано далее. А сейчас важно подчеркнуть, что за почти двухвековую историю осмысления в лоне социалистической, консервативной и либеральной мысли концепт «социальное государство» получил множество теоретических воплощений, ни одно из которых не является общепризнанным.

Мало того. Во многих странах термин «социальное государство» не только понимается, но и звучит по-разному. Исследователи констатируют: «В англоязычных странах используется понятие welfare state (“государство всеобщего благосостояния”), в Германии Sozialstaat (этот термин в калькированном варианте утвердился в Италии, России и ряде других стран), в Швеции применялось понятие Folkhemmet (“дом для народа”), в Греции κράτος πρόνοιας (“государство процветания”). Понятно, что каждое из них имеет свои смысловые оттенки. В немецком варианте акцент ставится на подчиненности государства интересам общества, в англоязычном на обеспечении благосостояния, в шведском

варианте государство уподоблялось дому или семье, в развитие которой каждый вносит свою лепту»³.

К этому наблюдению следует добавить более общее и принципиальное соображение теоретико-методологического порядка: взаимопроницаемость понятий социальных наук, в частности – понятий «общество» и «государство», лингвистически выраженную во многих европейских языках в словах, восходящих к латинскому “status” (положение дел). В этом значении «государство» пересекается с понятием «общество». Последнее, очевидно, как и государство, представляет собой иерархически и горизонтально организованную и стратифицированную совокупность индивидов, часть из которых обладает правами на управление (в том числе и посредством легитимного насилия) другими людьми. И в этом (социально-антропологическом) аспекте государство является собой имманентную «часть» более общего «целого»: «населения страны» или «общества», которое государство «категоризирует» в официальных документах посредством группистских терминов – «классов», «народов», «этносов», «наций» и других «групп населения». Поэтому крылатое выражение «Всякий народ заслуживает того правительства, которое имеет» совсем не бессмысленно, отсылая к социальным группам, из которых рекрутируется кадровый состав бюрократии – социальный слой, без которого государство теперь не мыслимо. Так что в ходе исследований Центра, посвященных обсуждению проблем возникновения «социального» государства из предшествующих ему государственных форм, термин «социальное государство» использовался в смысле “social state” – как исторически изменяемая форма государства современного (современного) типа.

В русском же языке слово «государство» изначально акцентирует внимание на отношениях властной зависимости «общества» от воли «государя» (которому общество обязано нести службу), формируя тем самым в научном дискурсе интенцию к противопоставлению «общества» «государству». Кроме того, в отечественной литературе нет разделяемой всеми типологии социальных

³ Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Под ред. Ю.Д. Квашнина. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 4.

государств⁴, хотя трактовок социального государства существует великое множество.

Помимо экономических, политических, правовых и иных дисциплинарных трактовок, к настоящему времени сформировались как минимум четыре междисциплинарных подхода к анализу социального государства: а) **атрибутивный** (в рамках которого социальное государство определяется через выявление и перечисление его социальных характеристик), б) **ценностно-нормативный** (в пределах которого социальное государство понимается как государство, основанное на принципах социальной справедливости, равенства и общественной солидарности), в) **системно-функциональный подход** (интерпретирующий эволюцию государства в социальное как формирование (и развитие) системы его социальных функций, увеличение их числа и значимости)⁵ и г) **идеально-типический подход**, представляющий собой выделение из имеющихся теоретических представлений о государстве наиболее характерных («типических»), с точки зрения адептов этого подхода, черт социального государства, совокупность которых позволяет сконструировать (с позиций должного) его «идеальный тип»⁶. В пределах последнего, например, социальное государство может быть интерпретировано как «правовое демократическое государство, которое совместно с институтами гражданского общества с целью сглаживания классовых противоречий, устранения разрывов в уровне и качестве жизни и стабильного развития рыночной экономики, гарантирует каждому гражданину

⁴ «Особенностью всех классификаций социальных государств, – отмечает в связи с этим С.В. Калашников, – является то, что, будучи внутренне непротиворечивыми, они не конгруэнтны друг другу и не сопоставимы. Объективная типологизация социальных государств требует не просто сочетания различных ракурсов их изучения, но и систематизацию различных свойств, выделение системообразующих факторов природы социальной государственности» (Калашников С.В. Очерки теории социального государства. М.: Экономика, 2006. С. 4).

⁵ Калашников С.В. Очерки теории социального государства. М.: Экономика, 2006.

⁶ См., например: Кочеткова Л.Н. Социальное государство. Опыт философского исследования. М.: Либерком, 2016. Там же (с. 64–97) содержится довольно подробный анализ современных дискуссий о социальном государстве.

такие стандарты материальной и духовной жизни, которые позволяют ему реализовывать свои политические, экономические, социальные и личные конституционные права и свободы»⁷.

Понятно, что «идеальные типы» представляют собой заведомое упрощение и идеализацию сложности и многообразия феноменов социально-исторической действительности. Но идеально-типическое конструирование понятий полезно для обработки и организации эмпирического социально-исторического материала с точки зрения некоего «образца» и «идеала», к которому в настоящее время стремится человечество. И хотя отдаленное будущее нам, строго говоря, неизвестно, опыт последних десятилетий показывает возможность замены сформированного в странах Запада «государства всеобщего благосостояния» обществом «всеобщего благосостояния», предусматривающего значительное расширение сети добровольных общественных и коммунальных институтов, реализующих социальные услуги. «Следовательно, социальное государство – это государство нового типа, которое на основе принципов социального рыночного хозяйства создает условия для свободного саморазвития человека, его культуры и гражданского общества, его перехода на новый уровень самоорганизации и гуманистически ориентированную траекторию саморазвития»⁸.

Вместе с идеально-типическим такое понимание социального государства, выработанное к началу XXI столетия как обобщенный итог совокупного политико-экономического и социального опыта человечества, в качестве гипотезы легло в основу исследований Центра, специфика которых, повторю, отличалась философским подходом к выбранному объекту исследования. Социальное государство рассматривалось в нескольких пересекающих друг друга ипостасях существования: интеллектуально-теоретическом, конституционно-правовом и эмпирическом. Во втором случае, например, оно интерпретировалось в качестве концепта, использование которого в Конституциях ряда стран (в том числе и в РФ)

⁷ Гранин Ю.Д. Социальное государство и его исторические воплощения // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.И. Баумана. Электронный журнал. 2019. Вып. 4 (78).

⁸ Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социс. 2018. № 8. С. 9.

с необходимостью квалифицирует его как «программное обязательство» (принцип), имеющее высший правовой статус и обязательное для исполнения. И одновременно – как совокупность практических действий по выполнению государством «социальных программ», обеспечивающих выполнение зафиксированных в законодательстве «социальных прав и свобод» граждан.

Таким образом, социальное государство рассматривалось нами в двух модусах осуществления: «должного» и «сущего». А вопрос о соответствии или же несоответствии этих пластов реальности составил основную *проблему* исследования, которую мы попытались обсудить в совместной монографии⁹. Это обсуждение потребовало внесения в научный дискурс нового понятия и соответствующего ему направления исследований: «конституционная социальная философия и социология» или, шире, «конституционные социогуманитарные исследования». Это новое направление было охарактеризовано как «изучающее социально-философские и общесоциологические предпосылки становления и функционирования универсальных для граждан России принципов и норм правопорядка в обществе как социокультурном сообществе людей, роли государства в их осуществлении ради развития человека, общества, его региональных сообществ, организаций и первичных структур. Оно также выявляет специфику методов познания конституционного социокультурного порядка и его компонент»¹⁰. Последнее означает, что и ученые, изучающие социальное государство как граждане данной страны, включены в изучаемый объект, по-своему воспринимают его и это не может не влиять на содержание их исследований.

По мнению руководителя ЦИСИ члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина, **конституционную социальную философию** можно структурировать по нескольким основаниям.

⁹ Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под общ. ред. Н.И. Лапина; Ин-т философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. СПб.: Реноме, 2019. 232 с.

¹⁰ Там же. С. 17.

Например:

- аксиологическая специфика конституционных принципов и норм как объектов изучения;
- социокультурная антропология конституционных принципов и норм;
- осуществление конституционного статуса человека и гражданина;
- соотношение институционально-системных порядков (универсально-конституционного и локальных, ведомственно-отраслевых, региональных) и экзистенциальных порядков, вырастающих из социокультурных жизненных миров людей;
- социоправовой статус гражданского общества;
- становление и эволюция социального государства как конституционного принципа;
- АСК-смыслы конституционно-правового регулирования отношений (прав) собственности;
- реализация конституционного статуса региональных сообществ».

Также можно предположить, продолжает автор, что **конституционная социология** –

это направление социологических наук, которое изучает конституционные принципы и нормы как универсальный уровень институционального и социального порядка, правил его регулирования. Ключевой является проблема соотношения этого уровня нормативно-институционального порядка с многоуровневыми социальными и культурными реалиями, создаваемыми жизнедеятельностью индивидов. Глубинное основание этой проблемы составляет степень *укорененности* (embeddedness, М. Грановеттер), встроенности индивидов в социокультурные отношения, баланс или дисбаланс их интеграции (аффилиации) и автономизации по отношению к той социокультурной среде, в которой они живут и действуют. Это также и соотношение иерархически более низких уровней институционального порядка с конституционным социальным порядком как универсальным уровнем общественного порядка. В итоге – **состояние осуществления** конституционных принципов и норм в повседневном поведении людей»¹¹.

¹¹ Подробнее см.: *Лапин Н.И.* Введение // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. С. 16–19.

Помимо высказанных соображений, гипотеза нашего исследования состояла в предположении, согласно которому историческая трансформация европейских государств в Новое и Новейшее время была связана с их цивилизационной спецификой, представляла процесс их поэтапной социализации и гуманизации, связанный вместе с тем с различными формами национализма, обеспечившего почти повсеместное появление «наций» и «национальных государств» (разного типа) в XIX–XX столетиях¹². Таким образом, эволюция «государства модерна» представляла собой взаимообусловленное движение в двух направлениях развития – его национализации и социализации, выразившихся в расширении спектра концептуализации прав и свобод человека: продвижение от его политических прав в качестве гражданина (члена «нации») к социальным правам как члена общества¹⁵.

Социально-исторически это движение знаменовало собой переход от парадигмы классовой борьбы к парадигме социальной солидарности и было связано с цивилизационными особенностями развития государств Западной Европы в XVII–XIX вв. Начиная с последней трети XIX столетия и вплоть до начала Второй мировой войны «сущностной характеристикой» государства, независимо от формы правления (монархической или республиканской) или политического режима (демократического, авторитарного и др.), было «регулирование социальных отношений» и снятие межклассовых противоречий. Это был этап социализации государств, в пределах которого все западноевропейские страны можно охарактеризовать как «государства социального партнерства и солидарности», выборочно и в разной мере ориентированные преимущественно на минимальную защиту в первую очередь интересов трудящихся, на регулирование отношений между трудом и капиталом. В дальнейшем под влиянием многих факторов государство расширяет пространство и формы социальной защиты, спектр своих социальных обязательств и, начиная со второй

¹² Подробнее см.: Гранин Ю.Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб.: Экспертные решения, 2014; Гранин Ю.Д. Нации и национализм. Теория и история. М.: Академия медиаиндустрии, 2016.

¹⁵ Гранин Ю.Д. Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции. М.: Академический проект, 2021.

половины XX в., постепенно трансформируется в социально сильное правовое «государство всеобщего благосостояния», получившее множество исторических воплощений. Его появление знаменует собой очередной этап социализации государства, о котором несколько столетий назад могли лишь мечтать немногочисленные адепты социалистических и коммунистических учений конца XVIII – начала XIX столетия: ведь в их время социальный вопрос (нищеты, безработицы, бедности, с одной стороны, и богатства – с другой) решался государством исключительно дисциплинарными методами. Остановимся кратко на этом моменте.

Осуждение и изоляция бедности в «век Разума»

Когда применительно к европейской истории пишут о «веке Разума», то, как правило, имеют в виду не какое-то особое столетие (XVIII в.), а так называемое Новое время – исторический период, не имеющий четких хронологических границ, далеко выходящий за пределы эпохи Просвещения промежутком времени. В экономическом аспекте «век Разума» хронологически совпадает с движением капитализма от доиндустриальной (мануфактурной) к индустриальной фазе развития (XVII – первая треть XIX в.), а в политическом – с переходом государств Западной Европы от феодальной организации к абсолютистской форме правления, а затем – к суверенным национальным правовым государствам. Этот переход был осуществлен в череде европейских социальных революций (Нидерланды, Англия, Франция), базовой предпосылкой которых было развитие нового – капиталистического – способа производства с сопутствующим ему ростом городов, внутристрановой, региональной и межконтинентальной торговли, миграции, ростом социальной мобильности населения и появлением новых социальных групп. Помимо этого, данный переход был ознаменован революционными изменениями в сфере научной мысли и осуществлен под влиянием *европейского рационализма* – мировоззрения, под определяющим воздействием которого, в свою очередь, происходило формирование естественных наук и социальных учений Нового времени, оказавших существенное влияние на современников.

Как известно, появление рационализма в качестве специфического феномена западноевропейской жизни в целом и политической жизни в частности было связано с развитием философии и науки, теоретически обосновавшими принцип деятельностной активности субъекта. Для политической и социальной практики того времени это открывало возможность «инженерного отношения» к действительности, которым не преминуло воспользоваться государство в своих попытках рационализации собственного устройства и управления.

Это выразилось в появлении феномена *камерализма* (*Kammer* – по-немецки «палата», но также «кладовая») – идеологии и практики производства дискурсов в трех основных областях: организации государственных финансов, системы хозяйствования (*Oeconomie*) и упорядочивании общества (*Polizei*). Наиболее известными продуктами камералистской идеологии были экономическая доктрина меркантилизма и теория административного устройства “*gute Polizei*” – правильно управляемого государства. Уже с XVI в. многочисленные ученые трактаты и публицистические памфлеты распространяли представление о том, что целью правителя является достижение общественного блага всех подданных, а средством к этому является рациональная и благотворная деятельность просвещенных (образованных) служащих, заседавших в королевских *Kammer* (членов советов, или коллегий). Эти лояльные абсолютной королевской власти чиновники, как правило, были выходцами из самых разных сословий, обладавшими единственным преимуществом перед другими – «символическим капиталом» (знаниями). Именно они образовали «просвещенную бюрократию», получившую монополию на преобразование методов организации военной и административной «машин» и контроля за их действиями¹⁴. Поэтому, когда монархия лишилась реальной власти или была смещена, именно этот слой унаследовал традиции и концепции накопленного веками искусства рационального управления государством, а также государственную машину для осуществления политики камерализма в своих интересах.

¹⁴ Вебер М. Бюрократия / Пер. А.Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. IX. Вып. 1 (34). С. 10–27.

Как демонстрируют современные исследования, «камерализм» (*Kameralwissenschaft*) представлял собой колоссальных масштабов риторический механизм, основным предназначением которого было создание и продвижение самого представления о государстве как едином рационально устроенном механизме, обслуживаемом лояльными и квалифицированными чиновниками. Абстрактная идея «государства» внедрялась в умы подданных и правителей, формировалось представление о чиновнике как служащем этому государству – не из вассального подчинения сюзерену и не ради корыстного злоупотребления должностью («кормления»), а с целью внести вклад в общественное благо»¹⁵. Путь к которому осмысливался как движение от сословного к политическому обществу («нации») и в категориях частной выгоды и универсальной законности. Не предполагавших вместе с тем радикального переосмысления общественного устройства, мыслимого как «естественное состояние», теоретически и эмпирически познаваемое в контексте механистической картины мира.

Освященный принципами пантеизма и метафизическим оптимизмом великого Лейбница («Теодицея»-1710), образ мира как совершенного механизма, требующего объяснения, но не подлежащего кардинальным изменениям, несмотря на критику просветителей (Вольтер, Монтескье), продолжает оставаться доминирующим в интеллектуальных ориентациях ученых и образованных читателей вплоть до начала второй половины XIX столетия, блокируя возможность выработки идеи «социального государства» как института, обязующего самого себя решать проблемы социального, прежде всего экономического, неравенства гуманными средствами. Государство мыслится не как властный инструмент снятия социальных противоречий, устранения «зла» и «социальной несправедливости», а как во многом техническое средство корректировки функционирования общественного целого, не покушающееся на его основания. Поэтому, невзирая на то, что в XVII–XVIII вв. становление капитализма в западноевропейских странах сопровождалось ростом нищеты и массовой

¹⁵ Глебов С., Могильнер М., Семенов А. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Ч. I // *Ab Imperio*. 2015. № 1. С. 328–329.

безработицы, везде (в Англии, Германии, Нидерландах, Франции), как показал Мишель Фуко, церковь и камералистское государство использует исключительно *дисциплинарные методы власти*: «изоляцию» бедности. По всей Западной Европе создаются «госпитали» и «работные дома», в которые насильно помещают душевнобольных, бродяг, бездомных и нищих, заставляя их работать по строго регламентированным планам¹⁶. Это было связано со многими обстоятельствами.

Прежде всего, с сопровождавшими капитализм с самого рождения периодическими экономическими кризисами, выбрасывавшими на улицу тысячи людей, и сотрясавшими Европу XVI–XVII столетий религиозными войнами. Свою роль сыграла и так называемая «протестантская этика», в пределах которой произошла реинтерпретация милосердия: если в католицизме призрение нищих – «людей Божьих» – богоугодно, то протестантизм видит милосердие в предоставлении возможности обучиться ремеслу и работать. Уже со времен Лютера и Кальвина бедность и нищета несли на себе печать вечного проклятия и кары. Теперь же, отмечает Фуко, «в мире государственного милосердия», нищета

...превратится в попустительство человека к самому себе, в преступление, нарушающее размеренный ход государственного механизма. Из сферы религиозного опыта, ее освящавшего, она соскальзывает в область моральных категорий, где подлежит осуждению. В конечной точке этой эволюции и возникают крупные изоляторы и смирительные дома – безусловно, как результат обмирщения милосердия, но и, подспудно, как нравственное возмездие нищете¹⁷.

Не случайно во многих протестантских странах с XVI в. действовало жесткое законодательство против бродяг, нормы которого в ряде случаев экстраполировались и на представителей «второго сословия» – разорившихся и празднующихся отпрысков дворянских родов также помещали в «работные дома». Но следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, о котором мы уже

¹⁶ Подробнее см. раздел «Великое заточение» в работе: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. С. 63–93.

¹⁷ Там же. С. 75.

упоминали: о характере *научного мировоззрения*, которое формируется в XVII–XVIII столетиях.

Ориентированное на понимание социального развития как последовательного шествия по ступеням «общественного прогресса» под эгидой Разума, это было мировоззрение дуалистического характера, причудливо сочетающее «науку» и «метафизику» (философию). С течением времени «удельный вес» этого сочетания в практике государственного управления менялся отнюдь не в пользу философии: рационализация государства чем дальше, тем больше двигалась в сторону «сциентизации» познания и управления обществом. В соответствии с принципом разграничения и противопоставления субъекта и объекта научного познания, развивавшегося в XVII в. в сложной диалектике программ эмпиризма и рационализма в классической науке, внешняя государству *социальная действительность также мыслилась как «объект», который в принципе может быть изучен, просчитан и пересобран подобно механизму*. Этому, в частности, способствовало появление первых версий «политической экономии», акцентировавшей внимание на ведущей роли государства в экономической жизни европейских стран, и «политической арифметики». Под их влиянием *пересборка «социального» производилась камералистским государством «научным» образом: путем классификации, категоризации и систематизации населения, подобным систематизациям и классификациям минералов и живых существ в минералогии и биологии*.

Ботанические сады и зоопарки, – отмечает Сокулер, – превращались в материальные пространственные классификации живых существ. Наблюдение, контроль и регулирование обращения денег и товаров осуществлялись с помощью построения экономических таблиц. Военный лагерь становился таблицей видов и родов вооруженных сил, находящихся в этом лагере. Пространство госпиталя отражало систематическую классификацию болезней. Таблицы и размещения были средствами и наблюдения-контроля, и изучения. Таблицы в XVIII в. были одновременно техникой власти и процедурой познания»¹⁸.

¹⁸ Сокулер З. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени // Фуко М. История безумия в классическую эпоху. С. 15.

Этот феномен Мишель Фуко в своих работах называл и «войей к знанию» (в первом томе своей «Истории сексуальности»), и «властью-знанием». Но, так или иначе, *повсеместное и расширяющееся использование научного знания* сначала абсолютистским, а затем и правовым демократическим *государством для решения своих целей и задач создавало зоны изоляции и дисциплинарные пространства, постепенно охватывающие многие социальные институты*: армию, школу, медицинские учреждения, мануфактуры и рабочие дома, куда, напомним, попадали самые разные люди. Строго говоря, эта практика противоречила теориям естественного права и общественного договора, на основе которых формировалось западноевропейское правовое государство. Получалось, что из состава «естественных» прав исключалось право человека на свободу передвижения («бродяжничество»), право на труд или его отсутствие, право на «бедность». Поскольку даже гражданские права (право избирать и быть избранным) в XVIII в. и много позже были социально, гендерно и имущественно ограниченными, выходило, что основанный на человеческом разуме «общественный договор» не распространялся на всех жителей правового государства.

Подобная практика вполне рациональна: если «бедность» *выводится за пределы разума* и записывается по ведомству «неразумия», *вовне разумно применять к ней меры изоляции, морального осуждения и дисциплинарного насилия*. И такая «социальная политика» реализуется более двух столетий: практика обязательного труда в условиях изоляции, имеющая цель снять социальное напряжение в периоды экономических кризисов, сохраняется вплоть до середины XIX в. Правда, она оказалась экономически крайне неэффективной: даже когда рабочие дома захотели превратить в мануфактуры, где доход делился пополам заведением и предпринимателем, они не дали ожидаемого эффекта ни в периоды экономических кризисов, ни во времена экономического подъема.

XVIII в. не смог не только снять, но и ослабить социальные противоречия, в том числе и по причине веры в «рынок» и переоценки возможностей разумного переустройства социального мира посредством рационально устроенной государственной власти. *Следующий за ним XIX в. изменил вектор движения в области*

прав человека: он эволюционировал от преимущественного внимания к «политическим правам» гражданина к его социальным правам. И это был первый шаг на пути к социализации европейского государства, но он был сделан не сразу.

От дисциплинирующего к социально защищающему государству

Продлившийся до середины XIX столетия «долгий XVIII век» представлял собой клубок социально-экономических противоречий. И если наводил на какие-либо размышления, то уж точно не о разумном устройстве или нравственной цели, о которых писали Руссо, Дидро, Адам Смит и Давид Рикардо. В работах последних социальное неравенство и сопутствующая ему повсеместная бедность объявлялись неустранимыми, так как будто бы постоянно провоцировались «неутолимой жаждой размножения» низших слоев, которая якобы будет только увеличиваться по мере повышения им заработной платы и вообще перераспределения общественного богатства в их пользу. По мнению великих экономистов тех лет, «рост богатства народов» (А. Смит), выраженный прежде всего в росте промышленности, обеспечивается ростом капитала и такой заработной платой, которая бы сдерживала рост народонаселения (Мальтус, Таусенд) и не снижала бы прибыли землевладельцев и фабрикантов. И вот такая «диалектика» цены труда и капитала интерпретировалась как необходимое следствие «естественных законов рынка», сопротивляться которым так же бессмысленно, как пенять на восходы и закаты солнца.

Парадоксальным образом *политическая экономия XVIII столетия* не только не вселяла оптимизма в читающую публику и правящие элиты, но и *фактически объявляла бедность неизбежным и неустранимым условием и следствием промышленного роста и экономического развития*. Так экономическая наука *теоретически* ликвидировала разрыв с социальной практикой. Тем самым дискредитируя себя, но одновременно открывая дорогу множеству иных (идеологических по сути) способов решения проблемы бедности и неизбежно переводя обсуждение

из экономической плоскости в более широкий контекст «социального неравенства». Если раньше бедность и безработица записывались по ведомству «неразумия», то теперь (и чем дальше, тем больше) они квалифицировались как общенациональная «социальная и политическая проблема», которая требовала от правительств европейских государств незамедлительного и верного решения. А его не было.

Первые опыты решения проблем безработицы и бедности в 1789–1790-х гг. во Франции (создание государством «мастерских по оказанию помощи») оказались неудачными. Причина провала заключалась в принципах, на которые опиралась вся система общественных работ. «Организация мастерских как инструмента ликвидации бедности требовала однозначного решения нескольких проблем: обязаны ли неимущие работать; каким образом вознаграждать их труд (зарботная плата или пособие); каково юридическое положение мастерских (осуществление права на работу, одновременно налагающее обязательства на власти, или просто реализация текущей социальной политики). Но определенности не было ни по одному из этих вопросов»¹⁹. И не только во Франции. В соседней Англии ситуация была не лучше.

6 мая 1795 г. мировые судьи графства Беркшир постановили, что в дополнение к заработной плате беднякам следует выдавать денежные пособия в соответствии со специальной шкалой, привязанной к ценам на хлеб, чтобы таким образом нуждающимся был обеспечен минимальный доход независимо от их заработков. Это решение беркширских судей стали называть «законом Спинхемленда». Фактически это был первый исторический аналог применяемого теперь в некоторых странах «безусловного дохода», который, однако, уже тогда (и много позже) оценивался неоднозначно. С одной стороны, его можно трактовать как акт гуманизма «добрых сквайров», который после отмены в этом же 1795 г. Акта об оседлости 1662 г., закреплявшего сельскую бедноту за церковными приходами (и потому названный «приходским крепостным правом»), давал сотням тысяч людей «право на жизнь», т.е. возможность не умереть с голоду. С другой стороны, он породил

¹⁹ Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. С. 52.

проблему, которая актуальна до сей поры: стоит ли работать, когда можно жить на пособие? Обсуждая эту проблему, К. Поланьи пришел к выводу, что закон Спинхемленда стал орудием деморализации масс, породив массовую пауперизацию населения²⁰. Кроме того, он стал значимым фактором снижения производительности труда в общенациональном масштабе:

...уже через несколько лет производительность труда опустилась до уровня, характерного для пауперов, предоставив таким образом работодателям еще одно основание не поднимать зарплату выше шкалы. Ибо если интенсивность труда, его качество и эффективность падали ниже определенного уровня, то он уже ничем не отличался от простого «валяния дурака», от видимости работы, которую сохраняли ради приличия²¹.

Возможно, он прав. Но надо учитывать, что даруемое этим законом «право на жизнь» совсем не было правом на «достойную жизнь», а было лишь правом на нищету: закон, повторим, лишь давал возможность жить впроголодь, а потому о «валянии дурака» получавших пособия можно говорить с натяжкой. Промышленные центры продолжали притягивать избыточное население сельских районов, так как фабриканты готовы были даже платить за использование неимущих. Их предоставляли в распоряжение любого нанимателя, который соглашался взять на себя их прокорм, точно так же, как могли бы их распределять по очереди между фермерами прихода при той или иной форме «работы на подхвате». Сдача бедняков в аренду обходилась дешевле, чем содержание «тюрем для невиновных», как называли работные дома.

²⁰ «Налог в пользу бедных превратился в желанную добычу для многих... Чтобы урвать свою долю, наглецы и грубияны пытались застрашать начальство; развратники выставляли напоказ незаконнорожденных детей, которых нужно было кормить; бездельники, скрестив на груди руки, спокойно ожидали, пока им еду принесут; невежественные девицы и парни на эти деньги венчались; браконьеры, воры и проститутки вымогали их угрозами; сельские мировые судьи щедро раздавали их ради популярности, а попечители – для того, чтобы освободить себя от лишних забот. Вот как расходовались эти средства...» (Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 115).

²¹ Там же. С. 94.

Класс фабрикантов решительно требовал реформы законодательства о бедных, поскольку оно препятствовало формированию промышленного рабочего класса, доходы которого зависели бы от результатов труда. В итоге в 1834 г. так и не ставший общенациональным актом «закон Спинхемленда» был отменен вновь избранным парламентом, знаменовавшим собой политическую победу промышленной буржуазии. Согласно новому Закону о бедных, «лица, живущие самостоятельно, впредь лишались права на пособие. Закон проводился в жизнь дифференцированно и на общенациональном уровне; в этом отношении он также означал решительный разрыв с прежней практикой. С дотациями к заработной плате было, разумеется, покончено»²². В 1834 г. также были приняты поправки к законодательству о бедных, но и они принципиально не улучшили ситуацию. Акт о внесении поправок к Закону о бедных, с одной стороны, значительно улучшил административный механизм выдачи пособия бедным и отменил многое из того, что и сейчас могло бы рассматриваться как злоупотребление. С другой стороны, «он ограничил помощь беднякам их содержанием в работных домах и в принципе запретил выдачу пособия тем, кто в них не живет; идея заключалась в том, что нельзя обрекать на голодную смерть трудоспособного безработного, пребывающего в нужде, но содержать его следует в полутюремных условиях»²³. Таким образом, идея И. Бентама о работных домах как факторе экономического развития получила законодательное воплощение. Хотя сам Бентам новой экономической политикой английского правительства был недоволен. Ибо, рассуждая теоретически, писал он, подобная политика «уменьшает нужду и таким образом наносит ущерб промышленности, ведь, с точки зрения утилитаризма, задача правительства заключалась как раз в том, чтобы увеличивать нужду, делая эффективной физическую санкцию голода (курсив мой. – Ю.Г.)»²⁴. Правительство, разумеется, не могло высказаться так откровенно, но практику изоляции

²² Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. С. 117.

²³ Шумпетер Й.А. История экономического анализа / Пер. с англ.; под ред. В.С. Автономова. СПб.: Эконом. шк., 2001. В 3 т. Т. 3. С. 351.

²⁴ Цит. по: Поланьи К. Великая трансформация... С. 85.

бедности в рабочих домах, об ужасах которых писал Ч. Диккенс, продолжало до середины XIX в.

В XIX столетии Англия шла в авангарде индустриального развития, выпукло демонстрируя обостряющиеся классовые противоречия. Промышленная революция, заменившая мануфактуру фабрикой и энергию воды паром, затем электричеством, в этом отношении принципиально ничего не изменила, а спровоцировала новый всплеск безработицы фабричного пролетариата. В промышленных центрах Англии выросли рабочие поселки (своего рода новые «центры изоляции»), жизнь в которых, как показал Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845), представляла собой разительный контраст с жизнью состоятельных классов. Поэтому рабочие волнения, нередко сопровождавшиеся убийствами фабрикантов и членов их семей, порожденные ужасными условиями труда и быта, низкими зарплатами, продолжались. На это государство отвечало репрессиями, но принципиально менять социальную политику не собиралось.

Однако постепенно вместе с разрушением прежнего рационализма и механистической картины мира, развитием науки и национальных систем образования возникает подозрение к «разумно устроенной» общественной системе и венчающему ее государству. В центре критики оказывается гегелевское представление о государстве как «шествии Бога в мире», как «земнобожественном существе». И философская максима «Все действительное разумно, все разумное действительно» подвергается пересмотру почти одновременно и параллельно в рамках либеральной, анархистской, коммунистической и консервативной мысли середины XIX в. Возникает идея «социального государства» как ответ на буржуазно-демократические и национально-освободительные революции 1848–1850-х гг. в Европе.

Ее истоки мы находим в концепции великого Дж. Стюарта Милля, доказывавшего в «Основах политической экономии» (1848) и других работах, что эволюция капитализма непременно приведет к такому уровню экономического развития, за которым наступит первая стадия социализма. Именно ему принадлежит право первенства в декларировании идеи социализации государства в качестве главного фактора перераспределения общественного

богатства в пользу неимущих классов²⁵. Хотя первое концептуальное оформление этой идеи – появление термина «социальное государство» – мы находим в двух трудах Лоренца фон Штейна: «История социального движения во Франции с 1789 г. до наших дней» и «Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии».

Еще в 1842 г. в работе «Социализм и коммунизм в современной Франции» он, подчеркивая роль классовой борьбы, уделял особое внимание развитию пролетариата как революционного класса. Но уже в следующей работе «История социального движения во Франции с 1789 г. до наших дней» (1850) фон Штейн перешел на эклектическую компромиссную позицию, сочетающую консервативные и социалистические идеи. Опираясь на диалектику Гегеля, он пришел к выводу, что нужно стремиться не к революции, а к построению такого *монархического* государства, в котором антагонистические противоречия труда и капитала разрешались бы вследствие осознания монархией угрозы социальной революции и целесообразности проведения социальных реформ, убеждающих в ненужности революционных изменений. «Любая монархия станет впредь пустой тенью, или превратится в деспотию, или погибнет в республике, если не найдет в себе нравственного мужества стать монархией социальных реформ»²⁶. Важнейшим средством решения этой задачи является *превращение государства в орган обеспечения благосостояния всех классов*.

Ранее в работах «Немецкая идеология» и «Святое семейство» К. Маркс справедливо характеризовал Л. фон Штейна как «переводчика идей французского социализма на язык Гегеля»²⁷. Государство рассматривается фон Штейном как персонифицированный в фигуре монарха самостоятельный субъект, обладающий собственными интересами, главной целью которого является самосохранение, то есть поддержание существующего политического и социального строя. Не столько стремление к социальной справедливости, а, скорее, воля к самосохранению заставляет

²⁵ Подробнее см.: Гранин Ю.Д. Государство модерна... С. 251–253.

²⁶ Штейн Л. фон. История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1872. С. 281.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. В 50 т. Т. 2, 3.

государство использовать все способы для разрешения противоречий, опасных для его целостности. Поэтому декларируемая социальная справедливость оказывается в конечном счете важным средством сохранения существующей социальной структуры и политической стабильности общества – главной цели социального государства фон Штейна. В его работах мы не найдем строгой концепции социального государства. Но он первым ввел в научный оборот этот термин, позволивший *интерпретировать государство* не только как институт, веками используемый сословиями и классами в борьбе за власть и ее удержание, но и как *фактор сглаживания социальных противоречий путем устранения разрывов в уровне и качестве жизни сосуществующих противоборствующих социальных групп*.

«Государство социального партнерства и согласия» в конце XIX века и в межвоенное время XX столетия

Хотя некоторые отечественные исследователи считают фон Штейна основоположником концепции социального государства, введение им в научный оборот термина «социальное государство» не произвело на современников того впечатления, на которое, возможно, рассчитывал автор. Поскольку высказанная им мысль об исторической необходимости социализации государства оказалась погружена в контекст обоснования гипотезы «социальной монархии», а монархическая идея, пусть и упакованная в фантик социалистической фразеологии, в Европе уже тогда многим казалась анахронизмом. Но только не в стремившейся к объединению Германии, где идея «социальной монархии», по-видимому, оказала влияние на социальную политику Отто фон Бисмарка, хотя и была для него не первостепенной. Главной задачей «железного канцлера» было построение имперского национального государства – идея, которой отдали дань многие выдающиеся философы и мыслители, в том числе Фихте и Гегель.

Толпу немецких обывателей вместе с их сословными учреждениями, которые не представляют себе ничего другого, кроме разделения немецких народностей, и для которых объединение

является чем-то совершенно им чуждым, следовало бы властной рукой завоевателя соединить в единую массу и заставить их понять, что они принадлежат Германии²⁸.

И эта задача, спустя восемь десятилетий, оказалась выполненной. А вместе с ней – программа социализации государственной политики Первого рейха, определившая его лидирующие позиции в области социального законодательства. В 1871 г. Германия впервые в истории вводит государственное страхование от несчастных случаев на производстве. А в 1881 г. было объявлено о наступлении «эры рабочего законодательства», после чего рейхстаг принял законы о страховании на случай болезни (1883), производственного травматизма (1884) и утраты трудоспособности (1889). В 1889 г. были также введены пенсии для рабочих с 70-летнего возраста. Сам Бисмарк, возможно, лукаво, определял свою политику как «государственный социализм», и для этого у него были основания. О них свидетельствуют его встречи и переписка с Ф. Лассалем, а также контакты с Союзом социальной политики, объединившим известных немецких экономистов, куда Бисмарк делегировал своего советника Вагенера. Так что идея строительства социально ориентированного государства в Германии, его принципы развивались в лоне теории и практики германского социалистического движения, в котором все больше набирали вес идеи «эволюционного социализма» (Э. Бернштейн, Р. Гильфердинг), получившие широкое распространение во многих странах.

К началу XX в. социализм стал популярен. В Австрии, Бельгии, Великобритании, Болгарии, Франции, России, Швеции, США, Италии и других странах социал-демократические и рабочие партии, игравшие разную роль в политической жизни этих государств, тем не менее, благодаря партийной печати, оказывали значительное влияние, в том числе и на «праздные» классы. Не случайно, комментируя принятие социальных законов правительством Великобритании, Дж. Чемберлен заявлял:

Мне будут говорить завтра, что это социализм... конечно, это социализм. Закон об оказании помощи неимущим – социализм;

²⁸ Гегель Г.В.Ф. Конституция Германии // Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 176.

закон об образовании – социализм; большая часть муниципальной работы – социализм; и каждый доброжелательный акт законодательства, посредством которого общество стремилось освободиться от обязанностей и обязательств перед бедными, является социализмом²⁹.

И, по сути, этой же точки зрения, несмотря на различие идеологических позиций, придерживались правительства многих европейских стран, где государственное социальное страхование граждан начинает активно применяться со второй половины 1880-х гг.

Социальное страхование от несчастного случая появляется в Австрии в 1887 г., во Франции – в 1898 г., в Норвегии – в 1894 г., Новой Зеландии – в 1900 г., Швеции – в 1901 г. Медицинское страхование стало государственным в Австрии в 1888 г., Швеции – в 1891 г., Норвегии – в 1909 г. В России первый социальный закон – «О бесплатном медицинском обслуживании фабрично-заводских рабочих» – появляется в 1886 г. В 1912 г. вводится страхование по болезни и от несчастных случаев на производстве³⁰.

Так еще до Первой мировой войны социальная политика стала официальной доктриной ряда стран, получив правовое закрепление в Конституции Веймарской республики 1919 г. и Конституции Чехословакии 1920 г.³¹

Таким образом, уже в конце XIX – начале XX столетия под влиянием экономических кризисов, международного рабочего движения, революций и филиации идей *происходит социализация политических доктрин всех ведущих идеологий*: и «либеральные», и «консервативные» правительства признают необходимость государственного вмешательства в сферу регулирования социальных отношений, его ведущую роль в деле гармонизации отношений между трудом и капиталом. Но не только. По сути, уже тогда ответственность государства распространяется на все слои общества.

После Первой мировой войны и череды социалистических европейских революций эта тенденция проявилась особенно заметно.

²⁹ Цит. по: Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. С. 126–127.

³⁰ Калашников С.В. Очерк теории социального государства. С. 65.

³¹ Воротилин Е.А. Формирование идей социального государства // Проблемы народного представительства в Российской Федерации: сб. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 33–37.

Идея об историческом вырастании социализма из капитализма трансформировалась в концепции их сближения: появился концепт «либерального социализма»³² и теории «третьего (срединного) пути». Они воплотились в социально-экономической практике правительств многих стран Северной Европы, где в это время были сформированы социальные государства социал-демократического типа на основе идеологии и политики корпоративизма (солидаризма). Эти идеология и политика имели много исторических воплощений. Так, например, в условиях экономической депрессии в Швеции была выдвинута и получила поддержку идея «Государство – Дом для народа», практическая реализация которой опиралась на корпоративистские процедуры (методы): прямое согласование под эгидой государства интересов «труда» и «капитала» прежде всего в лице их организаций: профессиональных союзов рабочих, союзов аграриев и объединений предпринимателей. На этом фоне не только в Скандинавских странах, но и в далеких от них США была развернута антикризисная политика посредством организации общественных работ и сопутствующая ей активная деятельность государства на рынке труда. В частности, по инициативе Рузвельта было подписано соглашение между предпринимателями и профсоюзами: работодатели ограничили норму своей прибыли и повысили заработную плату рабочим. Президент сам подчеркивал, что этот закон призван обеспечить «единство труда и капитала». Как и ранее Бисмарка, политические противники обвиняли Рузвельта в том, что он насаждает «ползучий социализм», а иногда и «фашизм». И для таких параллелей у них были серьезные основания.

Дело в том, что несколько ранее в Италии (затем в Германии, Португалии и Испании) появились государства, идеологической основой которой были социал-фашизм, социал-фалангизм и национал-социализм. При всем идеологическом и экономическом различии Италии, Германии и Испании (в отношении к социализму

³² Так, в конце 1920-х в Италии была издана книга Карло Россели под названием «Либеральный социализм», где он обосновывал мысль о том, что либерализм и социализм постепенно сближаются: либерализм все больше начинает заниматься социальными проблемами, социализм же становится восприимчив к проблемам свободы и формирования личности.

и национализму, частной собственности и др.) их объединяли однопартийность, вождистский (диктаторский) характер осуществления власти и ориентация на корпоративизм: представление об обществе не как сумме атомизированных индивидов (классический либерализм), а как сообществе социальных групп, соединенных в коллективное целое не только на религиозно-цеховой основе (восходящий к Средневековью христианский корпоративизм), а главным образом по профессиональной принадлежности. После Первой мировой войны под влиянием теории «органического корпоративизма» Э. Дюркгейма и «солидаризма» Л. Дюги, отрицавшего либеральное понимание государства как общественного договора, основанного на суверенитете народа, и его классовую трактовку, возникают многочисленные светские версии корпоративизма, основанные на идее привлечения к власти синдикатов, представляющих рабочих и капиталистов.

В 1920–1930 гг. в Италии, Франции и Румынии появляются десятки работ, посвященных обоснованию перспективности корпоративизма.

Кризис 30-х годов, обострение социальных конфликтов после окончания Первой мировой войны и вновь во второй половине 30-х годов, растущая организованность противостоящих друг другу сил, труда и капитала – таковы предпосылки обращения к идеологии неокорпоративизма в межвоенный период теоретиков и политиков, придерживавшихся в прошлом самых разных убеждений. Можно даже сказать, что теория корпоративизма в какой-то мере отставала от практики, выражавшейся в тенденции к установлению непосредственных (или при более или менее активном посредничестве государства) институциональных отношений между профсоюзными объединениями и организациями предпринимателей³³.

Важно то, что, в отличие от социал-демократических Скандинавских стран, социальная копоративистская политика которых строилась на сбалансированном соучастии объединений (корпораций) трудящихся, предпринимателей и государственных институтов, современные им Италия, Германия, Испания и Португалия

³³ Салмин А.М. Неокорпоративизм в странах Запада // Полития. 2005. № 3. С. 40–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neokorporativizm-v-stranah-zapada>

представляли собой государства, в которых корпоративизм являлся идеологическим прикрытием политики всеобъемлющего контроля над предпринимателями и трудящимися со стороны правительства и правящей партии. На этом основании некоторые ставят знак равенства между этими государствами и Советским Союзом. Но это ошибочная квалификация.

Как и указанные выше страны, довоенный СССР был воплощением однопартийности, вождизма и тоталитарной формы государственной власти: последняя контролировала все сферы жизни. Но, во-первых, в СССР отсутствовала политика «государственного национализма», он не был «национальным государством», активно проводя политику интернационализма. Во-вторых, в нем не было рыночной экономики, частной собственности, и хотя статья 5 сталинской Конституции 1936 г. провозглашала наличие двух форм собственности («государственной (всенародное достояние)» и «кооперативно-колхозной»), реально трудящиеся «государства рабочих и крестьян» были от собственности отчуждены. Соответственно, исходя из ленинского определения классов, в Советском Союзе после ликвидации НЭПа юридически и фактически не было «классов», зато появился лозунг об «обострении классовой борьбы», который был изъят из официальной пропаганды только после Великой Отечественной. Иными словами, ни о каком «классовом согласии» и «социальной гармонии» с буржуазией не было и речи. Следовательно, довоенный СССР не был социальным государством европейского типа. Он был воплощением государства иной цивилизационной принадлежности³⁴. У которого была обширная патерналистская социальная политика, характер которой определялся тем типом государства и той формой властвования, которые были созданы.

Подводя промежуточные итоги, зафиксируем главное. Начиная с последней трети XIX в. и вплоть до 1940 г. концепт социального государства, перешагивая государственные границы, под влиянием геополитических и культурно-исторических последствий Первой

³⁴ О цивилизационной специфике СССР см.: Гранин Ю.Д. Цивилизационная специфика советской и современной России // European Journal of Philosophical Research. 2019. 6 (1). С. 40–53.

мировой, Великой Октябрьской и других революций постепенно становится «политическим трендом» довоенной и межвоенной эпохи, обретая качественно различные, но многочисленные исторические (страновые) воплощения. Специфика последних в значительной мере определялась господствующими формами общественного строя и формами правления в тех или иных государствах мира, формируемыми в этот период и в том числе под влиянием трех великих идеологий и созданных на их основе практик: консерватизма, либерализма и социализма. Ряд западноевропейских лидеров, вопреки своим убеждениям о недопустимости вмешательства государства в «свободную игру» экономических сил, все же перешли на позиции *либерал-социализма*, образовав в Скандинавских странах *социал-демократические государства «социально-го партнерства и солидарности»*. Их появление знаменовало собой начало исторического перехода к правовому государству общего благосостояния, который по многим причинам был осуществлен в европейских (и других) странах лишь в 1960-е гг. А в межвоенное время социальная и экономическая политика этих демократических стран вынужденно строилась на корпоративистской основе – сбалансированном соучастии объединений (корпораций) трудящихся, предпринимателей и государственных институтов.

Вместе с ними были явлены миру разнообразные сочетания «национализма» с «социализмом» в государствах тоталитарного типа: Италия, Германия, Испания и Португалия представляли собой государства, в которых корпоративизм являлся идеологическим прикрытием политики всеобъемлющего контроля над предпринимателями и трудящимися со стороны правительств и правящих партий. Парадоксальным образом первая в мире «страна победившего социализма» в довоенный период не была социальным государством. Но в целом период образования социальных государств «первого порядка» между двумя мировыми войнами можно назвать социалистическим. А вот дальнейший процесс трансформации многих демократических государств мира в состояние «правового государства общего благоденствия» оказался настолько разнообразным, что период второй половины XX – начала XXI в. характеризуется как время идейного плюрализма с неопределенным будущим. О нем и пойдет далее речь.

«Государство всеобщего благосостояния» во второй половине XX – начале XXI века

Анализируя социализацию правовых государств ведущих стран мира в послевоенный период, следует подчеркнуть: жизнь явила нам такое разнообразие исторических форм и типов этого исторического феномена, что уложить их в ложе какой-то одной типологии не представляется возможным. Но по прошествии времени можно реконструировать «генеральную» линию эволюции большинства развитых стран от «социального государства первого порядка» (государство социального партнерства и солидарности) к «социальному государству второго порядка», воплотившемуся в многочисленных региональных и национальных моделях социализации во второй половине XX в. В межвоенное время концепт «государство *общего* благосостояния (благоденствия)» не мог быть воплощен в силу многих исторических обстоятельств. И только в 1950–1960-е гг., на волне новой НТР, формирующегося нового технологического уклада, позволившего резко поднять эффективность материального производства, смещения вектора противостояния «двух мировых систем» в плоскость гонки вооружений СССР и США, ряда других факторов, – у многих демократических стран Запада, снявших с себя бремя «оборонного заказа», появилась возможность двигаться в направлении к сильному правовому «государству всеобщего благосостояния».

Специфика этого пути в значительной мере определялась господствующими формами общественного строя и формами правления в разных государствах мира, формируемыми под влиянием различных интеллектуальных течений и созданных на их основе практик: консерватизма, либерализма и социализма. В этой «триаде», напомним, влияние социализма как международного исторического феномена на концептуальное осмысление и практическое воплощение социальных государств в довоенной и межвоенной Европе было определяющим. Но в дальнейшем, после дискредитации корпоративистской практики Италии, Германии и их сателлитов, потерпевших военное поражение, на передний план вновь вышли неолиберализм и неоконсерватизм, хотя и практика развития социальных государств в странах Северной Европы на социал-

демократической основе продолжала оставаться (и остается) весьма влиятельной и успешной.

Кроме нее заявили о себе многие другие, либерально ориентированные формы государства всеобщего благосостояния. Наиболее значимыми были предложенная еще в 1942 г. система всеобщего социального обеспечения сэра У.Г. Бевериджа («План Бевериджа») и концепция «социального рыночного хозяйства» профессора, многолетнего министра народного хозяйства, а затем и второго канцлера ФРГ Людвига Эрхарда.

По мнению Бевериджа, социальное страхование должно быть распространено на все слои населения Великобритании и вместе с тем учитывать специфику образа жизни его отдельных групп. Таким образом, план охватывал всех граждан вне зависимости от уровня доходов, но подразумевал четкую классификацию по объему обеспечения. Он широко обсуждался в Англии и в США, получив положительные оценки специалистов по обе стороны океана. И только после этого в 1946 г. лейбористское правительство приняло ряд законов и нормативных актов, воплотивших основные положения социальной концепции Бевериджа, заложив тем самым теоретические основания *англосаксонской модели государства благосостояния* и сделав Великобританию социально передовым правовым государством того времени. Но ненадолго. Конкуренцию ей составила Федеративная Республика Германия, уже к началу 1960-х гг. явившая миру «немецкое экономическое чудо». Но концепция «социального рыночного хозяйства», так как она задумывалась либералом Л. Эрхардом, здесь не была воплощена в полной мере³⁵. Под влиянием социалистов в ФРГ была реализована концепция «снабженческого государства», против которой боролся Эрхард. Именно она, будучи усвоенной современными ФРГ Францией и Австрией, где также были сильны социалистические партии и коллективистские иллюзии (вспомним европейские молодежные «революции» 1968 г.), стала основой *центрально-европейской (континентальной) модели социального государства*.

³⁵ См.: Эрхард Л. Благосостояние для всех // URL: https://royallib.com/book/erhard_lyudvig/blagosostoyanie_dlya_vseh.html

В это же время в скандинавских странах Северной Европы продолжали развиваться социально сильные государства благосостояния социал-демократического типа на основе идеологии и политики корпоративизма (солидаризма). Их успехи в области экономической социальной политики, помимо менталитета «малой страны» и «общего дома», социальной толерантности, базировались на компромиссах между рабочим движением, с одной стороны, бизнесом – с другой и политическими партиями – с третьей. Эта толерантность связана с прагматическим осознанием того, что малые страны Северной Европы могут выжить в большом мире с жесткой конкуренцией только при объединении усилий всех сторон. Поэтому в течение десятилетий действовала централизованная система переговоров о заключении коллективных соглашений в области заработной платы с участием мощных профсоюзов и объединений предпринимателей в качестве главных действующих лиц, причем политика профсоюзов основывалась на принципах солидарности между различными группами трудящихся. Так сложилась *нордическая модель «государства всеобщего благосостояния»*, которая без значительных изменений существует и поныне.

Следует отметить, что термин «государство всеобщего благосостояния» (содержание которого в большинстве работ не раскрывается) представляет собой собирательное понятие, используемое для всех социально ориентированных государств «коллективного Запада», противостоявших, вплоть до конца 1980-х, государствам «мировой системы социализма», возглавлявшейся и финансирувавшейся Советским Союзом. Социальная политика последних в большинстве случаев имела патерналистский и этакратический характер, хотя и была довольно активной. В противовес ей и невзирая на различие идеологических позиций правящих партий, государства общего благосостояния Запада все более эволюционировали к неокорпоративизму – социально-политическому феномену, однозначного понимания которого в современной науке до сих пор нет³⁶. Хотя история засвидетельствовала востребованность

³⁶ «Как это всегда бывает со старым термином, значение которого меняется или уточняется, – отмечают исследователи, – легче понять, какой круг явлений

корпоративистской идеологии и практики в послевоенный период, продемонстрировав уже к 1970-м гг. продуктивность взаимодействия трех организованных факторов («начал») современного западноевропейского общества: государства, предпринимательских союзов и профсоюзных объединений. Более того, лишь в послевоенный период, в условиях реформистской ориентации государства и организованных предпринимателей, подобное взаимодействие в ряде стран перестает быть спорадическим и превращается в более или менее упорядоченную и регулярную практику. Возникает форма общественного союза, названная некоторыми исследователями «трипартизмом».

Однако «нефтяной шок» 1973 г., экономические кризисы 1974–1975 и 1980–1982 гг., процессы деколонизации и глобализации, войны на Ближнем Востоке и в Афганистане, начавшийся переход от индустриального к информационному обществу, заменившему прежнюю биполярную классовую структуру дифференцируемой «многоярусной» социальной структурой (в составе которой большую часть «социальных этажей» заполнили представители «нового среднего класса»), привели к «ренессансу консерватизма» (консервативным революциям) в Великобритании, США и ФРГ, следствием которых стало сокращение социальных программ в этих странах. О государстве и обществе «благополучия» там было предложено забыть. Но это вызвало социальное недовольство, которое в условиях политической демократии вновь привело к власти социально ориентированные правительства. Об этом следует помнить, а не безапелляционно заявлять, как часто делают, о том, что, начиная со второй половины 1970-х гг., идея государства всеобщего благосостояния канула в Лету забвения. В современных демократиях политической конкуренции она, во-первых, и по мере экономического подъема периодически

исключает новое понятие, чем то, что оно включает в себя... Некоторые авторы настаивают на определении неокорпоративизма как государственной политики, другие видят в нем форму социальной организации; есть и такие, которые считают его особой формацией, существующей наряду с капитализмом и социализмом» (*Салмин А.М.* Неокорпоративизм в странах Запада // *Полития*. 2005. № 3. С. 40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neokorporativizm-v-stranah-zapada>).

возрождается, а во-вторых, Скандинавские страны от нее никогда не отказывались. Возможно, эта форма государства благосостояния в XXI в. переживает кризис. Но так происходит не во всех странах, потому что каждая страна, в силу политических, социокультурных и иных исторических особенностей развития, реализует разные модели социальной политики.

Как уже отмечалось, эмпирическое многообразие и содержательное различие этих моделей вместе с необходимостью выявить общие и специфические особенности социального развития разных стран порождает необходимость типологизаций, которые осуществляются по самым разным основаниям. В научной литературе их насчитывается более двух десятков, и о появлении некоторых типов социальных государств уже сказано. Наиболее распространены территориальные и политические типологии моделей социального государства, которые в ряде случаев и по понятным причинам строго не выдерживаются, но так или иначе довольно точно характеризуют особенности современной социальной политики в странах евроатлантической цивилизации XXI в. Наиболее удачной в этом ряду является типология специалистов ИМЭМО РАН, которые в особый модельный тип социального государства выделяют: «а) **скандинавскую (или нордическую)** модель (реализуемую в Дании, Норвегии, Швеции и Финляндии); б) **англосаксонскую** модель социального государства (Австралия, Великобритания, Ирландия, Канада и США); в) **континентальную (корпоративистскую)** модель (используемую в Австрии, Германии, Франции, Бельгии, Люксембурге, а также Нидерландах, хотя последняя из названных стран адаптировала многие черты нордической модели); и г) **южноевропейскую (или средиземноморскую)** модель социального государства (Греция, Италия, Испания, Португалия, Мальта, Кипр)», присоединяя к ним «**группу стран с социалистическим прошлым**». К последним относятся страны Балтии и государства Центральной и Восточной Европы, где социальное государство, полагают исследователи, «находится на стадии концептуального и институционального оформления»³⁷. Используя политические

³⁷ Социальное государство в странах ЕС: прошлое и настоящее / Отв. ред. Ю.Д. Квашнин. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 8–21. Однако в этой типологии

критерии, все эти модели можно охарактеризовать и как социал-демократические, консервативные и либеральные типы социально ориентированного государства, которые в «чистом виде» существуют лишь в сознании теоретиков.

Нетрудно заметить, что в этой типологии социальных государств не нашлось места России. И не случайно, ибо, «будучи страной с социалистическим прошлым», она вместе с тем серьезно отличается от всех других бывших «стран социализма». Спустя 30 лет после начала реформ она до сих пор остается преимущественно социально защищающим государством, которое в рамках своих обязательств обеспечивает минимально приемлемый уровень жизни наиболее уязвимых слоев населения.

Социальное государство в России. Проблемы и перспективы эволюции

Анализируя институт государства нашей страны и тем более его перспективы, некоторые исследователи, в том числе и из нашего Центра, приходят к пессимистическим выводам: невзирая на его квалификацию в Конституции в качестве социального, российское государство все еще «не стало правовым и социальным». Об этом, по мнению Ю.М. Резника, свидетельствуют многочисленные факты:

В последние годы полным ходом идет сворачивание социальных прав рядовых граждан (повышение пенсионного возраста, рост налогов, сокращение перечня обязательных социальных и медицинских услуг, и пр.), а доверие к институтам власти продолжает снижаться, что лишь увеличивает дистанцию между реально функционирующим корпоративно-бюрократическим государством и декларируемым в Конституции принципом социального государства... Ведь социальным считается то государство, которое действует в интересах большинства классов и групп общества, выравнивая постепенно

является спорной квалификация континентальной модели в качестве «корпоративисткой». Как мы пытались показать, корпоративизм в качестве интеллектуального направления и политической практики в той или иной мере характерен для большинства европейских государств XX в. и наших дней.

условия их жизнедеятельности и расширяя границы среднего класса. Пока существует колоссальный (несопоставимый с подобными показателями самих развитых стран) разрыв между самыми богатыми и самыми бедными людьми в России, не может сложиться полноценное социальное государство³⁸.

В общем с такими оценками согласны многие отечественные исследователи. Но в пространстве теоретической неопределенности остается ключевой вопрос: возможно ли посредством «государства» достичь «всеобщего благосостояния» в условиях очевидного экономического неравенства, обусловленного частно-собственническим способом материального производства? «Государство всеобщего благосостояния» – это скорее метафора, нежели цель экономического развития», – констатирует профессор Т.Ю. Сидорина. «В рамках Welfare State этический контекст остался нерешенным. Достигли материального благосостояния – но не дошли до нравственных преобразований...»³⁹ И судя по всему, в обозримом будущем это вряд ли осуществится. Но другие авторы более оптимистичны.

Констатируя исчерпание конструктивного потенциала реверсивно-гибридного транзита постсоветской России, они вместе с тем считают, что в настоящее время можно говорить о «начальной, низко-средней стадии государства благосостояния в РФ». Его недостатки хорошо известны. Поэтому так значима и необходима системная модернизация страны, предполагающая *совместные усилия государства, бизнеса и гражданского общества*. Последнее также требует модернизации в виде перехода на новый уровень самоорганизации и траекторию саморазвития, способную реализовать интенцию к гуманизму социальной системы. Но прежде всего необходимы усилия по перепроектированию самого государства.

В горизонте этого проектирования Российским центром стратегических разработок (РЦС), курируемым Алексеем Кудриным,

³⁸ Резник Ю.М. Государство всеобщего благосостояния в эпоху глобализации капитализма (системно-рефлексивный анализ) // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под ред. Н.И. Лапина. М.: Реноме, 2019. С. 115.

³⁹ Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. М., 2013. С. 290–293.

предлагается, например, отказавшись от «всеобъемлющей программы модернизации», сделать акцент на формировании *новых институтов* развития: так называемых «переходных институтов», призванных обеспечить трансформацию «естественного государства» в «государство открытого доступа» к политическим и экономическим ресурсам⁴⁰. Этот замысел базируется на теоретических построениях Дугласа Норта и его коллег⁴¹ и потенциально может быть воплощен при условии его поддержки в Кремле. Судя по всему, такая поддержка есть. Однако принципиальная трудность, возникающая при попытках имплементации этого проекта реформ, состоит в том, что «поле власти» не концентрируется в одной точке и одном субъекте: Президенте и его Администрации, Премьере, Правительстве и его аппарате – она рассредоточена по всему пространству России: ее «субъектам» и «муниципалитетам», включает властные возможности и полномочия множества элит. Именно они должны воплощать в жизнь «промежуточные институты» – «систему правил» действия для реформирования страны. Краеугольным камнем которой является принцип «деперсонализации деятельности организаций и институтов». Именно этим сейчас занимается Правительство, внедряя везде электронные формы «госуслуг», дабы ограничить взимание бюрократической ренты чиновничеством. Но достаточны ли эти меры для превращения «естественного» российского государства и общества в государство и общество «открытого доступа», в развитое и подлинное «социальное государство»? Конечно, нет.

По мнению специалистов ЦИСИ, в самые короткие сроки надо разработать и принять среднесрочную Федеральную целевую программу (ФЦП-1) «*Меры по становлению социально сильного государства всенародного благосостояния в России*». А затем и ФЦП-2 «*Меры по развитию России в сильное, гуманистически активное социальное государство всенародного благосостояния*

⁴⁰ Аузан А.А., Авдиенкова М.А., Андреева Д.А., Бахтигараева А.И., Брызгалов В.А., Бутаева К.О., Вебер Ш. Социокультурные факторы инновационного развития и имплементации реформ. М.: ЦСР, 2017.

⁴¹ Норт Дуглас, Уоллис Джон, Вайнгаст Барри. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Институт Гайдара, 2011.

и общество реального гуманизма». «Ее концептуальной основой, – отмечает Н.И. Лапин, – должны стать положения первой части статьи 7 Конституции РФ. Напомним, что в ней сказано о социальном государстве как таком, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Это будет программа реализации основной, **гуманистически-созидательной функции** социального государства как такового. Она означает, что на основе государства всенародного благосостояния и общества реального гуманизма в новой России «государство будет активно **создавать условия** для свободного саморазвития всех граждан как достойных людей. Предстоит определить **эффективные способы** снижения избыточных неравенств доходов населения и доходных весов его макрострат, меры достойного социального обеспечения всего населения, правовой защиты достоинства человека и гражданина, другие направления повышения человеческого потенциала граждан России и его реализации»⁴².

В перспективе Россия как социальное государство – это государство социальной справедливости, солидарности и реального социального гуманизма. Достижимо ли это? Пока непонятно. Принятый пакет социальных поправок в Конституцию России: признание детей важнейшим достоянием страны, оплата труда не менее прожиточного минимума, индексация пенсии не реже одного раза в год и периодическая индексация социальных пособий, – дополнительно легитимирует социальный характер нашего государства, но не решает ни проблему бедности, ни тем более проблемы достижения социальной справедливости, гуманизма и социальной солидарности. А мировой экономический и эпидемиологический кризис – 2020–2021 отодвигает эти задачи в отдаленное будущее. Но коль скоро история есть «деятельность преследующего свои цели человека», надежда на их исполнение определенно есть.

⁴² Лапин Н.И. Два проекта социального государства в современной России // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под общ. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Лапина. М., 2019. С. 229.

Глава 4

Социальное государство и жизненный мир в современном обществе: анализ и оценка результатов исследований

В течение 2017–2019 гг. Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН выполнял государственное задание «Проблемы формирования и эволюции социального государства», результаты которого были опубликованы в коллективном труде под редакцией Н.И. Лапина¹. Теоретико-правовые и методологические основы изучения проблем социального государства были разработаны руководителем Центра членом-корреспондентом РАН Николаем Ивановичем Лапиным².

В рамках исследовательской проблематики Центра я сосредоточил свое внимание на следующих тематических направлениях исследований:

- антропологическое измерение социального государства³;

¹ См.: Становление государства благосостояния и перспективы социального государства. Реалии и проекты / Сост. Н.И. Лапин (общ. ред.), Ю.Д. Гранин, Н.А. Касавина. СПб.: Реноме, 2019. 232 с.

² См., например: *Лапин Н.И.* Социальное государство – конституционный принцип российского государства // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства. Реалии и проекты / Сост. Н.И. Лапин (общ. ред.), Ю.Д. Гранин, Н.А. Касавина. СПб.: Реноме, 2019. С. 11–36.

³ См.: *Резник Ю.М.* Трансформация социального государства: от идеала к новым практическим формам // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки.

- социальная проблема как предмет деятельности социального государства⁴;
- социальная политика государства и жизненный мир человека⁵;
- стратегии деятельности социального государства и его роль в эмансипации жизненного мира⁶.

Представлю теперь краткое описание результатов проведенных исследований.

Антропологическое измерение социального государства

Цель исследования: философско-антропологическое обоснование познавательных и проектных возможностей рефлексивно-критического подхода к пониманию социального государства как идеала и реальности.

-
- № 6. С. 44–52; *Резник Ю.М.* Социальное государство: от несовершенного настоящего к совершенному будущему (опыт критической рефлексии) / Ю.М. Резник // *European journal of philosophical research*. 2019. Vol. 6 (1). P. 77–93; *Резник Ю.М.* Государство всеобщего благосостояния в эпоху глобализации капитализма (рефлексивно-критический анализ) / Ю.М. Резник // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства. Реалии и проекты / Сост. Н.И. Лапин (общ. ред.), Ю.Д. Гранин, Н.А. Касавина. СПб.: Реноме, 2019. С. 92–116.
- ⁴ См.: *Резник Ю.М.* Социальная проблема как единица теоретического анализа и предмет деятельности социального государства (онтологический подход) // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2019. № 3. С. 114–125.
- ⁵ См.: *Резник Ю.М.* Социальная политика государства и жизненный мир российского человека // *Личность. Культура. Общество*. 2018. Т. XX. Вып. 1–2. С. 7–23.
- ⁶ См.: *Резник Ю.М.* Социальное государство и стратегии эмансипации жизненного мира / Ю.М. Резник // *Личность. Культура. Общество*. 2019. Т. 21. Вып. 1–2 (№ 101–102). С. 75–87; Вып. 3–4 (№ 103–104). С. 135–148; *Резник Ю.М.* Социальное государство и его роль в эмансипации жизненного мира человека / Ю.М. Резник // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства. Реалии и проекты / Сост. Н.И. Лапин (общ. ред.), Ю.Д. Гранин, Н.А. Касавина. СПб.: Реноме, 2019. С. 200–224; *Резник Ю.М.* Социальное государство и его роль в эмансипации жизненного мира // *Вопросы философии*. 2019. № 11. С. 17–21.

Теоретическое обоснование: в исследовании приводится антропологическое обоснование критической теории как инструмента анализа социального государства. Она представлена как форма теоретической саморефлексии, разновидность социальной практики, деятельность по исследованию проблем (аналитическое моделирование) и проектированию. Последние две формы связаны с построением разных «критических моделей» социального государства, различающихся между собой ориентацией на прошлое/настоящее или будущее.

В зависимости же от характера решаемых проблем автором выделяются три основных типа социальной государственности: минималистское государство, государство с развитой системой социальной защиты (или государство всеобщего благоденствия), государство личностного благоденствия. Каждому из них соответствует своя критическая модель, ориентированная либо на прошлое/настоящее, либо на будущее. При этом указанные временные координаты дополняются категориями совершенного и несовершенного, выражающими разную (соответственно – высокую и низкую) степень эмансипированности человека.

Между идеалом социального государства («развитие одного как условие развития другого» у Л. Штейна, «свободное саморазвитие человека» у Н.И. Лапина) и реальностью его воплощения (обеспечение прожиточного минимума) оказалась значительная дистанция, преодолеть которую не всегда удастся посредством социальных реформ. Поэтому современное социальное государство переживает острейший кризис. Нужны более радикальные шаги в переустройстве общества и преодолении социально-экономического неравенства различных групп. В этих условиях глобальный капитализм оказался перед историческим выбором: продолжить свое «победоносное» шествие по планете, усиливая репрессивную направленность своих институтов и порождая цепь разрушительных последствий, или же, не ограничиваясь самокоррекцией, стать на путь фундаментальной перестройки основ своего существования. А это чревато, в свою очередь, сменой общественной формации и поворотом в сторону общества реального гуманизма.

На пути дальнейшего развития социального государства в России стоят «старые» болезни (бюрократический произвол, игнори-

рование конституционных принципов и норм, несоблюдение и сворачивание социальных прав большинства граждан, рост социально-экономического неравенства, ценностный конфликт между основными группами и пр.). Российский проект социального государства опирается на критическую модель несовершенного будущего (защищающее государство), которое стало несовершенным настоящим и даже прошлым для многих развитых стран мира. Далее предлагается конкретный перечень шагов, которые призваны ускорить переход к новой модели социальной государственности посредством прорыва в сферу трансцендентного («высшие» смыслы бытия) и установления гармоничного социального мира, приходящего на смену классовым компромиссам и играм анонимных социальных сил.

Методы исследования: критическая рефлексия, антропологический подход и сравнительный анализ.

Основные результаты исследования:

Во-первых, социальное государство возникает как инструмент сглаживания классовых противоречий капитализма, а в современных условиях продолжает выступать как форма его политической самокоррекции. Сформулированные еще Л. Штейном идеи, принципы и функции такого государства оказались актуальными и сегодня. В основе его деятельности лежит защита интересов большинства, обеспечение их социальных прав путем перераспределения собственности и доходов в пользу малоимущих слоев населения. Пытаясь разрешить острейшие классовые противоречия, социальное государство проходит в своем развитии несколько стадий: от минималистской модели (конец XIX – 30–40-е XX в.) к государству всеобщего благоденствия (середина – 70-е гг. XX в.) и далее – к поиску новых моделей (конец XX в. – начало XXI в.). К последней стадии уже приступили государства Западной Европы, которые во имя укрепления собственной безопасности существенно расширили спектр социальных услуг, реализуя помимо ограничительной и гарантирующей функций еще и рефлексивную функцию.

Следовательно, социальное государство – это государство капиталистического типа, которое наряду с правовым государством возникает как инструмент сглаживания противоречий между правящими классами и классом рабочих (и в целом неимущих),

прежде всего в сфере труда и занятости, и в дальнейшем берет на себя функции защиты интересов большинства и, опираясь на право каждого человека на достойную жизнь и принцип справедливого распределения доходов, развивается в направлении самоорганизации людей в рамках гражданского общества для решения проблем саморазвития человека как свободной и творческой личности.

Однако гуманистический потенциал такого государства (создание условий для развития человека и его достойной жизни) пока не реализован в полной мере, о чем свидетельствуют процессы его становления в современной России. Опыт показывает, что такое государство, будучи классовым компромиссом, успешно развивается лишь при опоре на институты гражданского общества, которые вовлекают людей в различные формы самоорганизации. Кроме того, перед российской государственностью стоит еще одна комплексная задача – введение прямого действия соответствующего конституционного принципа, развитие социальной демократии и стимулирование крупного бизнеса к более масштабному участию в программах социальной поддержки населения.

Таким образом, социальное государство уже на ранней стадии своего развития берет на себя, с одной стороны, функцию защиты интересов зависимых и нуждающихся в материальной помощи групп, а с другой стороны, функцию ограничения монопольного права на власть и собственность управляющих групп. Причем обе функции тесно связаны друг с другом. Нельзя защищать права одних, не ограничивая возможности других.

Во-вторых, в исследовании приводится обоснование критической теории как инструмента анализа социального государства. Она представлена как форма теоретической саморефлексии, разновидность социальной практики, деятельность по исследованию проблем (аналитическое моделирование) и проектированию. Последние две формы связаны с построением разных «критических моделей» социального государства, различающихся между собой ориентацией на прошлое/настоящее или будущее. В зависимости же от характера решаемых проблем выделяются три основных типа социальной государственности: минималистское государство,

государство с развитой системой социальной защиты (или государство всеобщего благоденствия), развивающее государство или государство личностного благоденствия. Каждому из них соответствует своя критическая модель, ориентированная либо на прошлое/настоящее, либо на будущее. При этом указанные временные координаты дополняются категориями совершенного и несовершенного, выражающими разную (соответственно – высокую и низкую) степень эмансипированности человека.

Кроме того, социальное государство можно рассматривать далее в двух ипостасях критической теории: аналитическое моделирование (построение «критической модели», ориентированной на описание прошлого или настоящего) и проектное моделирование (разработка «критической модели», ориентированной на будущее, в т.ч. несовершенное и совершенное). Поэтому для критического анализа такого государства наряду с временными координатами (прошлое, настоящее и будущее) вводятся категории «совершенное» и «несовершенное», выражающие соответственно высокую и низкую степень эмансипированности человека в конкретных условиях его исторического развития. То, что совершенно сегодня, завтра уже несовершенно. Надо учитывать еще одно обстоятельство: несовершенное настоящее может породить лишь несовершенное будущее.

Критика реально функционирующего социального государства со стороны ведущих социальных теоретиков представлена в двух аналитических версиях: антисистемная критика А.У. Гоулднера, вскрывающая системные противоречия капитализма и его социальные пороки, и экзистенциальная критика Ю. Хабермаса, осуществляемая с позиций жизненного мира, его смысло-жизненных интересов и ориентиров. Опираясь на критический анализ социального государства А. Гоулднера и Ю. Хабермаса, можно предложить два варианта его критического моделирования в условиях российской действительности: критический анализ несовершенного настоящего (минималистское государство, сложившееся в современной России и обладающее рядом системных ограничений (ориентация преимущественно на прожиточный минимум и т.д.)) и критическую модель несовершенного будущего (защищающее государство). В первом случае используется

опыт антисистемной и экзистенциальной критики, а во втором – наше видение государства с развитой системой социальной защиты (проекта несовершенного будущего), на смену которому неизбежно придет более совершенное будущее (государство личностного благоденствия).

С точки зрения А.У. Гоулднера, социальное государство не смогло решить большинства проблем, которые на него возлагались общественностью. Оно так и остается бюрократической машиной, порожденной современным капитализмом со всеми его пороками. Поэтому сегодня можно констатировать, что в деятельности социального государства доминирует государственная бюрократия, которая поддерживает негласный союз с теми кругами, которые как раз и порождают большинство социальных проблем вместо того, чтобы их решать (представители частного сектора, предприниматели). Их объединяют ценности утилитаризма и прагматизма.

В свою очередь Ю. Хабермас, которого трудно заподозрить в симпатиях к реальному социализму, признает, что введение программы социального государства явилось не чем иным, как попыткой защитить капитализм, произвести его косметический ремонт. Будучи по своей сути институционализированным классовым (или точнее – межклассовым) компромиссом, оно становится вместе с тем «эквивалентом социогосударственной самокоррекции капитализма». Лейтмотивом экзистенциальной критики стали исследования проблем колонизации и эмансипации жизненного мира со стороны бюрократического государства и других институтов системного мира.

В-третьих, исследовательская перспектива критического подхода состоит в обнаружении системных пороков в сложившейся модели российского государства (как доступного нам несовершенного настоящего), несовместимой с более продвинутой моделью социального государства (несовершенного будущего), которое является в свою очередь несовершенным настоящим для большинства стран Запада. Другими словами, это – критика от противного, которая содержит в себе два вектора – антисистемный и экзистенциальный (смысложизненный). При этом предметом критического анализа здесь выступает не столько опыт других стран в развитии

социального государства, сколько наш собственный опыт, который рефлексивируется и критикуется с точки зрения его собственной логики развития и интенций жизненного мира.

Критическая модель социального государства, предлагаемая Хабермасом, оказалась для современной России моделью несовершенного будущего, ставшего для многих развитых стран мира свершившимся, хотя и столь же несовершенным настоящим. Некоторые из них уже переходят к следующей модели (государству личностного благоденствия), являющейся для них пока еще несовершенным будущим, а для нас – практически недостижимым, т.е. нереализуемой в принципе утопией.

И всё же Россия окончательно не свернула с пути становления социального государства. И у нее всё еще остается шанс перейти на следующий уровень государственного строительства и построить *государство с развитой системой социальной защиты*. Минималистское социальное государство (со всеми его ценностями утилитаризма и прагматизма), которое западным странам уже давно удалось преодолеть (как несовершенное и уже пройденное прошлое), оказалось пределом наших возможностей (как несовершенное, еще не раскрывшее свой потенциал настоящее).

В-четвертых, наше будущее столь же несовершенно, как и настоящее. И нужно не прекращать поиски новых путей общественного развития. И не важно, как это будет называться («третий путь», другой модерн, социализм, цивилизм и пр.). Главное – время от времени критически пересматривать фундаментальные основания нашего бытия и осуществлять более конструктивную политику, соответствующую современным вызовам и критериям эмансипации. Свобода человека – это тот дефицит, который не будет преодолен даже в обозримой перспективе. Не бывает много или достаточно свободы. Каждое общество предоставляет человеку столько условий для свободного развития, сколько оно может себе это позволить. Но и человек несовершенен, попадая каждый раз в новые сети социума и поддаваясь воздействию его системных институтов или участвуя в игре анонимных социальных сил. Очарование образом жизни новой буржуазии с ее утилитарными ценностями и потребительскими стандартами столь же обманчиво, как и увлечение большими проектами светлого будущего.

У нового типа социального государства (гуманистическая модель) найдутся свои сторонники (столь же несовершенные, как и сама модель воображаемого ими будущего), способные осуществить широкомасштабные изменения, перестроить политическую и экономическую системы российского общества на принципах справедливости, солидарности и гуманизма, а тем самым подготовить почву для возвращения более совершенного будущего как вполне реализуемой гуманистической утопии. Им нужна не только гражданская решимость, но и готовность к социальным реформам.

Социальная проблема как предмет деятельности социального государства

Цель исследования: анализ проблемного поля социального государства на основе онтологического подхода. Единицей анализа выступает конкретная социальная проблема, которая выражает на сущностном уровне противоречие между сущим и должным, системным и жизненным мирами, а на социетальном уровне – противоречие между людьми как представителями классов и других групп общества, возникающее по поводу дефицита ресурсов и в связи с неудовлетворенностью качеством своей жизни.

Теоретическое обоснование: основным предназначением социального государства является решение социальных проблем на социетальном уровне и в первую очередь – сглаживание классовых противоречий посредством перераспределения ресурсов в пользу неимущих слоев населения, а в перспективе – посредством создания условий для свободного развития всех людей независимо от их социально-классового происхождения.

Социальные проблемы являются предметом комплексных и междисциплинарных исследований. При этом каждая социальная наука (социальная теория, социология, социальная психология и пр.) предлагает свою онтологическую модель: например, общесоциальную или социетальную (социально-классовую и социально-пространственную). Философия и социальная теория рассматривают эти проблемы как частный срез общих проблем социальной реальности, в т.ч. в контексте взаимодействия между

системным и жизненным мирами социума. Социология же концентрируется вокруг проблем, обусловленных классовым делением современного капиталистического общества. Их дополняет социально-пространственная модель.

В статье анализируется система онтологических координат, в рамках которой определяются общесоциальные, социетальные (классовые и пространственные) признаки социальных проблем, а также раскрываются их формальные и содержательные аспекты. Приводится характеристика функций социального государства, которые соотносятся с основными способами решения социальных проблем. В зависимости от характера решаемых проблем выделяется три типа социального государства: проблемы-следствия (минималистское государство), проблемы-причины (государство с развитой системой социальной защиты) и проблемы-средства (государство личностного благоденствия). Каждому из них соответствует свой набор стратегий решения социальных проблем. Россия, переживающая сегодня острейший социальный кризис, находится на стадии перехода от минималистской к развивающей модели социального государства, что предполагает практическую реализацию конституционных норм и проведение радикальных социальных реформ, затрагивающих основы общественного строя.

Методы исследования: онтологический подход к анализу социальных проблем.

Основные результаты исследования:

Во-первых, социальное государство является одним из важнейших институтов современного демократического общества. Оно появилось на Западе в результате достижения компромисса между классами, их политическими партиями, вобрав в себя некоторые черты двух исторически сосуществующих общественных систем (капитализма и социализма). От капитализма оно восприняло идею «организации на началах свободы», принципы «социальной рыночной экономики» и гражданской ответственности. А от реального социализма – идею планирования и коллективного участия, обеспечение социального минимума (полная трудовая занятость и восьмичасовой рабочий день, единая пенсионная система, минимальные зарплаты, социальная помощь малоимущим).

Во-вторых, исследование социальных проблем является областью комплексных исследований, разрабатываемой с участием (и на стыке) философии, социальной теории, социологии, психологии и социальной работы. Каждая из этих дисциплин предлагает свою онтологию (онтологическую модель): общесоциальную (философия и социальная теория), социетальную, подразделяемую на социально-классовую и социально-пространственную (социология), социально-психологическую (психология) и праксеологическую (социальная работа).

Социальная проблема, являясь частным срезом общих проблем социальной теории, относящихся к обществу в целом (природе социальной реальности вообще и жизненному миру в частности), непосредственно входит в сферу научной компетенции социологии, которая призвана в свою очередь раскрывать социетальные противоречия (классовые и пространственные) в современном капиталистическом обществе и выработать рекомендации по их преодолению. Именно эти два онтологических ракурса рассматриваются главным образом в ходе интерпретации сущностных признаков социальной проблемы как единицы анализа и предмета деятельности социального государства.

Следовательно, исследования социальных проблем осуществляются на разных онтологических уровнях:

- на уровне социальной реальности в целом, на котором фиксируются ее сущностные признаки (интерактивность, интересубъективность и трансперсональность);

- на социетальном уровне и в первую очередь – уровне взаимодействия классов и других социальных групп, обусловленного различиями в ресурсах, ценностях и качестве жизни;

- на социетальном уровне и непосредственно – на уровне пространственных связей, где выявляются такие признаки, как наличие объективного условия и его субъективного восприятия, масштаб распространения и коллективное определение, а также выдвижение требований и проведение социальных реформ.

Другими словами, социальная проблема выражает на общесоциальном уровне противоречие между сущим (реальным состоянием социального взаимодействия, например социально-экономическим неравенством) и должным (стремлением всех групп

к реализации смысложизненных ориентаций, в т.ч. их желание иметь равные или хотя бы сопоставимые жизненные шансы с другими, обеспеченными или успешными группами), на социетальном уровне – классовые противоречия между индивидами, а также различия в пространстве (местонахождении), побуждающие людей выдвигать справедливые требования и добиваться проведения социальных реформ. Соответственно различаются и языки, используемые для описания социальной проблемы в рамках того или иного уровня системы онтологических координат.

В качестве сущностных признаков исследователи выделяют борьбу за ресурсы, конфликт ценностей, различия в уровне и качестве жизни.

Первое. Социальная проблема выражает на сознательном уровне неудовлетворенность людей, осознавших свои классовые различия, своим материальным и социальным положением (доступ к средствам производства, участие в управлении, возможность получения образования и пр.). Речь здесь идет прежде всего о формальном измерении социально-классового противоречия, которое определяет содержание *борьбы за ресурсы*. Причем такое противоречие осознается людьми, принадлежащими к угнетенному классу, как препятствие (дефицит ресурсов или средств существования), возникающее на пути их развития. Поэтому в его появлении чаще всего назначаются «виновники», в т.ч. представители господствующего класса (например, нерадивые чиновники или алчные предприниматели).

Второе. Социальная проблема, оказавшаяся в фокусе внимания государства всеобщего благоденствия, характеризует *конфликт интересов и ценностей* разных групп людей и в первую очередь – классов (например, управляющих и управляемых, представителей господствующего класса и тех, кто относится к зависимому или угнетенному классу). А это значит, что классы различаются между собой не только отношением к средствам производства или местом в общественной организации труда, в т.ч. в системе управления, но также и образом или стилем жизни.

Третье. В логике жизненного мира борьба между группами и классами людей осуществляется ради достижения более достойной цели, чем собственность, власть и другие ресурсы, а именно –

ради улучшения *уровня и качества жизни*, соответствующего представлениям людей о должном. А это и есть содержательная характеристика социальной проблемы. Ее решение, в т.ч. средствами социального государства, выводит общественный дискурс на другой уровень – проблематизацию качества жизни разных классов и групп.

В-третьих, социальное государство в зависимости от уровня решаемых социальных проблем выполняет следующие функции: на общесоциальном уровне ему необходимо сохранить целостность общества, используя интегративный потенциал социального взаимодействия (интерактивности, интересубъективности и трансперсональности); на втором (социетальном и непосредственно – классовом) уровне функция данного государства – преодоление классовых противоречий и достижение социального мира (при этом оно не может посягать на «святыя святых капитализма» – рынок и частную собственность, а лишь призвано смягчать их деструктивное воздействие на жизненный мир); в системе пространственных координат социальное государство выполняет *частные функции*, которые отвечают за гармонизацию всего социального пространства и индифферентны к интересам классов.

В этой связи следует выделить такие функции, как: *легитимизация* (признание справедливости требований групп с ущемленными интересами); *ограничение монопольного положения* господствующих классов или доминирующих групп (антимонопольная деятельность, регламентация отношений между работодателями и наемными работниками и пр.); *социальное обеспечение* (поддержка социально незащищенных слоев населения – безработных, пенсионеров, инвалидов, социальное страхование и обеспечение); *гарантирование* прав трудящихся слоев (гарантирование государством системы социальных прав гражданина, в т.ч. жизненного минимума, доступ к образованию, обязательной медицинской помощи и т.д.). Очевидно, что уже сегодня, а не только в перспективе развития такого государства должно присутствовать и *развитие* (создание условий для саморазвития и самореализации человека).

Однако в современных условиях этих функций уже явно недостаточно. Чтобы адекватно отвечать на вызовы глобального капитализма, необходимо не только реагировать на противоречия,

но и выявлять их еще на стадии возникновения. Для этой цели нужно ввести, с точки зрения Ю. Хабермаса, еще одну функцию социального государства – *рефлексивную*, которая может быть реализована в полной мере лишь в социальном государстве с развитой системой социальной защиты. «Стать рефлексивным для государства означает, однако, и то, что извлекаются уроки из опыта обращения с таким средством, как власть, которую политики социального государства должны использовать для своего вмешательства в общественные субстраты»⁷.

В-четвертых, каждому классу и уровню сложности социальных проблем соответствует свой исторический тип социального государства и его политика:

1) порожденные или обусловленные проблемы (проблемы-следствия), причины которых еще не ясны субъектам управления или не осознаются ими до конца, – *минималистское государство* и проводимая им реактивная или реагирующая политика, призванная лишь потушить социальный пожар и обеспечить минимальный уровень жизни;

2) порождающие или причиняющие проблемы (проблемы-причины), проявление которых привело в конечном счете к патологическим или аномийным социальным последствиям, – *государство всеобщего благоденствия* (или государство с развитой системой социальной защиты) и связанная с ним превентивная (упреждающая) политика, основанная на стратегии опережающего решения проблем и выстраивании партнерских отношений с организациями гражданского общества;

3) конструктивные проблемы, решение которых позволяет не допустить в будущем (с учетом принятия опережающих мер) появление причиняющих проблем, – *государство личностного благоденствия* (или государство реального гуманизма) и сопряженная с ним социально-гуманитарная политика, при которой большинство причиняющих проблем снимается («купируется») еще до момента их обострения, а основное внимание уделяется решению проблем-средств, т.е. преодолению препятствий на пути

⁷ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМИ», 1995. С. 96.

создания благоприятных условий для саморазвития человека как свободной личности, проявления его самых лучших качеств.

Каждому типу социального государства соответствуют свои стратегии развития: минималистскому государству – стратегия поддержки граждан, нуждающихся в помощи в соответствии с «прожиточным» минимумом – субсидии, квоты, льготы и пр.; стратегия обеспечения доступа к культуре для малообеспеченных граждан; развитому социальному государству – стратегия распределения ресурсов и постепенного выравнивания доходов граждан; стратегия партнерства в получении культурных услуг и мультикультурализма; стратегия и политика «равных жизненных шансов» для представителей разных социальных групп; развивающему государству – стратегия обеспечения достойной жизни каждому гражданину; стратегия культурного самовыражения каждого человека независимо от его социального статуса; стратегия, направленная на саморазвитие личности и достижение высокого качества жизни всех граждан.

Таким образом, социальное государство возникает для решения особых – социальных – проблем, которые обладают рядом признаков, позволяющих их идентифицировать. Политика такого государства, как и соответствующие ей стратегии, постепенно эволюционирует по мере перехода от решения проблем-следствий к решению проблем-средств.

Социальная политика государства и жизненный мир человека

Цель исследования: показать характер воздействия государственной социальной политики на состояние жизненного мира человека, а также предложить обоснование возможностного подхода к формированию социальной жизненной политики.

Теоретическое обоснование: необходимо доказать, что благоприятному состоянию жизненного мира человека соответствует сильная социальная политика государства, которая на современном этапе выступает в двух основных формах (эгалитаризм и либерализм). Либеральная политика ограничивает функции социального

государства и ведет к сворачиванию жизненного пространства российских людей. Эгалитаристская политика зачастую приводит к социальному иждивенчеству. В исследовании предлагается и обосновывается возможностный подход к осуществлению социальной политики. В его основе лежит убеждение, что жизненный мир человека нуждается в политике возможностей, которая позволит преодолеть патерналистские настроения, с одной стороны, и индивидуалистические ориентации, с другой.

Методы исследования: социокультурный подход и возможностный анализ.

Основные результаты исследования:

Во-первых, социальную политику следует понимать как научно обоснованную деятельность, направленную на повышение качества социального бытия человека, среди критериев которого можно выделить такие слабооперационализируемые показатели, как удовлетворенность жизнью, личная безопасность, творческая самореализация, благополучие, счастье, дружеское общение, человеческое достоинство и пр. Многие из них следует рассматривать как базовые ценности человека, которые входят в его смысло-жизненный проект и определяют во многом цивилизационный выбор.

Во-вторых, до сих пор жизненный мир человека подвергается системному насилию – экспансии («колонизации») со стороны системного мира и прежде всего государства, преодолеть которую невозможно в рамках старой парадигмы социальной политики (либерализм или эгалитаризм). Освободить его от тисков формальной системности государства может только политика возможностей, которая призвана обеспечить равные (сопоставимые) условия для творческой самореализации разных групп людей. Именно такая политика претендует на то, чтобы стать жизненной политикой.

В-третьих, в качестве каналов влияния социальной политики на жизненный мир предлагается использовать его же собственные основания – интенциональность (забота об общем мире), «детерминированность личным опытом», «горизонтность» (предельная осмысленность), интерсубъективность (взаимозаменяемость жизненных перспектив) и коммуникативность (ориентированность на взаимопонимание). Гармонизация этих свойств

позволит изменить жизненный мир человека в целом в соответствии с его представлениями о совместном, взаимосогласованном и взаимоответственном бытии.

В-четвертых, старая социальная политика реализуется сегодня в двух основных моделях: эгалитаризм (модель пассивного жизнеобеспечения и стратегия группового благополучия) и либерализм (модель активного жизнестроительства и стратегия индивидуального успеха). Новая социальная политика должна руководствоваться критериями допустимого (как предельно возможного) воздействия на жизненный мир человека, не допуская экспансии государства и других системных институтов. В качестве критериев политики возможностей, поощряющей жизнетворчество, выступают такие ориентиры, как забота об общем мире, самореализация, осуществление своего предназначения в обществе, социальное партнерство, миротворческие коммуникации.

На гуманистической стадии своего развития социальное государство при помощи институтов гражданского общества обеспечивает единство принципов солидарности, свободы и реального гуманизма как практической соразмерности человека и общества, создавая вместе с тем условия для свободного развития человека и человекообразного развития общества, которые и становятся магистральными направлениями его политики.

И, наконец, в-пятых, политику возможностей следует рассматривать как преемницу политики политической эмансипации (социализм, либерализм, радикализм, консерватизм и пр.), господствующей в обществе модерна. Новая политика безразлична к политическим условиям или предпосылкам свободы, ее интересует само содержание свободы как автономного и независимого выбора человеком жизненного пути. В отличие от политики эмансипации это – политика реализации различных жизненных стилей и шансов людей, а не интересов различных политических субъектов. Ее задача – создание и поддержание нравственно оправданных форм жизни, которые будут способствовать самоактуализации «Я» в контексте глобальных взаимозависимостей.

Стратегии деятельности социального государства и эмансипация жизненного мира человека

Цель исследования: показать возможности данного государства для решения проблем жизненного мира, в т.ч. проблем колонизации, являющихся зеркальным отражением воздействий системного мира (вектор системной детерминации), и проблем деколонизации, указывающих на существование зазеркалья (вектор самоорганизации).

Теоретическое обоснование: в современных условиях социальное государство, чтобы быть успешным и соответствовать вызовам времени, должно участвовать наряду с гражданским обществом в процессах эмансипации жизненного мира. И здесь возможны две стратегии его деятельности: защита и участие. В рамках стратегии защиты оно выстраивает защитный барьер перед экспансионистскими устремлениями системного мира, преодолевая шаг за шагом последствия колонизации. На следующем витке своего развития социальное государство стремится обеспечить в долгосрочной перспективе устойчивый иммунитет жизненного мира по отношению к деструктивным системным воздействиям, с одной стороны, и оказать содействие социальным субъектам в осуществлении их жизненных проектов, с другой (стратегия участия). Если политика реагирования социального государства направлена на устранение социальных последствий колонизации жизненного мира, то политика равных жизненных шансов призвана реализовать проект «рефлексивного Я» человека, который рассматривается как средство его деколонизации и конструирования бытия в направлении человекоразмерного развития.

Методы исследования: рефлексивный подход к изучению и проектированию социального государства как одного из средств эмансипации жизненного мира.

Основные результаты исследования:

Во-первых, социальное государство создается в интересах политического класса как инструмент преодоления некоторых, наиболее острых социальных противоречий. При этом оно не изменяет классовую природу современного капитализма, а лишь

ретуширует и даже «загоняет вглубь» его системные пороки. В идеале такое государство должно предлагать широкий спектр социальных программ в интересах большинства, а в реальности оно по-прежнему выступает на стороне доминирующих сил системного мира, распределяя общественные ресурсы в их пользу. Актуальность настоящего исследования я вижу в необходимости обоснования поворота от анализа деятельности социального государства по разрешению классовых конфликтов к исследованию проблем его взаимодействия с жизненным миром. Вместе с тем, по моему мнению, должна измениться и парадигма политики социального государства. От политики исключения «лишних» и «слабых» из жизни общества, которой придерживалось государство всеобщего благоденствия, новое государство постепенно переходит от политики защиты и участия к реализации равных жизненных шансов представителей всех социальных групп.

Во-вторых, функциональный подход к организации социального государства, разработанный в общих чертах Т. Парсонсом, подвергается критике со стороны других социальных мыслителей, в частности А. Гоулднера. Последний показывает, что государство всеобщего благосостояния, придерживаясь изначально эгалитаристской направленности, служит на практике ценностям утилитаризма, которые в основном разделяются представителями господствующего класса. Оно фактически проводит реактивную политику в соответствии с принципами *post factum* и *ad hoc*. Такое государство направляет свою деятельность на установление контроля над «лишними» или «бесполезными» людьми, которые не вписываются в «нормальный» социальный порядок и создают ненужное напряжение. Для этого используются средства экологической изоляции, перевоспитания личности и профессиональной переподготовки, что снижает уровень творческой активности людей. Государство всеобщего благоденствия является, по мнению Гоулднера, системой реагирования на возникновение социальных проблем, решение которых во многом зависит от тех, кто их собственно и порождает. Поэтому оно ориентировано не столько на устранение конкретных причин социального кризиса, сколько на адаптацию людей к изменившимся условиям и нуждам капитализма.

Ю. Хабермас предлагает коммуникативный проект социального государства, в котором главенствующую роль в организации его деятельности должны играть коммуникации жизненного мира. Однако системно-жизненная матрица социума не стала реальной альтернативой социально-классовой матрицы, а лишь усложнила картину структурной организации современного капитализма. Немецкому мыслителю было важно показать пути его дальнейшего усовершенствования в условиях снижения классового напряжения. Поэтому он сместил центр тяжести в своей концепции от анализа классовой борьбы к изучению отношений между системным и жизненным мирами. И всё же «левые» предпочтения Хабермаса нашли свое воплощение в его проекте рефлексивного государства, которое могло воплотиться в обществе демократического социализма.

Современное социальное государство балансирует между необходимостью проводить непопулярные социальные реформы и избирательным решением социальных проблем, с одной стороны, и поддержанием электоральной активности населения и доверия к власти, с другой стороны. В то же время деятельность такого государства в отношении жизненного мира нельзя назвать исключительно ответственной и взвешенной. Необходимо учитывать различие картин жизненного мира, сложившихся у представителей разных социальных групп, в т.ч. у управляющего меньшинства и управляемого большинства.

Рефлексивный подход к анализу социального государства я рассматриваю как развитие коммуникативного подхода Ю. Хабермаса и его концепции рефлексивного государства. В центре внимания оказываются не просто отношения системного и жизненного миров, а несколько иная формула их взаимодействия. На одной стороне оказываются агенты социального государства и жизненный мир управляющего меньшинства, а на другой – жизненный мир людей, отстраненных от участия в управлении (управляемое большинство).

Данный подход позволяет:

– анализировать теорию и практику социального государства не со стороны субъектов коммуникаций жизненного мира управляющих социальных классов или групп, включая проекции их

смысловых структур на все общества, а с точки зрения тех, кто оказывается в ситуации социального угнетения, т.е. зависимых и управляемых социальных групп;

– акцентировать внимание на тех противоречиях общества в целом и деятельности социального государства в частности, которые непосредственно затрагивают интересы жизненного мира представителей зависимых и управляемых социальных групп;

– рассматривать ситуацию, в которой находится сам исследователь, изучающий проблемы социального государства и его влияние на жизненный мир разных социальных групп, с позиций демократического большинства (гражданского общества). Именно последнее предстает у Хабермаса посредником между социальным государством и жизненным миром.

В-третьих, согласно коммуникативному проекту Ю. Хабермаса жизненный мир первичен по отношению к системному миру, в т.ч. и государству. Он рассматривается как сфера самоконструируемого бытия человека, связанная непосредственно с производством и реализацией его жизненных смыслов, которые образуют единство в пределах доступного ему окружения. Другими словами, это – осмысленное, освоенное («обжитое» или «присвоенное») и «преобразованное» человеком пространство жизни, в т.ч. в сфере непосредственного общения с другими людьми (семья, дружба, любовь, духовные практики и пр.).

Следовательно, исходной категорией рефлексивного анализа выступает «жизненный смысл». Это – то, «ради чего» или «зачем» живет тот или иной человек, а также то, что направляет его жизнь в повседневных ситуациях. Он характеризует его осознанное отношение к своей жизни, переживание ее интенциональной направленности, в т.ч. включенности в различные структуры социума. Жизненный смысл формирует систему мировоззренческих координат человека и проецируется в дальнейшем на всё окружение, образуя структуры жизненного мира.

В определенном плане жизненный мир представляет собой искривленное «зеркало» системного мира, и в первую очередь – государства. В нем отражаются последствия или результаты системных действий, а также решения субъектов управления, в т.ч. государственных чиновников или субъектов корпоративного

менеджмента. Вопрос заключается лишь в том, что находится в «зазеркалье», т.е. по ту сторону жизненного мира.

А по ту сторону находятся автономные коммуникации жизненного мира разных социальных групп, независимые от искусственных социокультурных барьеров, привнесенных из системного мира. Поэтому независимо от последнего люди продолжают жить своей обычной жизнью (переживают, страдают, радуются и вдохновляются). Другими словами, их жизненный мир обладают хотя и различными (системными и несистемными), но порой сопоставимыми друг с другом характеристиками. С этой точки зрения, собственник или топ-менеджер крупной нефтяной компании и рядовой рабочий, имеющие разные ресурсы, пребывают тем не менее в относительно закрытых жизненных мирах.

В-четвертых, социальное государство, являясь частью системного мира в целом, предназначено изначально для решения социальных проблем, порожденных противоречиями капитализма и осознаваемых всем обществом или отдельными группами людей на уровне их жизненных смыслов. Первоначально социальное государство занималось лишь устранением социальных последствий. На это обращал внимание А.У. Гоулднер, подчеркивая несовершенство социального государства как инструмента решения социальных проблем. «По своей природе государство всеобщего благоденствия является системой регулирования, начинающей действовать только после очевидного возникновения “проблемы” и в ответ на нее»⁸. Поэтому необходимо выяснить в первую очередь, почему социальное государство, возникая в ответ на неустроенность положения или разбалансированность жизненных интересов разных социальных групп, находящихся в конфронтации друг с другом, не может противостоять миру больших систем (экономика, государство, церковь и пр.).

Кроме того, с точки зрения ресурсной обеспеченности, жизненный мир агентов социального государства, как правило, обустроен иначе, чем жизненный мир большинства людей, принадлежащих к зависимым и управляемым группам. Отсюда следует,

⁸ Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии: Пер. с нем. СПб.: Наука, 2003. С. 110.

что они располагают разными ресурсами и возможностями для реализации своих интересов в рамках их собственных жизненных миров. Очевидно, что наделять властными полномочиями в социальном государстве людей, принадлежащих к правящему классу, – это всё равно, что доверять волку пасти овец.

В-пятых, взаимодействие между социальным государством (как «целерациональным» и системно-инструментальным началом), с одной стороны, и жизненным миром (как «ценностно-рациональным», интересубъективным и коммуникативным началом), с другой стороны, *исторически изменяется*. Вместе с тем меняется деятельность государства как политического инструмента решения социальных проблем жизненного мира с позиций правящего класса.

В традиционном обществе жизненный мир, представленный отношениями людей в семье и общине, практически подчинен системному миру, куда входят государство, крупное феодальное хозяйство и церковь. Взаимодействие индивидов опосредуется здесь при помощи семейно-родственных и общинно-клановых связей, среди которых наибольшее влияние в местном сообществе приобретают знатные семьи и родственные кланы. Именно они оказывают на сообщество управляющее воздействие, используя в своих целях институты власти и церкви. Семьи же «простых» или бедных граждан наряду с таким институтом традиционного самоуправления, как община, служили подспорьем в решении многих возникающих в то время социальных проблем.

В современном индустриальном обществе на смену общинному строю, сохраняющему незыблемые устои системного порядка, приходит *инновационный тип* социальных систем. Традиционная культура и общинные отношения уже не могут выполнять роль сдерживающих или ограничивающих факторов. Их место занимают не анонимные силы (например, механизмы рыночной экономики и либеральной демократии), а вполне реальные субъекты (государственные организации, корпорации, частные предприниматели и наемные работники), которые хотя и призваны преодолеть старые социальные противоречия, но в ходе развития капитализма порождают новые социальные проблемы, так как ускоренное развитие системного мира обостряет его противоречие с жизненным миром и ведет к «колонизации» последнего.

Так на данном этапе возникают и обостряются новые социальные проблемы (чрезмерная рационализация, бюрократизация и коммерциализация жизненного мира), что приводит к росту отчуждения и самоотчуждения людей. Все это делает настоятельной необходимостью появления более эффективных опосредующих механизмов, регулирующих взаимодействие системного и жизненного начал общества. Но как бы там ни было, процессы отчуждения затрагивают преимущественно жизненный мир зависимых и управляемых групп общества.

В обществе позднего модерна преобладает устойчивое, равновесное состояние системного и жизненного миров общества, но острота социальных проблем при этом не снимается. По мере своего укрепления гражданское общество, состоящее в основном из представителей среднего класса, становится партнером социального государства, расширяя круг его возможностей в решении социальных проблем, которые затрагивают интересы зависимых групп. Так, появляется потребность в новом социальном государстве, которое уже не может иметь дело только с проблемами-следствиями или проблемами-причинами, обусловленными фактом существования обездоленных слоев населения, а готово к опережающим решениям и профилактической работе со всеми группами общества. Очевидно также, что в дополнение к таким символическим средствам, как «деньги» и «власть», выступающим инструментами господства управляющего меньшинства, приходят новые средства коммуникации, которые помимо прочего интегрируют разрозненные социальные группы в демократическое большинство. Но это не отменяет власть капитала и не устраняет причин отчуждения.

В-шестых, современное состояние и развитие проблемного поля жизненного мира по-прежнему определяется характером его отношений с системным миром и прежде всего с государством. В социальном государстве осуществляется преимущественно инструментальная деятельность представителей управляющего меньшинства, ориентированных на результат в соответствии с формальными требованиями тех систем, в которые они включены. В жизненном мире же происходит «коммуникативный дискурс» того самого управляемого большинства, которому ограничен доступ

к власти, собственности и другим ресурсам. Здесь преобладают «горизонтальные» связи и коммуникативные действия, ориентированные на взаимопонимание, в т.ч. на достижение согласия между ними по поводу решения смысложизненных проблем (экзистенциальная коммуникация). Считается, что акт языкового взаимодействия происходит «в рамках признанной intersубъективно дефиниции ситуации»⁹. Но это нисколько не умаляет доминирующего положения управляющих групп. Поэтому горизонтальные коммуникации между управляемыми группами нисколько не исключают доминирования над ними.

Следовательно, социальные проблемы возникают на пересечении двух миров, выражая противоречия между ними. Социальное государство, представляя интересы управляющего меньшинства, обеспечивает лишь их частичное решение необходимыми ресурсами и образцами взаимодействия. Оно навязывает жизненному миру зависимых социальных групп формальную коммуникацию, основанную не столько на приоритетах права, сколько на интересах управляющих групп. А жизненный мир, выражая интересы демократического большинства посредством институтов гражданского общества, привносит в содержание коммуникативные интересы субъектов и стремление к межклассовому консенсусу. И это – «коммуникация относительно ценностных ориентаций, целей, норм и фактов... Наряду с такими средствами, выходящими за рамки единичных интересов, каковы деньги и власть...»¹⁰. Ресурсами же жизненного мира, необходимыми для социальной интеграции, следует признать взаимопонимание и солидарность.

Таким образом, специфика проблемного поля современного социального государства состоит в том, что последнее, будучи одним из институтов системного мира и представляя интересы управляющего меньшинства, вынуждено взаимодействовать с гражданским обществом (как демократическим большинством). В любом случае при решении этих проблем государство остается системным институтом, отстаивающим жизненные интересы

⁹ См.: Немецкая социология / Отв. ред. Р.П. Шпакова. СПб.: Наука, 2003. С. 444.

¹⁰ Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 94.

правлящего класса и перераспределяющим ресурсы с учетом бедственного положения зависимых групп, а гражданское общество выступает выразителем и защитником интересов жизненного мира всех без исключения людей независимо от их классовой принадлежности, материального положения или места в социальной иерархии.

В-седьмых, социальный кризис жизненного мира обусловлен во многом экспансией ценностей системного мира в целом и социального государства в частности. Каждый из этих миров располагает собственной системой ценностных координат. Системный мир навязывает жизненному миру инструментальную логику развития, иерархическую структуру («вертикаль власти») и ориентацию на утилитаризм, перенося в него критерии полезности и практической целесообразности, выработанные в системах экономики, политики и формального права. Напротив, в жизненном мире доминируют ценности эвдемонизма (стремление к счастью) и эгалитаризма. В нем преобладают горизонтальные связи и установки на достижение взаимопонимания, которые привносят в деятельность социального дух равенства и братства.

Помимо ценностного противостояния системного и жизненного миров, происходит конфликт ценностей между жизненными мирами разных социальных групп и прежде всего между управляющим меньшинством и управляемым большинством, что отражается на определении приоритетов деятельности социального государства.

Рефлексивное социальное государство призвано участвовать в эмансипации жизненного мира от колониальных устремлений системного мира в целом. Будучи частью последнего, оно испытывает значительное влияние гражданского общества, что и определяет во многом его направленность на решение проблем колонизации и деколонизации жизненного мира. Колонизация жизненного мира проявляется в тенденциях чрезмерной рационализации и технизации, с одной стороны, и фрагментации и ассимиляции, с другой. Она совершается тремя путями: экономически, политически, духовно-нравственно. Им соответствуют такие технологии, как коммерциализация и консюмеризация, бюрократическая формализация и деморализация. Жизненный мир,

используя ресурсы публичной сферы, оказывает обратное воздействие на системный мир, выстраивая свой естественный порядок в соответствии с принципами солидарности и согласия (взаимопонимания).

В зависимости от стратегии деятельности социального государства определяется логика развития жизненного мира (преимущественно инструментальная или инструментально-коммуникативная). Стратегия защиты ориентирована в основном на решение ограниченного количества социальных проблем жизненного мира. Напротив, стратегия участия в обустройстве жизненного мира предполагает более деятельное отношение агентов социального государства к построению жизненных проектов социальных субъектов (личностей, групп, сообществ). Она становится основой жизненной политики или политики равных жизненных шансов, осуществляемой социальным государством в интересах демократического большинства.

* * *

Сформулирую теперь некоторые выводы, конкретизирующие содержание полученных результатов исследований.

1. Социальное государство возникает как способ преодоления социально-классового кризиса капитализма. Однако мыслители прошлого (Л. Штейн и др.) несколько идеализировали этот феномен, наделяя его такими чертами, как эмансипация человека, защита интересов и трудовых прав наемных работников, ограничение монопольной деятельности предпринимателей. В XX в. были сформированы 3 типа такого государства: минималистское (защитающее) государство, государство с развитой системой социальной защиты (или государство всеобщего благоденствия), развивающее государство (или государство личностного благоденствия), которые рассматриваются соответственно как несовершенное прошлое, несовершенное настоящее и совершенное будущее. Критические модели социального государства указывают на системные недостатки современного социального государства (антисистемная критика несовершенного настоящего у А. Гоулднера и рефлексивная критика совершенного будущего у Ю. Хабермаса).

У России есть шанс построить гуманистическое социальное государство, но для этого необходимо создать развитую систему социальной защиты и обеспечить равные возможности для реализации прав и свобод граждан.

2. Жизненный мир представляет собой сферу повседневных коммуникаций, ориентированных на взаимопонимание между людьми как представителями социальных групп, которые занимают доминирующее или зависимое положение в обществе.

Социальное государство призвано решать особый круг проблем – социальных. Такая проблема выражает противоречие между реальным положением социальных групп, нуждающихся в материальной и иной поддержке, с одной стороны, и представлениями об условиях их свободного и равноправного развития, с другой. В последнем случае речь идет о предоставлении им лучших жизненных шансов в получении образовательных, медицинских и иных услуг. Содержание проблемы раскрывается через такие показатели, как доступ к необходимым жизненным благам, конфликт интересов и ценностей, различия в уровне и качестве жизни. В зависимости от них социальное государство выполняет функции легитимизации, ограничение монопольного положения доминирующих групп, социальное обеспечение, гарантирование прав трудящихся слоев и создание условий для развития человека.

3. Социальная политика рассматривается как инструмент повышения качества социального бытия человека в соответствии с критериями уровня жизни, справедливости, солидарности и равенства жизненных шансов. Но есть еще такие субъективные показатели, как удовлетворенность жизнью, чувство безопасности, творческая самореализация, счастье, человеческое достоинство и пр. Все они имеют непосредственное отношение к состоянию жизненного мира человека, который систематически подвергается экспансии со стороны системного мира и прежде всего государства.

Следовательно, государство, будучи социальным, выступает в двух ипостасях: (1) как институт, представляющий интересы правящего класса, сосредоточившего в своих руках ресурсы страны (управляющее меньшинство); (2) как субъект сильной социальной политики, осуществляемой в интересах зависимых групп

населения (управляющего большинства). В первом случае оно характеризует позицию системного мира, проводя формальную социальную политику в соответствии с принципами эгалитаризма или либерализма, а во втором – позицию жизненного мира, реализуя политику возможностей, которая призвана обеспечить сопоставимые условия для достойной жизни и творческой самореализации разных групп людей.

4. Социальное государство при определенных условиях может осуществлять политику эмансипации жизненного мира. Но для этого ему нужно преодолеть ограничения минималистского государства (издержки колонизации) и, пройдя через стадию всеобщего благоденствия, войти в общество реального гуманизма, которое создает предпосылки для саморазвития человека. Каждому из них соответствует собственная стратегия деятельности в сфере жизненного мира (защита, участие и развитие).

С точки зрения критиков (А. Гоулднер), государство всеобщего благоденствия порождает слой «лишних» и «бесполезных» людей, которых подвергают экологической изоляции, исключая тем самым из круга активных граждан. В свою очередь Ю. Хабермас предлагает вместо анализа классовых противоречий коммуникативный подход, полагая, что социальное государство должно благоприятно воздействовать на коммуникации жизненного мира.

Для оптимизации воздействий на жизненный мир Хабермас использует модель рефлексивного государства. В принципе, рефлексивный подход ему нужен, чтобы замаскировать классовую сущность социального государства и сгладить социальные противоречия современного капитализма. Идеал Хабермаса – расширенный средний класс как социальная база гражданского общества, которое в свою очередь является посредником между государством и жизненным миром.

На место «старых» субъектов традиционного общества (семья и община) в индустриальном обществе приходят «новые» субъекты (государственные организации, корпорации, частные предприниматели и наемные работники), которые порождают проблемы отчуждения и самоотчуждения жизненного мира зависимых и управляемых групп. Однако в государстве всеобщего благоденствия агенты имеют дело не с реальными социальными

проблемами граждан, а с превращенными интересами управляющих групп. Они же оказываются в положении тех, кто не только управляет ими, но и распределяет социальную помощь.

Итак, социальное государство, которое на данном этапе исторического развития выступает в форме государства всеобщего благоденствия, по-прежнему существует в тисках системного мира современного общества, выражая политическую волю правящего класса, заинтересованного в сглаживании социальных противоречий и поддержании стабильности. Оно сдерживает экспансию мира формальных систем в отношении жизненного мира управляемых и зависимых групп, оставаясь тем не менее одной из таких систем и реализуя интересы управляющего меньшинства.

Глава 5

Ключевые признаки завершения постсоветского транзита

О наличии или исчерпании конструктивного потенциала реверсивно-гибридного транзита постсоветской России можно судить по многим параметрам. Основные из них были выявлены при исследовании состояния и перспектив становления социального государства в транзитной России. Стало яснее, что в настоящее время реально можно говорить о начальной, низко-средней стадии государства благосостояния.

Это сам по себе значимый позитивный результат. Дальнейшее его осмысление позволило предположить, что потенциал постсоветского транзита во многом исчерпан, а в посттранзитной России возникло иное общество, отличающееся от прежних. В предыдущих главах настоящего раздела дана характеристика ряда признаков исчерпания потенциала реверсивно-гибридного транзита, а в следующем разделе представлены антропосоциокультурные характеристики возникшего общества и рассматриваются актуальные проблемы его развития.

В настоящей главе подытожены два существенных параметра, характеризующих как исчерпание потенциала транзита, так и способы развития возникшего общества: 1) состояние и динамика модернизованности России в целом, а также размах различий между регионами по этому параметру; 2) величина и векторы изменений экстремальных неравенств доходов макрострат населения России и ее регионов.

Иерархия состояний (типов) модернизованности регионов. В городах и весях России, в ее центральных и периферийных регионах и стране в целом, как и в большинстве стран мира, совершаются процессы модернизации – естественно-исторические процессы деятельности населения по улучшению своей жизни. Их совокупность весьма противоречива, имеет неоднозначные тенденции.

ЦИСИ выявил сложные проблемы состояний (типов) модернизованности регионов современной России. Для решения этой задачи Центр, адаптировав инструментарий китайских коллег к российским реалиям, сконструировал типологию этих состояний, при поддержке специалистов регионов, применил эту типологию и выявил **динамику распространения состояний модернизованности регионов, их иерархию и кластеризацию.**

Ниже приведены шесть основных таких состояний (типов) и их содержание.

Тип 1. Регионы, начинающие, начавшие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию: первичная модернизация – уровни низкий и ниже среднего, фазы начала и роста; вторичная модернизация – условные уровни ниже среднего, идентификация с фазами невозможна.

Тип 2. Регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни средний и ниже среднего, фазы роста и зрелости; вторичная модернизация – условные уровни ниже среднего, идентификация с фазами невозможна.

Тип 3. Регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации; первичная модернизация – фаза зрелости, условные уровни средний и выше среднего; вторичная модернизация – условные уровни средний, выше среднего, идентификация с фазами невозможна.

Тип 4. Регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни средний и выше среднего; подготовительная и начальная фазы.

Тип 5. Регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию, подготавливая ее развитие; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; начальная фаза.

Тип 6. Развитые регионы, продолжающие развивать информационную (вторичную) модернизацию; первичная модернизация – уровни выше среднего, переходная фаза; вторичная модернизация – уровни выше среднего, высокий; фаза роста.

В табл. 7.1. приведены данные о динамике распространения комплексных состояний (типов) модернизированности регионов России в 2000–2017 гг.

Таблица 7.1. Динамика распространения состояний (типов) модернизированности регионов России

Состояния (типы) модернизированности регионов	Число регионов					
	2000	2005	2008	2010	2012	2017
Состояния (типы) модернизированности регионов на вторичной стадии модернизации						
6. Регионы, развивающие (развитые) информационную (вторичную) модернизацию (на картах – красный цвет)	1	2	1	3	4	5
5. Регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию, подготавливая ее развитие (оранжевый)	3	3	8	4	10	13
4. Регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию (светло-зеленый)	9	9	12	11	11	19
Всего таких регионов	13	14	21	18	25	37
Состояния (типы) модернизированности регионов на первичной стадии модернизации						
3. Регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации (оливковый)	7	12	20	23	29	28

2. Регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию (темно-синий)	45	40	29	33	23	17
1. Регионы, начинающие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию (светло-коричневый)	18	17	13	9	6	3
Всего таких регионов	70	69	62	65	58	48
Всего регионов	83	83	83	83	83	85

Прежде следует отметить *исходный факт*: в России одновременно осуществлялись две стадии модернизации – первичная, индустриальная, и вторичная, информационная. Каждая стадия осуществлялась в разных регионах по-своему, в разной мере и с разными результатами, что не исключает их общих характеристик, качеств, этапов.

Обращаясь к современным процессам российской модернизации (2010–2019 гг.), выделим наиболее значимые их качества: (1) их спонтанность, несбалансированность главных компонент модернизации – экономической, социальной, когнитивной; (2) фрагментарность результатов модернизационных процессов, целенаправленность и эволюция которых подчас зависят от случайных факторов; (3) в итоге – торможение модернизации, ее социокультурная дисфункциональность.

Далее остановимся на первом из отмеченных качеств – спонтанности, несбалансированности модернизации.

В начале своего президентского срока (2008 г.) Д.А. Медведев декларировал модернизацию как приоритетную стратегию движения России вперед. Однако до сих пор отсутствует целенаправленное регулирование российской модернизации. Возникает вопрос: почему, несмотря на отсутствие целенаправленного регулирования сверху, модернизация все же осуществляется, пусть и спонтанно, в несовременном и неэффективном варианте? Прежде всего, в результате тех же радикально-хаотичных реформ в 90-е гг. прошлого века, во-первых, возникла *многоукладная экономика*, которая создала качественно новый диапазон выбора характера

трудовой деятельности (не только наемный труд, но и самозанятость или ведение собственного бизнеса); во-вторых, разрушение тоталитарного режима *приоткрыло свободы* идеологической и общественно-политической активности граждан. Эти два фактора и составляют сохраняющиеся достижения эпохи Ельцина.

Многолетний мониторинг Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН показал, что в качестве социальной базы модернизации возник «средний класс» как большая сложносоставная социокультурная страта, а более конкретно – такие ее слои, как «высокостатусные», «эксперты», «руководители», часть «реалистов», – всего примерно 50% занятого населения¹. За годы реформ эти слои постепенно накопили опыт коммерческой культуры, стали опорой для становления частного сектора – с одной стороны, а с другой – используют свой социальный и культурный капитал для улучшения собственного благополучия, тем самым работают и на экономическое, научное и культурное развитие страны, а также создали массовую базу для распространения демократических установок и либеральных ценностей. Накопление модернизационного потенциала общества происходило прежде всего в крупных городах и столице, но затем в средних городах также стала расти социальная база для модернизации.

Вместе с тем можно предположить, что и на вершинах статусно-экономической стратификации, среди российских миллиардеров, действуют свои, персонифицированные стимулы-мотивы модернизации, исходящие от силовых полей глобальных потоков капитала, движимых конкуренцией стран и транснациональных корпораций. Многие отечественные миллиардеры оказались в Лондоне, вблизи финансовых эпицентров глобальных потоков капитала, и непосредственно воспринимают потребность инвестировать часть сверхприбылей в модернизацию своих корпораций в России, чтобы удерживаться в верхней страте глобальных миллиардеров.

Однако в самой России процессы модернизации упираются в низкое качество рыночной конкуренции и управления – неком-

¹ Подробнее см. гл. 2 настоящей книги.

петентность многих менеджеров и чиновников, дополняемую их активной открытостью коррупции, соответственно – непрозрачностью их действий.

В результате массовые модернизационные процессы совершаются по преимуществу спонтанно, вопреки коррумпированному противодействию. Впрочем, они все же испытывают слабое управленческое воздействие в виде стратегий социально-экономического развития регионов, которые в последнее время дополняются федеральными программами, распространяемыми и на регионы. Но фрагментарная управляемость не обеспечивает сбалансированного соотношения между основными, социетальными составляющими модернизации как комплексного процесса.

Существование такой проблемы побудило ЦИСИ разработать *индекс сбалансированности* процесса модернизации. Формальные предпосылки решения этой задачи создал инструментарий ЦИМ КАН, благодаря которому уровень модернизованности каждой социетальной сферы вторичной модернизации (экономической, социальной, когнитивной) выражен через величины соответствующих субиндексов этой стадии, а соотношение двух стадий модернизации – через субиндексы интегрированного индекса²:

$$\text{ИСвм} = \{1: [(\text{Ивм} - \text{Сиз})^2 + (\text{Ивм} - \text{Стз})^2 + (\text{Ивм} - \text{Скж})^2 + (\text{Ивм} - \text{Фкэ})^2]\}: 100,$$

где: **ИСвм** – индекс сбалансированности вторичной модернизации; **Ивм** – итоговый индекс вторичной модернизации; **Сиз** – субиндекс инноваций в знаниях; **Стз** – субиндекс качества жизни; **Скж** – субиндекс качества экономики.

Вычисление индексов сбалансированности (ИСб) составляющих модернизации России и ее регионов обнаружило разнородные тенденции. С одной стороны, в России в 2000–2017 гг. почти в 25 раз уменьшилось число регионов с низким уровнем *индекса сбалансированности интегрированной модернизации* (двух ее

² Обоснование индекса сбалансированности модернизации см.: Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост., отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. С. 28–30.

стадий); впрочем, в двух случаях из трех это означало повышение ИСБ регионов лишь до уровня «ниже среднего», и только в трети случаях – до среднего уровня (см. табл. 7.2).

Таблица 7.2. Динамика численности регионов России по уровню индекса сбалансированности интегрированной модернизации (ИИД, 2000–2012 гг.) 13.01

Россия	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2017 г.
высокий	1	2	2	6	6
выше среднего	1	0	3	9	8
средний	0	5	10	15	26
ниже среднего	7	35	41	45	42
низкий	74	41	27	8	3
Всего регионов	83	83	83	83	85

С другой стороны, как видно из следующей таблицы (7.3), за те же годы число регионов с низким индексом сбалансированности *вторичной модернизации* увеличилось более чем в 30 раз (с 2-х в 2000 г. до 66-ти в 2012 г.), в основном за счет уменьшения числа регионов среднего и ниже среднего уровней сбалансированности. Во многих регионах это произошло из-за отставания одновременно экономической и инновационно-когнитивной составляющих от уровня социальной составляющей, которая оказывалась впереди благодаря уровню, достигнутому еще в советское время. Лишь в немногих регионах индекс экономической составляющей выше среднего индекса сбалансированности. И только в трех регионах имеется высокий индекс сбалансированности вторичной модернизации – это Москва, Санкт-Петербург и Новосибирская область. Они достигли и в целом высокого состояния модернизированности (тип б).

Таблица 7.3. Динамика численности регионов России по уровню индекса сбалансированности вторичной модернизации (IDSM, 2000–2012 гг.) 19.01

Россия	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2012 г.	2017 г.
высокий	8	3	2	2	3
выше среднего	12	4	2	2	0
средний	23	15	7	4	2
ниже среднего	38	40	28	24	14
низкий	2	21	44	51	66
Всего регионов	83	83	83	83	85

Очевидно, что чем более комплексной и сбалансированной будет модернизация как цивилизационный процесс, тем явственнее проступит ее собственная роль в повышении уровня и качества жизни населения. Напротив, сохранение ее разбалансированности обрекает население на углубление контрастов в его жизни и означает торможение процессов модернизации в целом.

Как показывают социокультурные портреты, в ряде регионов заметна социокультурная дисфункциональность модернизации, т.е. превращение ее в псевдомодернизацию. Впрочем, разная социокультурная эффективность модернизации наблюдается и в странах Евросоюза. Согласно анализу данных Европейского социального исследования (2006 г.), модернизационно развитые Германия, Англия, Франция имели средние значения социокультурных параметров 3,8 (по 5-балльной шкале), а Бельгия, Австрия, Нидерланды, Финляндия, Швеция, Дания, Швейцария – 4,4 балла. Нократно отличались от европейского контекста Россия, Болгария и Украина – соответствующие значения этих стран составляли всего 1,6 балла³.

³ См.: Лапин Н.И. Сверяем человеческие измерения модернизации (по результатам третьей волны Европейского социального исследования, 2006) // Мир России. Социология. Этнология. 2011. № 2. Следует учитывать, что в результате экономического и миграционного кризисов 2014–2016 гг. положение в странах ЕС заметно изменилось. Требуются специальные исследования этих изменений.

Таким образом, преимущественно **спонтанное** продолжение модернизации происходит весьма **заторможенно**. Чтобы стать информационно развитой, России необходимо повысить ВМ-индекс до 80 баллов, т.е. на 4 или более пунктов, а интегрированный индекс – на 13 пунктов (с 67 до 80). Но только кажется, будто это совсем немного и можно *быстро* решить задачу. **Перспективы** вхождения России в число модернизационно развитых стран **остаются сложными**. Необходимо целенаправленное регулирование. Ведь дело не только в величинах индексов, а прежде всего – в **повышении социокультурной эффективности** модернизации, а более конкретно – в повышении уровня и качества жизни населения.

Статистически фиксируемый рост социоэкономической модернизации дисфункционален в ее человеческих измерениях. **Основная дисфункция – в том, что социум не востребует культурный потенциал населения в качестве культурного капитала**, дающего практически результаты – профессиональную деятельность его обладателей, их доходы и успехи всей страны. В этом проявляется охарактеризованный в главе 1 социокультурный диссонанс российской цивилизации. По закону обратной связи, такая невостребованность превращается в причину стагнации модернизации. Выделим две сферы невостребованности – массово-культурную и инновационно-стратегическую.

Массово-культурную сферу составляет углубляющееся несоответствие между растущими потребностями молодежи и активных работников в высоком образовании, с одной стороны, и якобы удовлетворение этой потребности путем массовизации образования и снижения его качества при сохранении дефицита соответствующих рабочих мест – с другой. По подсчетам специалистов, численность нового поколения, которое включено в процесс профессиональной подготовки, составляет примерно 8,9 млн человек; его часть ежегодно сменяет часть экономически активного населения – 64,8 млн человек (на полную его ротацию требуется не менее 28 лет), среди них работники средней и низкой квалификации составляют 72,4% – такая квалификационная структура малопривлекательна для молодежи⁴.

⁴ Шереги Ф.Э. Образование как социальный институт // Грани российского образования / Редкол., пред. М.К. Горшков. М.: Социоцентр, 2015. С. 31–36.

Однако образование остается важнейшим адаптационным ресурсом людей. Стремление приобрести этот ресурс обусловило при переходе к рыночной экономике быстрый рост спроса на профессиональное образование, значительно превышающий потребности стагнирующей российской экономики в квалифицированной рабочей силе. Согласно данным RLMS-HSE, около 60% работников выполняют работу, которая не требует высокой квалификации, а почти четверть опрошенных уверены, что их работа вообще не требует профессионального образования; 44,8% занятых работают совсем по другой специальности, каждый пятый выпускник вуза и каждый третий выпускник ссуза никогда не работали по приобретенной специальности. Это связано с тем, что профессиональное образование ориентировано на удовлетворение социальной потребности в образовании (подготовке лучше оплачиваемых финансистов, юристов, управленцев), но не потребностей нынешнего рынка труда в квалифицированных инженерах, техниках и рабочих. К тому же произошло снижение качества образования, породившее дефицит действительно высококвалифицированных специалистов. В условиях кризиса и санкций выявлено существенное снижение уверенности в возможности трудоустройства в случае непредвиденного увольнения⁵.

Другую, *инновационно-стратегическую сферу* не востребова- нности культурного потенциала населения, от состояния которой зависят перспективы России, образует наличие большого числа изобретений, инновационных разработок (включая патенты), которые не реализуются в российской экономике из-за отсутствия спроса со стороны отечественного бизнеса, а многие используются за рубежом. Специальное исследование показало, что квартал наукоферы (НИИ+вузы+предприятия+финансовые институты)+государство в российских условиях «постоянно дает сбой, который проявляется в противоречии между регулярными напоминаниями “сверху” о необходимости строить в стране инновационную экономику и отсутствием существенных результатов

⁵ Козырева П.М. Образование и трудоустройство: возможности и реальность // Грани российского образования / Редкол., пред. М.К. Горшков. М.: Социо- центр, 2015. С. 379–382, 400.

такого строительства»⁶. Авторы этого исследования структурировали обширный массив основных организационных форм инновационных площадок в современной России (бизнес-инкубаторов, технопарков и центров трансфера технологий), дифференцированно проанализировали его состояние и фиксировали краеугольную проблему отечественной инноватики словами одного из респондентов: «Проблема для нас одна, но глобальная – отсутствие спроса на инновационную продукцию. Не получается сформировать систему получения заказа на инновации»⁷. То же можно сказать и о малых инновационных предприятиях университетов. Добавлю, что *возникшая фрагментация инновационной структуры российского общества так и не сложилась в национальную инновационную систему*, суть которой составляет венчурное предпринимательство, а первичной организационной структурой служит тандем: **венчурный фонд – малая фирма**.

Имеются и другие сферы, в которых проявляется неостребованность культурного потенциала населения российским бизнесом, социумом в целом. Это и безвозмездная утечка научно-инновационных мозгов в развитые страны, и другие способы платы за неурядицы в мозгах «эффективных менеджеров» и чиновников. В целом это – результаты деиндустриализации экономики и несбалансированности, фрагментации спонтанной ее модернизации. Рассогласованы первичная и вторичная модернизации; разбалансированы их человеческие измерения, а их уровень в 2,4 раза ниже среднеевропейского. Особенно значимы разрывы со странами Европейского союза по удовлетворенности трудом и жизнью в целом, достаточности доходов для жизни, демократизму политической

⁶ Латова Н.В., Латов Ю.В. Инновационные площадки России – «хорошие и разные» (структурный анализ) // Образование и трудоустройство: возможности и реальность // Грани российского образования / Редкол., пред. М.К. Горшков. М.: Социоцентр, 2015. С. 422.

⁷ Там же. С. 446. Эта проблема была фиксирована уже при анализе постдефолтного импортозамещающего оживления российской промышленности: «Главная проблема заключается в том, что в современной России ни легальные, ни неправовые институты и практики не обеспечивают необходимого спроса в реальном секторе экономики на все еще высокий уровень ИЧК» (инновационного человеческого капитала) (Латин Н.И. Теория и практика инноватики. Учебное пособие. М.: Логос, 2008. С. 275).

культуры и поведения населения. Сохраняются контрасты материального положения различных категорий населения, его незащищенность от преступности и других социальных опасностей.

Такую дисфункциональность можно квалифицировать как **социокультурную квазимодернизацию**, которая стимулирует стагнацию и рецессию пока еще значительного человеческого потенциала россиян. Повсеместно сохраняются очень низкие показатели инноваций в знаниях и качества экономики – ее прозрачности, конкурентоспособности, социальной ответственности. Наряду с этим, *сжимается пространство общественно-политических свобод и прав граждан*. Вследствие этого:

- сохраняется взаимное недоверие между широкими слоями населения и органами исполнительной власти, особенно правоохранительными;

- обостряются социальные, политические, этноконфессиональные напряжения, порой перерастающие в конфликты.

Чтобы уточнить динамику диссонанса социума и культуры, обратимся к данным мониторинга 2015 г. Результаты опроса показали, что в условиях кризиса, с одной стороны, сохранились некоторые позитивные тенденции, а с другой – продолжилась начавшаяся ранее стагнация социальных структур и отношений. Более того, началась их *рецессия* по сравнению с 2006–2010 гг.; в итоге стали обостряться характерные для российской цивилизации противоречия симбиозно-травмогенной гражданско-общественной культуры.

Не произошло существенных изменений в доверии россиян институтам власти. Максимумом доверия пользуется одно лицо – В.В. Путин (72,5%). Устойчиво сохраняется высокое доверие к армии и церкви (соответственно около 60 и 50%). А доверие правоохранительным органам (суд, прокуратура, полиция) остается ниже среднего: 30–40%. Однако заметно снизилось (до 20–27%) доверие парламенту, партиям, профсоюзам.

Как и в 2010 г., около 40% респондентов считают себя *больными*. Они имеют такие претензии к государственному медицинскому обслуживанию: очереди к врачам, недостаток квалифицированных врачей, дорогие лекарства, приходится платить врачам. Сейчас ситуация обострилась из-за пандемии коронавируса.

Сохраняется локализация процессов взаимопонимания на уровне первичных структур отношений между людьми: в семье, среди друзей, товарищей по работе и с соседями. Трое из четверых имеют друга или подругу, на чью помощь они могут рассчитывать в трудную минуту, но у каждого десятого нет таких друзей/подруг. Больше всего ощущается близость с жителями своего поселения и региона, значительно меньше – на уровне федерального округа. Близость с жителями всей России отметили двое из пяти респондентов, с гражданами бывших республик СССР – лишь каждый четвертый, почти как с жителями всей Земли. Четверо из пяти довольны жизнью в регионе, но свыше 3% хотели бы уехать в другие регионы, а около 1% – вообще покинуть Россию.

10 лет не меняется перечень и порядок приоритетных мер, предлагаемых населением для улучшения условий его жизнедеятельности. Среди них на первом месте постоянно находится необходимость создавать новые, высококвалифицированные рабочие места. Следовательно, **актуальные проблемы не решаются, а воспроизводятся**. Соответственно, сохранился и прежний уровень готовности участвовать в акциях протеста (около 30%).

Более того, опрос 2015 г. обнаружил симптомы гуманитарной рецессии социума, или *социогуманитарной рецессии*. Об этом свидетельствует прежде всего перелом в динамике поддержки современных базовых ценностей (жизнь, независимость, свобода, инициативность). Их поддержка непрерывно повышалась с 1990 г., но в 2015 г. она впервые заметно снизилась (с 4,4 до 4,2 балла по 5-балльной шкале). Аналогичный перелом обнаружила и динамика индекса соблюдения прав и свобод человека⁸. В целом по этому критерию политическая система России эволюционировала в 2006–2015 гг. в рамках среднего правового состояния, которое повышалось постепенно, но неравномерно. В 2006–2010 гг. оно повысилось на 1,1 пункта, но в 2010–2015 гг. – всего на 0,2 пункта, т.е. *рост замедлился* в 5,5 раза. **Опасно большим** (в 16,6 раза) это

⁸ Индекс основан на оценках, репрезентативных для всего населения, а не на экспертных оценках отдельных резонансных случаев нарушений. В табл. 1 ИСПС-3 характеризует три наиболее важные и постоянно нарушаемые права и свободы; ИСПС-6 – шесть таких прав и свобод; ИСПС-11 – все 11 изучаемых прав и свобод – по сути, записанные в Конституции России права и свободы человека.

замедление было по трем наиболее важным и постоянно наиболее нарушаемым правам и свободам человека (ИСПС-3): равенство перед законом; право на безопасность и защиту личности; право на труд.

Знаковым стал регресс в обеспечении права на равенство граждан перед законом: наблюдавшийся в 2006–2010 гг. рост на 5,7 пунктов сменился в 2010–2015 гг. попятным движением почти на 2 пункта. Это фундаментальное право – одно из самых важных и устойчиво нарушаемых в постсоветской России (2–3-е места по важности, 1–2-е места по нарушаемости).

Самооценки граждан свидетельствуют, что *регресс наметился и по некоторым другим правам и свободам*: право на тайну переписки (–0,7), право на свой язык, культуру (–0,2), свобода совести, религиозные свободы (–1,2).

Пока малозаметный, но негативный характер приобрела и динамика индекса социального самочувствия населения, который устойчиво повышался в 2002–2010 гг., а теперь снизился с 0,63 до 0,62. Но в целом он остается выше критического рубежа (0,50), т.е. в положительной зоне.

Более заметно снизился коэффициент самостоятельности граждан при решении проблем своей жизнедеятельности по отношению к их зависимости от общероссийской власти: рост коэффициента в 1998–2010 гг. с 1,32 до 1,47 сменился возвращением в 2015 г. к уровню ниже 1998 г. (1,25).

К сходным, весьма осторожным выводам пришли специалисты Института социологии РАН, проанализировав динамику социально-психологического состояния российского общества от 1998 к 2005 г.:

В целом можно резюмировать, что... в социально-психологическом состоянии россиян в связи с кризисом 2014–2015 гг. произошли изменения в худшую сторону. Однако они не идут ни в какое сравнение с психологической реакцией населения на катастрофические события 1998–1999 гг., хотя вполне сопоставимы с нелегким кризисом 2008–2009 гг...⁹

⁹ Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / Отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. С. 21–22.

Таковы тревожные симптомы *социогуманитарной рецессии*. К фундаментальным показателям нарастания рецессии нельзя не отнести реформы в образовании и науке, которые серьезно снижают творческую и гражданскую самостоятельность как интеллигенции, так и более широких слоев населения, но продолжают, несмотря на критическое восприятие специалистами и общественностью. Эти симптомы требуют углубленного анализа и понимания. Они заслуживают рассмотрения в широком, цивилизационном контексте социокультурной эволюции России. По сути, есть основания предложить **новый диагноз: «Россия завершает постсоветский транзит и спонтанно модернизирует уже возникшее общество, отличающееся от прежних».**

О двух проектах становления социального государства как свидетельстве завершения постсоветского транзита и возникновения в России традиционно-симбиозного общества

Осуществлять стратегию интегрирующей модернизации способно не любое государство. Как показано в главе 4, такую задачу в условиях рыночной экономики наиболее эффективно может решать правовое социальное государство¹⁰.

В XX в. развитые капиталистические страны накопили немалый опыт создания и укрепления социального государства, в том числе в сложных условиях великой депрессии, Второй мировой войны. Утвердилась концепция «второго поколения» прав человека – социальных его прав на медицинское обслуживание, образование, достойное пенсионное обеспечение. Для их осуществления была радикально изменена структура распределения национального дохода.

Вот заключение известного французского экономиста Томаса Пикетти, который уже в нашем столетии основательно и по-новому изучил эту проблематику:

¹⁰ См. также: Права человека и правовое социальное государство / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.

В XIX веке и накануне Первой мировой войны во всех странах налоги составляли менее 10% национального дохода... Взимая налоги в размере 7–8% национального дохода, можно финансировать основные государственные институты (полицию, правосудие, армию, внешнюю политику, общую администрацию и т.д.), но не более того... Все богатые страны без исключения в XX веке перешли от баланса, в рамках которого налоги и государственные расходы составляли менее десятой части национального дохода, к новому балансу, в рамках которого на эти цели уходит от трети до половины национального дохода¹¹.

Как это было сделано?

По оценке Т. Пикетти,

...ключевой инновацией XX века в налоговой сфере стало создание и развитие прогрессивного подоходного налога. В минувшем столетии он сыграл ведущую роль в снижении неравенства... То же касается прогрессивного налога на наследство, который представляет собой вторую важную инновацию XX века... Налог – это вопрос не технический, а прежде всего политический и философский, притом самый важный из всех. Без налогов не может быть общности судьбы и коллективной способности действовать¹².

Отчасти это произошло в ответ на вызовы «реального социализма» и под давлением международного коммунистического и рабочего движения. Но в самом СССР, в драматичных условиях международной изоляции 20-х – начале 30-х гг. XIX в. и Великой

¹¹ *Piketti Th. Le Capital au XXI siècle.*, 2013; англ. пер., 2014. На русском: *Пикетти Т. Капитал в XXI веке.* М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 472–474. И еще: «С 1920–1930-х до 1970–1980-х годов во всем богатом мире наблюдалось существенное увеличение доли национального дохода, которая приходится на налоги и на государственные расходы (прежде всего на социальные расходы). Во всех развитых странах всего за полвека доля налогов в национальном доходе выросла как минимум в три-четыре раза (иногда в пять раз, как в странах Северной Европы). Опять-таки во всех странах можно констатировать практически полную стабилизацию доли в национальном доходе с 1980-х до 2010-х гг. Эта стабилизация произошла на разных уровнях: всего 30% в Соединенных Штатах, около 40% в Великобритании и от 45 до 55% национального дохода в странах континентальной Европы (54% в Германии, 50% во Франции и около 55% в Швеции)» (Там же. С. 473–474).

¹² Там же. С. 494.

Отечественной войны, было создано социальное государство, ограниченное минимальными стандартами, отчужденное от человека и оплаченное высокой человеческой ценой.

В постсоветской России значительно разрушен советский социальный минимум. Не созданы сдержки безграничного накопления капитала, доходность которого растет за счет игнорирования социальных прав человека. Отсутствует экономическое обеспечение качества социальных услуг для массовых слоев населения. Остатки слабого, «минимального» социального государства оказались в ловушке механизма долгосрочной эволюции распределения богатства, выражаемого формулой $r > g$ ¹³.

Сформулирую последовательность компонент этого механизма:

Неограниченный рост доходности корпоративного капитала →
низкий социально-экономический рост →
социогуманитарная рецессия

В современной России доминирует корпоративный компрадорский капитал, который стремится неограниченно расти и инвестировать себя за рубежом. Большинство населения страны заинтересовано использовать как противовес этому росту.

Среди части политиков и высших чиновников России высказываются опасения, что прогрессивный налог на доходы невозможно собрать, а его введение повысит выплаты теневых зарплат, вызовет напряжения среди населения и т.п. Однако такая мотивация свидетельствует о недееспособности самих чиновников, поскольку

¹³ Томас Пикетти так пояснил свою формулу: «Неравенство, выражаемое формулой $r > g$, означает, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Это неравенство выражает фундаментальное логическое противоречие. Предприниматель неизбежно склонен превращаться в рантье и усиливать свое господство над теми, кто владеет лишь собственным трудом. Накопленный капитал воспроизводит сам себя быстрее, чем увеличивается производство. Прошлое пожирает будущее... У этой проблемы нет простого решения... Правильное решение заключается во введении ежегодного прогрессивного налога на капитал. Это позволит избежать бесконечной спирали неравенства и вместе с тем сохранить силы конкуренции и стимулы, обеспечивающие постоянное накопление новых капиталов» (Там же. С. 585–586. См. также с. 43).

получение налогов – один из основных признаков государства как такового.

Еще один аспект укрепления социального государства – **сокращение неравенства доходов регионов и муниципалитетов, в целом повышение ими востребованности человеческого потенциала**. Здесь важную роль играет межбюджетная политика, определение пропорций распределения налогов между муниципальными, региональными и федеральным бюджетами. В результате радикальных изменений 1991–2000 гг. существенно расширились социальные функции местного самоуправления (многие из них прежде обеспечивались предприятиями и организациями), но это расширение не сопровождалось адекватным перераспределением финансовых ресурсов в пользу местного самоуправления. В итоге сложился устойчивый дисбаланс между расходными обязательствами и доходными возможностями местных бюджетов, в котором сосредоточилась значительная часть бюджетного дефицита¹⁴. При этом Федеральное законодательство обязывает органы местного самоуправления обеспечивать удовлетворение жизненных потребностей населения (они отнесены к компетенции органов власти муниципальных образований) не ниже минимальных государственных социальных стандартов. С их учетом должны рассчитываться так называемые минимальные местные бюджеты. Но названные стандарты отсутствуют, используются социальные нормы и нормативы, утверждаемые Правительством РФ.

Многие эксперты считают обоснованной необходимость повышения уровня доходной самодостаточности местного самоуправления, в том числе путем изменения пропорций распределения налогов между бюджетами разных уровней власти в пользу местных бюджетов. Однако благодаря реформаторству Минфина России с принятием Налогового и Бюджетного кодексов РФ большая часть налогов ушла с муниципального на региональный и федеральный уровни. В результате второй муниципальной реформы (2003–2008 гг.) еще сильнее обострились коллизии муниципального

¹⁴ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы. Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: URSS, 2011. С. 557.

регулируемая, в центре которых оказалась финансовая проблема. Предложения по стабилизации состояния местных бюджетов постоянно выдвигает Конгресс муниципальных образований РФ. Специалисты Комитета Государственной Думы по вопросам местного самоуправления предлагают законодательно закрепить на долгосрочной основе нормативы распределения налоговых поступлений между бюджетами разных уровней. Вопросы обсуждаются, но не решаются.

Дополнительными аргументами в пользу справедливой межбюджетной политики могут служить результаты нашего опроса в рамках всероссийского мониторинга (2015 г.). Они принесли *хорошую новость*: среди населения преобладают ожидания умеренно прогрессивной шкалы налога, т.е. в пользу укрепления российского государства как социального. Респондентам не предлагались варианты распределения налогов – они по собственному усмотрению называли цифры процентов, при условии, что сумма трех долей бюджетов должна составлять 100%. Поскольку респонденты – не эксперты, а обычные граждане с различным уровнем подготовки, около трети затруднились ответить на столь непростой вопрос. Полученные ответы объединяет простое правило: чем ближе фирмы (индивидуальные предприниматели, малые и средние фирмы) к жизненным мирам населения, тем большая доля налогов должна оставаться по месту их создания. И наоборот. Это правило можно интерпретировать как существующие в массовом сознании «естественные нормы» (аналогичные нормам естественного права) или нравственные демократические правила *приоритетного обеспечения социальных потребностей населения*: в жилье, инфраструктуре жизненного пространства, медицинском обслуживании, образовании – за счет налогов тех компаний, фирм, которые находятся *на территории данного региона, поселения*, т.е. на которых занято живущее здесь население.

Этот пласт массового сознания не может долго оставаться неуслышанным, какие бы калькуляции государственной важности ему ни противопоставляли. Первая забота государства – о сбережении народа, а общегосударственные потребности должны обеспечиваться преимущественно за счет предприятий государственных и с государственным участием. По этому вопросу

должно быть достаточное **взаимопонимание** между работниками органов государственной власти и широкими слоями населения.

Однако пока нет консенсуса. Чтобы лучше уяснить причины интригующего противоречия, которое состоит в том, что в Конституции России принцип социального государства четко прописан, причем в основополагающей, первой его главе, а в реальной жизни он едва заметен, сотрудники ЦИСИ провели в 2017–2019 гг. основательное исследование в рамках госзадания Института философии РАН по теме «Проблемы формирования и эволюции социального государства в России». Для ее исследования пришлось обосновать новое научное направление «Конституционная социальная философия и социология». Получены значимые результаты, опубликованные в виде коллективной монографии, которая получила позитивные рецензии специалистов в рейтинговых научных журналах: «Вестник Российской академии наук», «Общественные науки и современность». В предыдущих главах этого раздела сказано об основных теоретико-методологических предпосылках и актуальных проблемах, рассмотренных в данном исследовании. Ниже я скажу о полученном нами **главном выводе**, который сформулирован в «Заключении» монографии о проблемах социального государства. Выводу предшествуют три базовые констатации:

- Включение в Конституцию Российской Федерации принципа социального государства стало **компромиссным результатом** драматической борьбы политических сил в 1993 г. Борьба продолжалась и после принятия Конституции. В условиях обострившихся противоречий по инициативе президентской стороны был подготовлен и начал действовать «*Договор от 28 апреля 1994 года об общественном согласии*» сроком на два года. Он открывался разделом «Достижение политической стабильности в обществе», первый параграф которого включал такие обязательства:

1. Участники Договора обязуются в своей деятельности строго придерживаться приоритета прав и свобод человека, уважения прав народов, принципов демократии, правового государства, разделения властей, федерализма.

Участники Договора исходят из того, что политическая жизнь общества должна развиваться в рамках Конституции Российской Федерации.

Участники Договора считают, что в Конституцию должны вноситься только такие изменения, которые будут способствовать стабилизации обстановки в обществе. При этом Участники Договора в ходе подготовки предложений будут использовать согласительные процедуры. Участники Договора считают основными направлениями изменения Конституции: усиление гарантий прав человека, совершенствование системы разделения властей, местное самоуправление, развитие федерализма.

Участники Договора берут на себя обязательство не инициировать политических кампаний с целью проведения досрочных, не предусмотренных Конституцией, выборов федеральных органов власти¹⁵.

Договор обязывал федеральные и региональные органы власти, представителей политических, деловых, религиозных и других организаций избегать насилия, вести диалог, искать разумные компромиссы, чтобы «сделать Российскую Федерацию процветающим государством». Но о содержании желаемого согласия было сказано весьма неопределенно.

Договор сыграл позитивную роль в стабилизации политической ситуации. Но социально-экономическое положение населения продолжало резко ухудшаться: снижался жизненный уровень трудящихся, расширялась пропасть между ними и верхами общества. Гуманистически ориентированные обществоведы, опираясь на сформулированный в новой Конституции РФ принцип социального государства и совокупность политических прав человека, усилили аргументацию в пользу *одновременного* утверждения в России и первого, и второго поколений прав человека – гражданско-политических и социально-экономических.

- Социальное государство – не просто положения статьи 7 Основного закона России и даже не один из ее принципов, а **неотъемлемая компонента неделимой системы принципов** Основного закона, максимально легитимирующая **эволюционный путь России в будущее**. Принцип

¹⁵ Договор 1994 года – Договор от 28 апреля 1994 об общественном согласии // Российская газета. 29 апреля 1994 г.

социального государства остается **высшей институциональной нормой**, которую властвующие элиты не могут игнорировать. Любое покушение на этот принцип или попытка избавиться от него приведут к **роковому** для Российской Федерации понижению цивилизационного уровня ее конституционного права и государственности в целом.

- В настоящее время в России существует смешанно-рыночная экономика и социально слабое государство. Такое государство можно назвать формально правовым, в начальной стадии низко-среднего благосостояния населения. Его **социально-защитная функция переживает кризис**.

Главный вывод состоит в том, что в современной России имеются **два проекта социального государства**. Кратко их содержание таково¹⁶.

Проект № 1

Федеральные органы исполнительной власти замалчивают принцип социального государства и фактически реализуют его по минимуму, предпочитая консервативную версию стабилизации социально слабого государства и низко-среднего благосостояния большинства населения, которое не исключает экстремальные неравенства его доходов и доходных весов его макрострат. Эти неравенства помогают сохранять социально-экономическую политику государства, которая **воспроизводит статус-кво**. Это препятствует консолидации российского общества, создает рискованную разобщенность социальных слоев и регионов страны, чреватую антиэлитным противостоянием населения (большой части все еще становящегося гражданского общества) и системным кризисом российского общества. По сути, это и есть **действующий проект № 1** – консервативный проект реализации принципа социального государства.

¹⁶ См.: Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под общ. ред. Н.И. Лапин. СПб.: Реноме, 2019. С. 226–228.

Проект № 2.

Соответственно, конституционный принцип социального государства остается реализуемой утопией. **Требуются незаурядная интеллектуальная проработка и сильная политическая воля** для стратегического программирования конкретных способов его реализации и осуществления такой программы в соответствии с Конституцией РФ. Целесообразно **возобновить консенсус государства и бизнеса с населением (гражданским обществом)**. Основу консенсуса может составить **сохранение смешанно-рыночной экономики и развитие ее социальной ориентации в соответствии с конституционным принципом социального государства. А государство, в свою очередь, должно стать социально сильным**. На основе возобновленного консенсуса желательно подготовить и обсудить **активно-гуманистический проект (№ 2)** осуществления конституционного принципа социального государства: **«О программировании становления социального государства – социально сильного, гуманистически активного государства всенародного благосостояния и общества реального гуманизма»**.

По сути, реализация охарактеризованного выше проекта № 1 означает возникновение в России общества, иного, чем прежние, и его поддержку существующим государством – формально правовым, социально слабым, обеспечивающим лишь начальную стадию низко-среднего благосостояния большинства населения, но вместе с тем конституционно сохраняющего принцип социального как программный.

Требуется уяснить характер возникшего **общества**, которое имеет такое государство. Это сложная задача. Первый опыт ее решения представлен в следующем разделе монографии.

РАЗДЕЛ 3

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСТТРАНЗИТНОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РАЗВИТИЯ (В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ КОНТЕКСТЕ)

Предисловие

Прошла почти треть века после самораспада СССР и частичного распада Советской России, которыми завершилась попытка перестройки советско-социалистического общества в условиях его патологического кризиса¹⁷. Постсоветская Россия осуществила переход (транзит-трансформацию) не как восхождение к новому для нее типу общества, а как возврат (*реверсию*) к уже существовавшему со второй половины XIX в., но 100 лет назад погубленному буржуазному обществу. Источники инициирования стадий этого этапа были *гибридными*: как внутренними, так и внешними: с одной стороны, их эволюция обусловлена внутрисоветскими причинами и субъектами, а с другой – ориентирована на заимствование политических, экономических и иных социальных институтов из других стран. Поэтому вернее назвать этот транзит-трансформацию *реверсивно-гибридным*.

Каков же итог? Продолжается ли в России постсоветский транзит и наступила очередная его стадия или возникло посттранзитное общество?

Вариант оценки достигнутого состояния российского общества как ***продолжающегося транзита***, который начался в 1992 г., удобен для власти имущих, поскольку предоставляет им максимальную свободу действий, мало связанную правилами функционирования определенного общества, и позволяет им объяснять

¹⁷ По европейским меркам, эта продолжительность сопоставима с временем от начала Великой французской революции до реставрации Бурбонов, в два раза больше интервала между поражением Германии в Первой мировой войне и приходом к власти фашистов, в полтора раза больше периода от революции 1917 г. до массового террора 1937 г. в Советской России.

свои действия необходимостью решать текущие задачи. Фактически этому варианту соответствует охарактеризованный выше Проект № 1, откладывающий реализацию принципа социального государства в долгий ящик.

Однако есть основания и для других вариантов оценки результатов постсоветских изменений. Осмысление выводов, вытекающих из 30-летних исследований социокультурной эволюции России и ее регионов, позволяет заключить, что **2020 год следует считать рубежом в постсоветской трансформации России:** в результате разрушения институтов советского общества и государства в основном завершился реверсивно-гибридный транзит от советского социализма к обществу иного типа.

Какому? Или к своеобразному смешанному обществу, или вообще к естественно-историческому, антропосоциокультурному типу общества, в российском его воплощении на существующем этапе развития страны. Это уже не советское или иное рационально сконструированное общество, а российское общество, вернувшее себе свои естественно-исторические основания, хотя и не полностью. Это и есть **самое большое достижение постсоветского развития** нашего общества.

Российское общество вернуло себе такое естественно-исторически сложившееся основание, как цивилизационное качество сохраняющего *собирания и надежной защиты* разных этносов, их культурного своеобразия и равноценности, включая родные языки, религии, традиции. Геополитически Россия вернула себе суверенитет и независимость как самостоятельная держава, обладающая атомным оружием. Сохранила она и богатые природные ресурсы, включая энергетические. Несмотря на утрату части территорий, Россия осталась территориально самой большой в мире страной, Центрально-Восточной частью Севера континента Евразия.

С трудом и медленно, российское общество сумело восстановить экономику и в целом приемлемый уровень жизни более половины населения, разрушенные распадом СССР и реверсивным транзитом к дикому капитализму. Особенно быстро происходил подъем с 2000 г.: за последние 20 лет основные фонды народного хозяйства выросли более чем в 10 раз. В них представлены все

основные формы собственности: частная, муниципальная, государственная, смешанные. В 2000–2019 гг. число частных предприятий и организаций увеличилось в 1,14 раза и составило 85,2% от общего числа предприятий и организаций, число муниципальных предприятий и организаций снизилось в 1,35 раза и составило 4,8%, а число государственных предприятий и организаций снизилось в 1,8 раза и составило 2,5%. Следовательно, была восстановлена многоукладная экономика, существовавшая в досоветский и в начале советского периода, но в более современном ее качестве. За этот период валовой внутренний продукт (ВВП) в текущих и рыночных ценах вырос более чем в 15 раз, соответственно увеличилась и валовая добавленная стоимость в основных ценах. Судя по данным государственной статистики, во столько же раз увеличились денежные доходы на душу населения, а фактическое конечное потребление домашних хозяйств в текущих ценах – в 1,7 раза¹⁸. В целом это подтверждают и данные международной статистики¹⁹. Сохранился прежний, достаточно высокий уровень урбанизированности: в городах живут около 74% населения.

Это уточняет сделанные в предшествующих главах оценки, но не отменяет противоречивых диагнозов. Напротив, данные статистики подтверждают, что 2019 г. сохранился экстремальный разрыв денежных доходов крайних 10%-ных доходных групп населения, который составляет 15,4 раза. Сохраняется и низкий инновационный уровень развития экономики, как и ничтожность инвестиций в это развитие. Из всех расходов консолидированного бюджета России в 2019 г. на экономику было выделено лишь 4,7% – ровно столько же, как и на национальную оборону, безопасность и правоохранительную деятельность, а численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в 1992–2018 гг. снизилась в 2,2 раза²⁰.

¹⁸ Россия в цифрах. 2020. Краткий стат. сб. Росстат. М., 2020. Табл. 15.2, с. 243; табл. 12.1, с. 189; табл. 5.1, с. 117.

¹⁹ См.: Мир в цифрах. Карманный справочник от журнала The Economist. М.: Олимп-Бизнес, 2016. С. 14–18.

²⁰ Россия в цифрах. 2020. Краткий стат. сб. Росстат. М., 2020. Табл. 5.1, с. 117–119; табл. 23.1, с. 467.

Общий вывод состоит в том, что транзитная модернизация 2000–2019 гг., с одной стороны, означала восстановление контроля государства над энергетическим и военно-промышленным комплексами, обеспечивающими суверенитет страны; с другой стороны, она сохранила условия для утверждения корпоративно-компрадорского капитализма, который ориентирован не на инвестиции в инновационное развитие экономики России, а на возможно быстрое обогащение крупных собственников и топ-менеджеров, стремящихся максимизировать свои доходы и переводить их в зарубежные оффшоры, чтобы сохранять и умножать большие свои состояния, но одновременно они препятствуют развитию конкурентного для них малого и среднего бизнеса. Тем самым оффшорный капитал российских олигархов остается включен в глобальные потоки капитала, регулируемые транснациональными корпорациями, а значительная часть российского бизнеса оказывается под их контролем. И в целом в значительной мере блокируется социально-экономическое развитие России и повышение качества жизни ее населения. Это качество жизни остается избыточно противоречивым как по вертикали (между социальными стратами населения), так и по горизонтали (между регионами).

С теоретико-конструктивистских позиций такое состояние общества можно оценить и как *периферийно-капиталистическое*, и как *смешанное*²¹. В том и другом случае это будет более

²¹ Напомним, что проблематика смешанной экономики активно обсуждалась на рубеже 80–90-х гг. XX в. в западноевропейской и советской социально-экономической науке. В 1990 г. ИНИОН АН СССР издал реферативный сборник «Смешанная экономика»: теория и практика 80-х годов» (редкол. Ю.А. Борко, М.В. Клинова, Е.Н. Муртазина. 218 с.). В нем содержались материалы XVII конгресса СИРИЭК (Международного центра исследований и информации по государственной, социальной и кооперативной экономике), который состоялся в сентябре 1988 г. во Франции (г. Бордо) и собрал экономистов, государственных деятелей, руководителей предпринимательских и кооперативных объединений многих стран. Они обсуждали сложные проблемы сети смешанных предприятий в капиталистических, социалистических, развивающихся странах в условиях обострявшегося экономическо-го кризиса.

Смешанная экономика получила наибольшее развитие в скандинавских странах. ЦИСИ инициировал издание сборника, характеризующего их опыт

строгая оценка, чем просто транзит или транзитное общество. Она требует фиксировать не только сам факт существования данного общества, но и определенные *правила* его функционирования. Эти правила требуется фиксировать и выполнять, что означает новый круг задач, решение которых существенно ограничивает произвол властных элит. Поэтому власть имущие не спешат поддерживать оценку результатов постсоветского транзита как тот или иной тип общества, функционирующего по определенным правилам. Неясно, поддержат ли они и оценку достигнутого Россией состояния с естественно-исторических позиций, которая изложена на основе антропосоциокультурного подхода.

Вывод-задача: во всех случаях желательно дальнейшее развитие возникшего общества, повышение конкурентоспособности его экономики и эволюция его социально слабого государства в сильное социальное государство всенародного благосостояния, а всего общества – в качественно новое состояние.

Настоящий раздел содержит характеристику ряда таких проблем. Конструктивные позиции авторов не идентичны. Анализируя реалии, они подчас расходятся в оценках, к какому конкретному типу общества целесообразно отнести эти реалии, или воздерживаются от оценок, предоставляя читателям самим сделать свои оценки.

(см.: Смешанная экономика: социокультурные аспекты / Отв. ред. Н.И. Лапин. М.: ИНИОН РАН, 1994).

В ноябре 1990 г. состоялась конференция «Обновление общества: проблемы и варианты», которая была организована новым научным руководителем Института экономики АН СССР Л.В. Никифоровым. Свой доклад он назвал «Движение к смешанному обществу как путь выживания и социального обновления». Докладчик охарактеризовал несколько возможных вариантов развития СССР и сосредоточил внимание на том, что «имеется третий путь, третий вариант – это движение к смешанному обществу, не только к смешанной экономике, но и к смешанному обществу или обществу смешанного типа, как к принципиально новой общественной системе, принципиально новому типу общественной системы» (На переломе. По стенограмме конференции «Обновление общества: проблемы и варианты». Пушцино, ноябрь 1991 г.).

Глава 6

Социальная структуризация российского общества: от советского периода к современности

Введение. Методология исследования

Для общества и исследователей, ставших свидетелями и участниками крутых поворотов в последние три десятилетия в России, необходимо хотя бы эскизно знать, что же представляет собой новое общество, какие силы в нем действуют, направляя его развитие, и что происходит с большими массами людей, объединенных понятием «современная Россия». В такие переходные периоды в обществе происходит своего рода флуктуация или, можно сказать, «пульсация», увеличивается социальная мобильность не только отдельных индивидов, но и больших групп людей, для части из них восходящая, для других – нисходящая. Еще П. Сорокин обоснованно говорил о том, что мобильность – политическая, экономическая, профессиональная – не имеет постоянного направления «ни в сторону усиления, ни в сторону ослабления ее интенсивности и всеобщности. Это предположение действительно для истории любой страны, для истории больших социальных организмов и, наконец, для всей истории человечества... Периоды большой мобильности вытеснялись впоследствии периодами стагнации»¹.

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 303, 304.

В постсоветский период Россия прошла последовательно стадию большой социальной мобильности – восходящей и нисходящей для разных групп людей – и теперь вышла в стадию стагнации – относительно устойчивого состояния, нарушить которое не решается ни элита, заинтересованная в сохранении своего достигнутого положения и относительного признания своего права руководить обществом, ни остальное общество, боящееся потерять то равновесие, которое сложилось в этот период. Социальный мир, стабильность – это наиболее ценимые характеристики современного общества, а для России это возможность эволюционного развития без потрясений и конфликтов, через которые прошла Россия в 90-е гг.

Изучение этого уникального периода в истории России началось в ЦИСИ в 1990 г., когда активно шли процессы разрушения Советского Союза и страна была в состоянии неопределенности, и продолжается по сегодняшний день. В начале 90-х заколебались институциональные основы общества, КПСС утрачивала свое руководящее положение, обрывались хозяйственные связи и рушилась экономика, нарастал ценностный вакуум в обществе, большая часть населения была деморализована. Началась структуризация общества по новым основаниям – с укоренением системы частной собственности и смешанной экономики. Рушился статус большинства социальных групп, упало качество их жизни и социальное самочувствие. Очень важно было зафиксировать и проанализировать эти изменения с использованием достоверной информации, лишенной идеологических коннотаций.

Исследования осуществляются на базе социокультурного подхода, в котором интегрируются три измерения человеческого бытия (человек в его взаимодействии с обществом, характер культуры, тип социальности)². Каждое измерение является фундаментальным, не сводится к другим и не выводится из них, но при этом все они взаимосвязаны и влияют друг на друга как важнейшие составляющие человеческих общностей. Социокультурный

² Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

подход предполагает анализ функций и структур и изначально включает анализ социокультурной динамики.

Одними из важнейших направлений исследований стали вопросы изменения структуриации общества за последние 30 лет (с использованием методологии Энтони Гидденса), характеристика направлений социальной и профессиональной мобильности, динамика соотношений материальных слоев, формирование акторов развития (среднего класса, слоев с интеллектуальными и организационными ресурсами, молодежных когорт).

Что такое структуриация общества (методология Энтони Гидденса)

При рассмотрении проблем, находящихся в центре внимания в данной главе, используются понятия теории структуриации Э. Гидденса. Термин структуриация – «структурирование социальных отношений в пространстве и времени» – был введен Э. Гидденсом для обозначения результата взаимодействия существовавшей прежде социальной структуры с деятельностью актора (индивида, общности, института). В свою очередь понятие «структура» используется в теории структуриации для «обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлеченных в систему социального воспроизводства; институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы во времени и пространстве»³. По утверждению Гидденса, теория структуриации обладает эвристическим эффектом, она может в качестве социальной теории стать основой для анализа связи между структурой и действием. Он специально отмечает, что ключевым понятием теории структуриации является концепция дуальности структуры. «Структуральные свойства социальной системы выступают и как средство производства социальной жизни... и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью... Структуру нельзя отождествлять с принуждением, она

³ Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуриации. М.: Академический Проект, 2005. С. 29.

всегда как ограничивает, так и создает возможности для действия»⁴. Социальные структуры задаются человеческими действиями и отношениями, устойчивость структур обуславливается их повторяемостью во времени и пространстве⁵.

С точки зрения теории структуризации при анализе общества и его элементов нельзя ограничиваться только структурой (составом) в определенный момент времени, необходимо изучить, какие общественные процессы вызывали структуриацию общества, какие действовали правила и вовлечены ресурсы в тот процесс, который обеспечил систему социального воспроизводства и изменения этой структуры. А для такого анализа нужно располагать надежными сведениями о том, какие регулярные социальные практики воспроизводились в тот или иной период времени и оказали свое структурирующее влияние. При этом Гидденс подчеркивает, что институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами.

Для каждого периода развития российского общества можно выделить доминирующее событие, оказавшее свое влияние на изменение структуры общества, обусловившее его структуриацию. Проследить это влияние можно, используя материалы проводившихся в тот период исследований, а также ретроспективный анализ общественных процессов, приведших к определенному результату. Иными словами, необходимо иметь достаточный материал для анализа проблем структуриации и с этой целью проводить соответствующие эмпирические и статистические исследования.

Материалами для анализа процессов структуриации российского общества в постсоветский период в статье служат данные официальной статистики и результаты исследований, которые проводились автором и другими учеными и практиками. В качестве главного материального и социального ресурса, воздействующего на структуриацию российского общества, выступает собственность как социальный институт, составляющая основу системы общественных отношений. Кардинальное изменение этого института

⁴ Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуриации. С. 70.

⁵ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 33.

в постсоветское время оказало определяющее влияние на материальную дифференциацию населения, формирование социальных слоев, их соотношение и субординацию, на формирование среднего класса. Эти проблемы в центре анализа в данной статье. Специальное внимание будет уделено российской молодежи, занимающей особое место в социальной структуризации общества в связи с тем, что эта социально-демографическая группа опирается на новые ориентиры в своей жизнедеятельности, органично вливаясь в глобальную систему информатизации современного мира.

Источники эмпирической информации

По мере развития исследований структуризации населения России расширялась эмпирическая база анализа. Активно использовались данные официальных статистических и других источников, материалы массовых опросов населения, которые проводились коллективом ЦИСИ.

В начале 90-х гг. в ЦИСИ началось осуществление проекта, который определил на несколько десятилетий вперед направление исследований и стал источником поступления ценной эмпирической информации о жизни общества в течение 30 лет. Это был всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России», впервые проведенный в 1990 г., когда Россия была еще в составе Советского Союза. Бесменный руководитель мониторинга Н.И. Лапин. С тех пор мониторинг проводился каждые 4–5 лет, всего состоялось 7 волн (см. Примечания в конце главы). Инструментарий первой волны мониторинга разрабатывался с участием ведущих российских специалистов, в их составе были: Г.М. Денисовский, А.Г. Здравомыслов, П.М. Козырева, В.В. Колбановский, Н.Ф. Наумова, В.А. Ядов. В последующем работа над инструментарием велась Н.И. Лапиным и Л.А. Беляевой. Интервью проводились на дому длительностью около 1 часа, его содержание претерпевало изменения, связанные с актуализацией тех или иных проблем в жизни общества, но базовые вопросы сохранялись на всем протяжении жизни мониторинга, давая возможность

проследить динамику процессов. Целью мониторинга было не фиксировать сиюминутные проблемы, настроение общества и политическую конъюнктуру, а выявить устойчивые тенденции трансформации российского общества, их восприятие людьми, а также, по возможности, пути решения основных проблем в интересах населения.

За годы мониторинга было проведено интервью почти с 10 тысячами респондентов по выборкам, репрезентирующим население России по основным социально-демографическим характеристикам. На базе мониторинга был создан инструментарий для изучения регионов, который позволил сравнивать структуризацию регионов и их особенности в общероссийском контексте. Более 25 региональных коллективов провели исследования по этому инструментарию в своих регионах. В ЦИСИ проводилось сравнение полученных данных, что позволило выделить региональные особенности структуризации населения.

Важным источником информации для сравнения России со странами Европы по важнейшим параметрам структуризации населения стало мониторинговое Европейское социальное исследование (ESS), проводимое в странах Европы с 2002 г., а с 2006 г. и в России, по настоящее время. Опрос проводится каждые 2 года по национальным репрезентативным выборкам. В России исследование проводит ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований, руководитель А.В. Андреевкова. Члены Научного Совета ESS Н.И. Лапин и Л.А. Беляева). Сбор информации проходит в виде личного интервью на дому с респондентами 15 лет и старше по случайной вероятностной выборке.

Информация по специальным проблемам развития таких важных элементов структуризации, как предприниматели и молодежь, собиралась в ходе массовых опросов этих категорий населения под руководством Л.А. Беляевой.

Качественный эмпирический материал позволяет с большой долей достоверности анализировать проблемы структуризации российского общества и делать обобщения относительно сравнительной динамики процессов в целом по обществу, а также в отношении отдельных социальных групп и слоев.

Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы

Структуризация общества по уровню жизни населения является важной характеристикой его состояния и возможностей дальнейшего развития. Можно назвать по крайней мере три причины, которые обуславливают актуальность критического анализа материального расслоения в современной России. Первая причина заставляет обратить внимание на то, насколько глубина материальной дифференциации приемлема с точки зрения общественной этики, соответствует современной справедливой норме распределения благ. Вторая причина обусловлена необходимостью создания и пролонгации стимулирующей роли материальных различий в экономической активности населения. Третья причина связана с необходимостью отладки такого механизма социальной мобильности, когда социальный лифт поднимает лиц из слоев с низким уровнем жизни на более высокие позиции, делая общество более справедливым и устойчивым. Все три причины вызывают необходимость критически оценить соотношение разных слоев общества по уровню жизни и динамике их развития в контексте траектории общественных изменений в постсоветский период. В анализе использованы официальные статистические данные и материалы всероссийского мониторинга, проводимого с 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководитель Н.И. Лапин). Официальные данные позволяют оценить (довольно приблизительно) распределение доходов имущественных слоев, данные опросов – выявить социально-психологическое самочувствие слоев, выделенных на основе самооценки респондентами своего материального положения.

Переход от доминирования раздаточного типа экономики к экономике смешанно-рыночной⁶ оказал значительное влияние

⁶ Иногда ее называют псевдорыночной, но более адекватным представляется термин «смешанная», поскольку уже сейчас при наличии крупных государственных монополий в стране довольно развит частный сектор в малом и среднем бизнесе, хотя пока в основном это сфера обслуживания и торговли.

на изменение источников и форм доходов населения и, как следствие, дифференциацию уровней жизни. Неоправданным упрощением было бы сводить анализ этих проблем к изучению причин бедности и характеристикам страт бедных в противопоставлении стратам богатых. Сегодня статистические органы собирают и публикуют показатели уровня жизни в большем объеме, чем в 90-е гг. прошлого века, когда дифференциация доходов достигла своего пика, но и сейчас в анализе этой проблемы акцент делается, как правило, на проблемах бедного населения, домохозяйств, находящихся в состоянии абсолютной бедности, которая действительно имеет угрожающие размеры в России. Одновременно общество будоражат публикации в отечественных и зарубежных СМИ о сосредоточении несметных богатств в руках узкого круга лиц. Между тем только к этим двум полярным группам (бедным и сверхбогатым) не сводится проблема уровня и качества жизни населения страны. Следует обратить внимание и на другое разделение населения по материальному уровню жизни, которое служит зримой констатацией глобальной социальной дифференциации общества – на тех, кто за последние 30 лет преуспел в жизни, выстроил условия благополучного существования (а это не только сверхбогатые и богатые), и тех, кто терпит лишения и существенные ограничения в удовлетворении своих потребностей, даже не опустившись за черту абсолютной бедности. Подробный анализ состава населения по характеристикам уровня жизни может многое сказать о качестве общества, его включенности в современность и его возможностях развиваться по инновационному пути. Поэтому в данной статье проведен анализ социальной структуризации населения России по уровню дохода и богатства с учетом не только абсолютной, но и относительной бедности. Доход измерялся уровнем заработной платы, пенсий, пособий в денежной форме, богатство – объемом предпринимательского дохода и дохода, получаемого от капиталовложений.

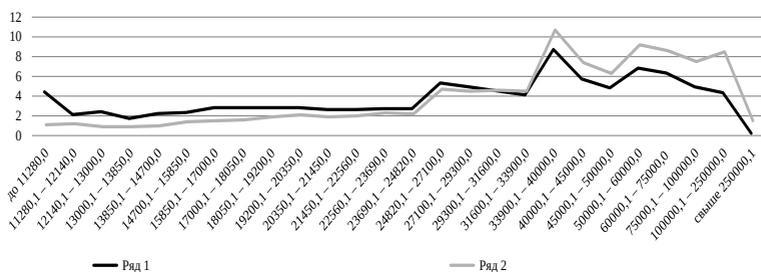
Статистика о дифференциации доходов в России

Сосуществование рыночного и раздаточного секторов экономики обуславливает в значительной мере то разнообразие уровня и качества жизни, которое сложилось в России в настоящее время. По большому счету, массовый рост уровня доходов и появление одновременно массового слоя бедного населения были следствием формирования в стране частной собственности. Уже в 2002 г. превышение зарплат в частном секторе по сравнению с государственным, по официальным данным, составило 1,2 раза и наблюдалось во всех отраслях, кроме оптовой и розничной торговли и общественного питания⁷. Реальное превышение с учетом широкого распространения черных и серых зарплатных схем в тот период было значительно выше. Это делало частный сектор привлекательным местом работы, особенно для молодежи. В 2002 г., по данным Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН, в приоритете оказались акционерные предприятия, смешанные с государственной собственностью, и личные частные предприятия. И последние официальные данные Росстата показывают большее сосредоточение высокооплачиваемых групп населения в частном секторе по сравнению с государственным. Так, в 2019 г. почти 56% занятых в негосударственном секторе получали свыше 34 тыс. рублей в месяц, тогда как на государственных и муниципальных предприятиях только 40% (рис. 1). Начиная с 40 тыс. рублей частный сектор значительно опережает государственный по средней зарплате работающих в этих секторах.

В постсоветский период отмечается волнообразная тенденция умеренного роста номинальных доходов от заработной платы, от предпринимательской деятельности, от собственности, из других источников. И при этом реальные доходы увеличивались меньшими темпами, а в отдельные периоды даже сокращались. При декларируемой властями поддержке бизнеса

⁷ Труд и занятость в России. 2003. Стат. сб. М.: Росстат, 2003. С. 354.

и создания для него благоприятных институциональных условий в последние годы сокращается доля доходов от предпринимательской деятельности в общем объеме доходов населения, и при этом растет доля средств, направляемых на социальную защиту населения. Изменение этих тенденций, прежде всего повышение в общем объеме доходов не пассивных, перераспределенных, а заработанных, таких как заработная плата и предпринимательские доходы, будет положительно сказываться на росте благосостояния населения. Одновременно с ростом номинальных доходов населения в России установилось довольно стабильное распределение населения по доходным группам (см. табл. 1).

Ряд 1 – государственные и муниципальные предприятия
 Ряд 2 – негосударственные предприятия

Рис. 1. Распределение организаций различных форм собственности по размерам начисленной заработной платы в 2019 г. (по данным выборочного обследования организаций за апрель; в процентах от занятых)⁸

⁸ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019. М.: Росстат, 2019. С. 134.

Таблица 1. Распределение общего объема денежных доходов населения*

	2000	2010	2014	2015	2016	2017	2018
Денежные доходы – всего, %	100
в том числе по 20-процентным группам населения:							
первая (с наименьшими доходами)	5,9	5,2	5,2	5,3	5,3	5,3	5,3
вторая	10,4	9,8	9,9	10,0	10,0	10,1	10,0
третья	15,1	14,8	14,9	15,0	15,0	15,1	15,0
четвертая	21,9	22,5	22,6	22,6	22,6	22,6	22,6
пятая (с наибольшими доходами)	46,7	47,7	47,4	47,1	47,1	46,9	47,1

* Источники: Российский статистический ежегодник. 2017. М.: Росстат, 2017. С. 152; Социальное положение... С. 134.

Показатели дифференциации доходов находятся приблизительно на одном уровне в последнее десятилетие, составив в 2018 г.: коэффициент Джини 0,413; коэффициент фондов 15; децильный коэффициент (в размах) 7,1⁹. Если сравнить уровень дифференциации доходов с последними годами советского периода, то можно видеть, что в пятой 20-процентной процентной группе в 1980 г. концентрировалось 33,4% всех доходов, в 1995 г. – 46,3%, а к 2018 г. у этой группы было 47,1% всех доходов населения. Такая тенденция сложилась несмотря на усилия по повышению доходов малообеспе-

⁹ Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат, 2019. С. 134.

ченных групп населения, которые направлены в основном на увеличение социальных выплат.

Проблема глубокой материальной дифференциации не была бы так остра, если бы в нижней доходной группе размер дохода был бы достаточен для обеспечения социально приемлемого уровня жизни. Принятое в отечественной статистике соизмерение этого дохода с величиной прожиточного минимума, который архаичен по своему составу (почти на 47% состоит из расходов на продукты питания, по 23,2% на непродовольственные товары и услуги, что равнялось в 2018 г. 2,4 тыс. рублей в месяц), наглядно демонстрирует, что он не может обеспечить минимально социально приемлемый уровень жизни. В России в последние годы практически стабилизировалась численность населения с доходом ниже величины прожиточного минимума. В 2018 г. – 12,6% или 18,4 млн человек, а по самым последним данным, благодаря мерам социальной поддержки этот показатель снизился в 2019 г. до 12,3%, в 2020 г. до 12,1%¹⁰.

Статистические данные дают полное основание утверждать, что в стране при росте численности более обеспеченных групп сохраняются большие массы людей, у которых доходы не позволяют иметь социально приемлемый уровень потребления, не обеспечивают даже на минимальном уровне социальные потребности людей. Для количественной оценки этих групп, помимо величины прожиточного минимума, образующей порог абсолютной бедности, можно использовать показатель «относительная бедность», которая обычно определяется как 60% от медианного дохода. Нахождение на этом уровне бедности означает отсутствие возможности обеспечить средние для данного общества условия существования и социально принятые удобства жизни. Относительная бедность создает серьезные психологические и социальные риски для людей, поскольку они постоянно должны делать выбор между разными своими потребностями в связи с ограниченностью денежных ресурсов, часто нуждаются в помощи со стороны государства,

¹⁰ О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в IV квартале 2020 г. (URL: gks.ru) (дата обращения: 30.08.2021).

но, по действующему законодательству, не могут ее получать, поскольку основанием для такой помощи является, как правило, нахождение за порогом абсолютной бедности. В России оценить в совокупности абсолютную и относительную бедность людей, которые имеют доход ниже черты относительной бедности (около 15 тыс. руб. в 2018 г.), можно на уровне одной четверти населения, при этом половина из этой совокупности людей находится в состоянии абсолютной бедности, испытывая депривацию по важнейшим социально-экономическим потребностям.

Не только абсолютная, но и относительная бедность являются ощутимым препятствием для развития человеческого потенциала и его превращения в человеческий капитал. По мнению экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), человеческий капитал – это «знания, навыки, умения и способности, воплощенные в людях, которые позволяют им создавать личное, социальное и экономическое благосостояние»¹¹. В этом определении расширяется то понятие человеческого капитала, которое в середине XX в. сформулировали Теодор Шульц и Гэри Беккер. Они обосновали экономический подход к человеческому поведению и рассчитали эффективность вложений в человеческий капитал.

Для формирования своего человеческого капитала и капитала своей семьи у бедных отсутствует бюджет развития. Между тем человеческий капитал относится к нематериальному капиталу, который, наряду с социальным, культурным, символическим, имеет всё большее воздействие на инновационное развитие обществ и формирует статус человека в обществе¹². Он накапливается за счет ресурсов семьи, способностей человека и тех социальных условий, которые создаются в обществе: возможности для хорошего образования, сохранения здоровья и культурного развития. Можно с большой долей уверенности утверждать, что позитивное развитие человеческого капитала в стране связано

¹¹ The Well-being of Nations: The Role of Human and Social Capital. Paris: OECD. 2001. URL: <http://www.oecd.org/site/worldforum/33703702.pdf> (дата обращения: 23.05.2018).

¹² Беляева Л.А. Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 36–44.

с более справедливым распределением общественного богатства, развитием рыночной экономики, совершенствованием налоговой политики, гармонизацией отношений рыночного хозяйства и системы социальных гарантий.

Материальное неравенство продолжает расти за счет более быстрого увеличения дохода верхних доходных групп. Разница между доходами верхней и нижней 20-процентными группами составила в 2019 г. 8,9 раз, а в уровнях заработной платы 7,8 раз¹³. Разница в заработной плате между верхней и нижней 10-процентными группами в 2019 г. составляла 13 раз (см. рис. 2). Ускорение отрыва в средних зарплатах начинается с 9-й группы, а самая резкая разница наблюдается между верхними 9-й и 10-й группами – 2,18 раза (апрель 2019 г.), еще больше увеличившись по сравнению с предыдущими годами.

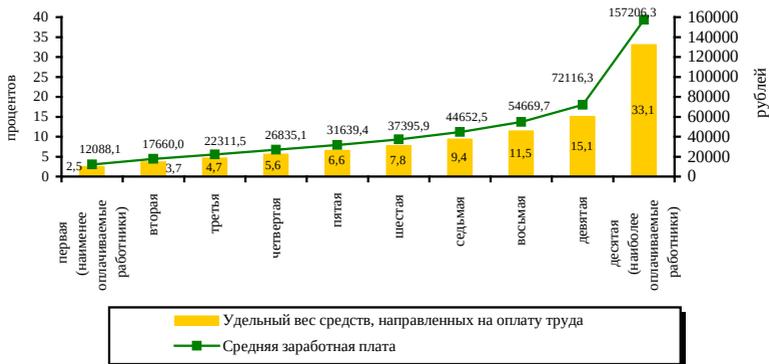

Рис. 2. Распределение общей суммы начисленной заработной платы по 10-процентным группам работников организаций в 2019 г.¹⁴
(по данным выборочного обследования организаций за апрель)

¹³ Социальное положение... С. 126.

¹⁴ Социальное положение... С. 129.

Есть мнение, высказанное в статье Н.И. Лапина с соавторами¹⁵ на основе расчета разработанных центильных коэффициентов доходного неравенства, что самым опасным для стабильности общества и его консолидации являются экстремальное неравенство между самыми богатыми и самыми бедными слоями населения.

В формировании слоя богатых людей большую роль играют получение дохода от недвижимости, накопления сбережений во вкладах, ценных бумагах и валюте. Эти накопления составили в 2018 г. 4,2% доходов всего населения, снизившись по сравнению с 2015 г. (максимальный объем в последние 10 лет) на 4,9 п.п. Но распределены эти сбережения крайне неравномерно (см. табл. 2).

Таблица 2. Прирост сбережений в домашних хозяйствах по 20-процентным группам обследуемого населения. 2018 г.*

Группы	%
1-я с наименьшими располагаемыми ресурсами	3,0
2-я	6,5
3-я	12,0
4-я	21,6
5-я с наибольшими располагаемыми ресурсами	57,0

* Источник: Социальное положение... С. 224.

Почти 60% всех накоплений приходится на пятую высокодоходную группу. В четвертой и пятой группах в 2018 г. было сосредоточено почти 80% всех сбережений. По оценкам А.Ю. Шевякова, доходы от собственности, а также сбережения и покупка недвижимости имеют наибольший коэффициент дифференциации между первой и пятой доходными группами (131,1 и 123,6 соответственно)¹⁶. В верхних доходных группах существуют также значительные имущественные накопления – результат предыдущих сбережений.

¹⁵ Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 13.

¹⁶ Шевяков А.Ю., Кирута А.А. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио, 2009. 192 с.

Такая дифференциация доходов и накопленного движимого и недвижимого имущества создает базу для создания наследуемых огромных состояний и богатств у верхних имущественных слоев и уже привела к формированию в стране слоя крупной буржуазии, скромно именуемой социально нейтральными терминами – капитанами/акулами бизнеса или, еще мягче говоря, крупными бизнесменами. Чем выше неравенство по доходам, тем большая доля совокупных доходов направляется на накопление, но в условиях современной России эти накопления массово не трансформируются в инвестиции в экономику, за исключением строительства, а в основном вкладываются в недвижимость (в стране и за рубежом) и приобретение предметов роскоши. Причин такого распоряжения капиталами много, но можно констатировать, что в экономике с дефицитом кредитно-инвестиционных ресурсов такое направление сбережений весьма существенно ограничивает возможный экономический рост.

Таким образом, можно видеть, что в России происходит концентрации богатства в высокодоходных группах населения и углубляется поляризация доходов от занятости и доходов из других источников. Причем неравенство растет вместе с ростом совокупных доходов населения. Для российского общества существующее «избыточное неравенство»¹⁷ стало главным фактором социального напряжения, недовольства проводимой властями внутренней политикой, ощущения несправедливости в устройстве общества. Но, парадоксальным образом, большинство населения не поддерживает уравнительного распределения и не имеет основательных претензий к богатым людям, которых в первые годы общественных трансформаций иначе как ворами, или как-то еще резче, не называли. Для населения более актуально то, что в стране недостаточно активно создаются эффективные рабочие места с достойной зарплатой. Нерешенность этой проблемы остается главной претензией к руководству страны при массовых опросах населения.

¹⁷ «Избыточное неравенство» обусловлено низкими доходами тех слоев населения, которые не могут существенно влиять на собственное экономическое положение. Термин предложен А.Ю. Шевяковым.

Субъективные оценки уровня жизни

Статистическое распределение доходов и богатства в современном российском обществе в своих пропорциях достаточно близко субъективным оценкам материального благосостояния и композиции материальных слоев, выделенных на основе самоидентификации. Всероссийский мониторинг, который проводится в Центре изучения социокультурных изменений ИФ РАН, позволяет анализировать проблемы структуризации российского общества по материальному уровню жизни населения. Естественно, нужно учесть, что из наблюдения выпадают самые привилегированные группы, недоступные для опросов, что способствует занижению численности этих групп и некоторому изменению пропорций.

В опросе предлагалось дать самооценку своего материального положения (см. табл. 3) (см. Приложение в конце статьи).

Таблица 3. Какое высказывание характеризует Ваше материальное положение? (% от опрошенных)

Самооценка материального положения	1994	1998	2002	2006	2010	2015	Условные слои
1. Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	24	13	11	13	11	«нищие»
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	31	29	23	22	18	18	«бедные»
3. На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28	21	30	21	21	22	«необеспеченные»
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22	14	22	29	31	33	«обеспеченные»

5. Почти на всё хватает, но недоступно приобретение квартиры, дачи	7	10	11	9	11	9	«зажиточные»
6. Практически ни в чем себе не отказываем	1	1	1	2	3	2	«богатые»

В течение 90-х гг. прошлого века наблюдались большие изменения в численности материальных слоев, особенно слоя самых бедных и тех, кто был более или менее материально обеспечен перед кризисом 1998 г. Первый слой (условно «нищие») в составе всего населения вырос в результате кризиса 1998 г. более чем в 3 раза, слой «обеспеченных» сократился в 1,6 раза. Начало «нулевых» отмечилось заметным изменением трендов развития материального расслоения. Сократилась численность «нищих» и «бедных», которые тем не менее к 2015 г. составляли почти 30% населения страны, 22% находились на уровне необеспеченности и 44% жили благополучно («обеспеченные», «зажиточные» и «богатые»). Примерно с 2006 г. стабилизировались две большие группы: к первой относится благополучное население, которое включало в себя обеспеченных (2015 г. – 33%), зажиточных (9%) и богатых (2%). Их уровень жизни соответствует как минимум социальному стандарту потребления, типичному для российского общества в настоящее время. Вторая объединяет неблагополучное население, у которого дохода хватает в лучшем случае на повседневные нужды, но покупка одежды уже затруднительна (22%), или на повседневные нужды уходит вся зарплата (18%), или денег постоянно не хватает, приходится занимать (11%). Эти люди ощущают на себе депривацию по важнейшим социально-экономическим потребностям. Благополучное и неблагополучное население по опросу соотносится как 44 и 51%.

Сформированное расслоение общества по уровню жизни с такими пропорциями трудно признать оптимальным. В дальнейшем я буду оперировать двумя понятиями: *верхняя часть* общества, которая имеет приемлемый уровень жизни, или условно *благополучные*, и *нижняя часть*, условно *неблагополучные*, которые

в разной степени не дотягивают до социальных стандартов. Целью анализа было определить, есть ли различия в объективных характеристиках этих групп (см. табл. 4), как они отличаются по своему социально-психологическому состоянию (см. табл. 5).

Таблица 4. Объективные характеристики «неблагополучных» и «благополучных», % от опрошенных, 2015 г.

	Неблагополучные	Благополучные
Муж.	46	47
Жен.	55	41
Тип поселения		
Города-миллионники (от 1 млн чел.)	51	45
Крупные города (500–999 тыс. чел.)	35	62
Средние города (100–500 тыс.)	60	36
Малые города (до 100 тыс. чел.)	54	41
Поселки	65	30
Села, деревни	49	43
Возраст		
До 19 лет	31	59
20–29	46	48
30–49	49	46
50–59	59	38
60 и старше	62	34
Образование		
Начальное общее и профессиональное	65	32
Среднее специальное профессиональное	51	45
Законченное высшее и послевузовское	42	52
Всего	51	44

При сравнении статистических данных и данных опроса обращает на себя внимание их некоторое несовпадение, которое можно объяснять разными методиками подсчета, но важно признать, что субъективные оценки отражают реальное восприятие населением своего материального положения, сравнения его со своим окружением, информацией, транслируемой из СМИ, своими собственными представлениями о материально обеспеченной жизни.

По данным мониторинга, нарастание материального неблагополучия, по субъективным оценкам, происходит при увеличении

возраста респондентов. Заметно меньше неблагополучных среди тех, кто имеет высшее образование (42%), но доля со средним специальным и начальным общим и профессиональным состав-ляет 51 и 65% соответственно. Проявляется гендерное неравен-ство, доля неблагополучных среди женщин больше, чем среди мужчин. Поселенческий эффект также сказывается на самооцен-ках материального положения. Наиболее бедными себя считают жители поселков и средних городов (соответственно 65 и 60%). Уровень дохода, условия проживания, возраст, образование, среда обитания и развитость социальной инфраструктуры, образ жизни коррелируют с состоянием здоровья, мироощущением и уверен-ностью в своих силах (табл. 5).

Таблица 5. Социально-психологические характеристики «неблагополучного» и «благополучного» населения России (опрос 2015 г.)

	Неблаго-получное население	Благо-получное население
Плохое и очень плохое здоровье	26	20
Инвалиды, имеют хроническое заболевание	22	11
Уверены в своем будущем	39	65
Не защищены от бедности	64	49
Улучшение жизни зависит от самого респондента	73	86

Среди «неблагополучных» почти 50% жалуются на состояние своего здоровья, в том числе 22% являются инвалидами или имеют хронические заболевания. Среди «благополучных» так оцени-ли свое здоровье только 20 и 11% соответственно. Уверены в сво-ем будущем 39% неблагополучных против 65% из верхнего слоя. Не защищены от бедности, по самооценкам, 49% «благополуч-ных» и 64% «неблагополучных». Как видим, заметна существен-ная разница в социально-психологическом настроении этих двух больших групп населения.

Но что объединяет эти две большие группы жителей России – тех, кто достиг социально приемлемого уровня жизни, и тех, кто

находится в состоянии абсолютной или относительной бедности? Объединяет их уверенность, что никто не улучшит их жизнь, кроме них самих. Патерналистские ожидания во всех слоях общества снизились до беспрецедентно низких показателей: 73% респондентов из нижней части и 86% из верхней считают, что улучшение их жизни полностью или частично зависит только от них самих. Мотивы и последствия таких оценок могут быть для этих групп различны, но можно констатировать факт, что патерналистские надежды во всех слоях населения России уходят в прошлое даже несмотря на возросшую социальную помощь слабым социальным группам. Ответом на такие настроения должна быть сильная социальная политика государства, которая более эффективно поддерживает слабые социальные слои и при этом создает условия для самостоятельного выстраивания эффективных жизненных стратегий основной массы населения, особенно молодежи. Необходимо более активное вмешательство государства в создание социальных лифтов для молодых людей из нижних имущественных слоев. В качестве пусковых механизмов для этих лифтов могут быть система качественного бесплатного образования, создание высокотехнологичных рабочих мест, а также развитие предпринимательства.

Выводы

Сложившаяся в России чрезмерная материальная дифференциация общества по доходу и богатству и сейчас, и в будущем будет генерировать негативный социально-экономический эффект поляризации: несомненные преимущества высокодоходных групп в развитии человеческого капитала (своего и своих детей), если не будет более решительно изменена роль социального государства в выравнивании шансов на социальное продвижение вне зависимости от материального уровня семьи. Нарастание высокодоходными группами социального и символического капитала уже стало барьером для вертикальной социальной мобильности из других социальных слоев. Для демократического устройства общества справедливость в распределении доходов предполагает

следование принципу стартовой справедливости для личности, прежде всего в образовании, которое может обеспечить восходящую социальную мобильность всем детям, в том числе из плохо обеспеченных семей. Опыт высокомодернизированных европейских стран показывает, что равенство в получении хорошего бесплатного образования коррелирует с успехами страны в инновационном развитии¹⁸. Закрытость верхних слоев характерна для большинства современных стран, но в процессе постиндустриальной модернизации в них в расширенном масштабе увеличиваются рабочие места, требующие развитого человеческого капитала. Система образования в этих странах реагирует на это требование выравниваем шансов получения современного качественного образования для выходцев из всех социальных слоев. В России же в постсоветский период выросли экономические препятствия получения качественного высшего образования для детей из семей с низкими доходами, поскольку реальные расходы для поступления в вузы на бюджетные и коммерческие места постоянно растут. В результате расслоение по уровню жизни воспроизводится и закрепляется системой образования. Поляризация доходов влечет ощущение несправедливости и униженности для тех слоев, которые находятся внизу имущественной иерархии. Ответом служит апатия и девиантное поведение этой части населения, прежде всего молодежи, лишенной социальной перспективы.

Динамика формирования социальных слоев

Решающее влияние на структуризацию современного российского общества оказывают изменения отношений собственности, становление российского типа смешанной экономики. Исследование показало, что доминирующую роль в состоянии и иерархии социальных акторов и динамики их отношений играет в современной России перераспределение экономического капитала, произошедшее в течение последних 30 лет. Экономический капитал

¹⁸ *Беляева Л.А.* Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 13-24.

все в большей степени определяет объем и качество других видов капитала, влияя на выстраивание в обществе иерархии социальных статусов. Происходит сращивание экономического и символического капиталов, или собственности и власти, как следствие, блокируется развитие демократических институтов.

Начавшаяся в 90-е гг. XX в. приватизация государственной и муниципальной собственности затронула все без исключения отрасли экономики. В результате не только в общем числе предприятий, но и в общем объеме производства, а также по численности работников государственная собственность стала уменьшаться. Но сам процесс перехода государственной собственности в частные руки в России имеет свою специфику, сохраняя исторические особенности взаимоотношения государства и частного владельца. Россия в своем историческом развитии не пошла по пути формального закрепления собственности в частных руках с опорой на юридически-правовые нормы. В основе хозяйствования лежало *условное* владение землей: дворянам – за цареву службу, крестьянам – за службу помещику. Эту мысль И.В. Киреевского подчеркивает И.Н. Сиземская¹⁹. Следствием было то, что в России право индивида ориентировалось на «внутреннюю справедливость», соотносимую в общественном и индивидуальном сознании с бытующими представлениями о должном. Тогда как в западной цивилизации закрепился приоритет общественных связей, основанных на утвержденном в законе частном интересе обособленного индивида. Переориентация на западную модель отношений собственности претерпела в России с разной степенью успеха несколько попыток, в том числе и на памяти наших современников. Но в общественном сознании сохраняется мнение о «неправедности» нажитого частным собственником богатства, подозрение о его темном происхождении. Этому мнению способствует непрозрачность процедур приватизации и приобретения собственности, нестабильность законодательства. Для собственника это несет постоянную угрозу

¹⁹ Сиземская И.Н. «Россия – Европа» в зеркале отечественной философии (первая половина XIX века) // VOX. Философский журнал. 2021. Вып. 33. С. 48–71. (Vox: <http://vox-journal.org>. Выпуск 33)

лишиться своего бизнеса, утратить его в результате организованного банкротства или рейдерского захвата частным лицом или государственными структурами.

Становление предпринимательского слоя

Современные отношения собственности в России прямо влияют на структуризацию общества. Ключевые социальные последствия изменений отношений собственности в России состояли в изменении социальной структуризации общества и углублении социального неравенства; в утрате социально-политической консолидации в обществе, связанной с представлением о справедливости и законности в перераспределении государственной собственности.

С окончанием советского периода в истории России произошло несколько волн изменений в отношениях собственности, сопровождавшихся столкновением интересов больших групп людей, коллективов и отдельных индивидов. По большому счету происходило противостояние частного интереса, проекта либерального развития по западным «образцам» через обретение частной собственности отдельными социальными группами и индивидами и слабеющего государства в лице аппарата управления, который лишился инструментов влияния на собственность. Первый вариант связан с безусловным доминированием частной собственности и отношений на ее базе. Вторым вариантом предполагалось удержание собственности государством и соответственно продолжение развития по социалистическому, или смешанному цивилизационному, сценарию. Но реально произошла гибридизация частнособственнических отношений и сохранение государственной собственности в различных формах – как напрямую, так и через назначенных от лица государства владельцев и управляющих собственностью.

Разгосударствление собственности было определено как ключевая стратегия экономической реформы, позволяющая создать эффективного собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции. Такая ориентация была подготовлена предприватизацией собственности в советский период, когда со смягчением

политического режима в 60-е гг. XX в. началось формирование *протокласса* крупных собственников, представленных директорами и крупными чиновниками, распоряжавшимися вверенными им объектами государственной собственности не просто как управленцы, но и как реальные хозяева, осознающие себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами²⁰.

Проводившиеся реформы, не обеспеченные законодательно и не прозрачные для всего общества, якобы предусматривали переход страны на европейский путь развития, вступление в клуб западных стран с рыночной экономикой, частной собственностью и свободной конкуренцией. Но реально произошла концентрация монопольной государственной собственности в частных руках, что лишило основную часть населения, зависящую от бюджетного финансирования, источников средств к существованию, которые обеспечивались за счет функционирования этой собственности. Интуитивные предположения людей были впоследствии подтверждены фактическими данными. Действительно, среди российских олигархов конца XX в. более половины были выходцами из советской политической элиты²¹.

К настоящему времени в России сложилась иерархия бизнесов и предприятий по их размерам и роли в экономике, российский вариант смешанной экономики. К крупному бизнесу относятся экономические агенты, которые в процессе текущего функционирования оказывают существенное влияние на национальную экономику в целом или, по крайней мере, на некоторые ее сектора. Существует в четырех видах: национальная корпорация, интегрированная бизнес-группа, компания и независимое предприятие. Крупный бизнес, как правило, выходит на глобальные рынки, использует ресурсы всемирного хозяйства – финансовые, трудовые, сырьевые. В России основная часть крупного бизнеса базируется на сырьевых ресурсах, извлекает природную ренту, является основным налогоплательщиком и донором остальной экономики. Национальные корпорации как часть крупного бизнеса по своей государственной

²⁰ Шкаратан О.И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004. С. 113.

²¹ Нуриев Р.М. Россия: особенности институционального развития М.: Норма, 2009. С. 140–146.

природе стремятся к поддержанию целостности и развитию общества. Эффективность крупных государственных и с участием государства предприятий складывается на основе не только экономических показателей, за ними закрепляется роль институтов развития. Наряду с экономической (коммерческой и бюджетной эффективностью) они должны обеспечивать *социальную эффективность* – улучшение среды обитания, в частности ее экологических характеристик, проведение природоохранных мероприятий, обеспечение обороноспособности страны и т.д.²²

Особенностью крупных предприятий в сельском хозяйстве является концентрация земли в руках частных собственников в результате выхода части земли в свободный рыночный оборот. Но реальность оказалась сложнее либеральной идеи создания эффективного собственника земли по типу западного фермера. Значительная часть земли так и не была оформлена в собственность, была брошена на произвол судьбы, поступила в теневой оборот или переоформлена местной властью в статус земель несельскохозяйственного назначения, перепродана по завышенной цене и оказалась под жилищным и дачным строительством. Не удалось создать массового эффективного фермера, происходило «опустынивание» сельской местности, особенно в Центральной России. По данным всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 2016 г. (ВСХП), только за 10 лет – с 2006 по 2016 г. – число сельскохозяйственных организаций сократилось с 59,2 тыс. до 36,0 тыс., или в 1,6 раза. При этом значительно уменьшилось и число крестьянских, фермерских хозяйств – почти в 2 раза, немного выросла численность индивидуальных предпринимателей и индивидуальных хозяйств населения²³. В 2016 г. 23,7% сельскохозяйственных организаций, а также 33,9% крестьянских

²² Соловьёв М.М., Кошкин Л.И. Проблемы оценки эффективности управления государственной собственностью. URL: <https://www.hse.ru> (дата обращения: 05.04.2021).

²³ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года // Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. В 8 т. Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Кн. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Российской Федерации. С. 13.

(фермерских) хозяйств не вели свою основную деятельность. В ряде регионов число «заброшенных» хозяйств было еще больше. Например, в ХМАО, Московской области и Калининградской области более 50%, в Ярославской области доля таких хозяйств достигла 80,7%. Причины – низкая рентабельность таких хозяйств, отсутствие необходимого финансирования и технического оснащения. В результате на селе возникло новое социальное явление – массовый наем работников (постоянных и временных) в более успешных частных хозяйствах. Вместе с занятыми на крупных сельхозпредприятиях это новая социальная группа на селе, которая в перспективе будет только увеличиваться и создавать новую социальную ситуацию в деревне. Часть этих работников уже сейчас отказывается от ведения личного подсобного хозяйства, а часть пополняет сельский прекариат – слой людей с нестабильной занятостью и низким уровнем жизни. До четверти сельских жителей могут быть отнесены к этой категории населения²⁴.

В это же время происходит интенсивная концентрация земель в крупных хозяйствах, формируются латифундии. По данным аудиторской компании BEFL, из 78 млн гектаров пахотной земли России крупнейшие 61 компания контролируют 14,2 млн гектаров. Первое место с площадью более 1 млн га занимает «Мираторг»²⁵.

Создаваемые с конца XX в. агрохолдинги и крупные предприятия стали основными владельцами сельскохозяйственных земель в России, получают всемерную поддержку государства, региональных и муниципальных властей, к ним поступают финансовые вливания из бюджета. Таких преимуществ нет у фермерских и крестьянских хозяйств, и поэтому их число сокращается, а сельские территории социально «умирают». Эти процессы идут вразрез с тенденциями в развитых экономиках мира, где фермерские хозяйства преобладают и взаимодействуют с крупными производителями на основе контрактных соглашений.

Государство и местные власти пошли по пути создания и поддержки крупных агрохолдингов (для них уже есть даже название

²⁴ Тоценко Ж.Т., Великий П.П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–33.

²⁵ URL: <http://www.befl.ru/news/detail.php?ID=1137> (дата обращения: 04.06.2021).

«олигархозы», предложенное А. Никулиным²⁶). Фермерские и крестьянские хозяйства массово лишены такой поддержки, и это ограничивает раскрытие потенциала частного владения землей, что дополняется наследием десятилетних традиций зависимого «коллективного» хозяйствования в советский период.

В России к настоящему времени сложился собственный, российский тип смешанной экономики, основанной на крупной частной собственности в городе и на селе, аффилированной с властью – общероссийской, региональной и местной. В этих условиях интересы управленческой элиты неминуемо вышли на первый план. Возник бюрократический рынок, на котором товаром стали не только вещи, но и престиж, власть, связи. Было положено начало новому этапу формирования в России системы «власть-собственность»²⁷. Сегодня эта система предстала как мутированное пере рождение советской системы «власть-государственная собственность» в систему «власть-частная собственность». Сращивание власти и собственности происходит не только на общероссийском уровне, но и на уровне регионов, муниципальных образований, в отдельных населенных пунктах.

Владельцы крупных бизнесов в банковской сфере, в промышленности, в сельском хозяйстве составляют значительную часть высокодоходной группы в материальной дифференциации населения. Эта группа не становится объектом анализа традиционного социологического опроса, можно только предполагать, что

²⁶ Никулин А. Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 17–34.

²⁷ Власть-собственность – это собственность, при которой доступ к ресурсу и степень ее полноты определяется положением в государственной иерархии. Термин «власть-собственность» был предложен А. Гуревичем для характеристики европейского средневековья (Гуревич А.Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. В 2 т. Т. 1. Древние германцы. Викинги. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе) и лишь затем был использован Л. Васильевым при описании социально-политических и социально-экономических систем Древнего Востока (Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография. М., 2000. С. 96–114). Сегодня термин широко используется для характеристики советской социально-экономической системы и при анализе современных процессов усиления роли государства в экономике.

численность этой группы составляет менее 1% населения. Всего, по оценкам Росстата, в России 5,8% населения работает не по найму, в том числе 0,9% являются работодателями, 4,4% самозанятые. При этом характерно, что предприниматели в России – довольно образованные люди: более 44% работодателей имеют высшее образование и 25% среднее профессиональное²⁸. Но при этом доля предпринимателей всех уровней в России ниже, чем в среднем в мире. Развитие предпринимательства – неиспользованный ресурс экономического успеха страны и формирования благополучия населения. По оценкам Сбербанка, малый и средний бизнес сейчас дает около 22% ВВП России. Эта цифра занижена примерно вдвое из-за особенностей официальной статистики, но все равно намного меньше, чем в развитых странах (50–60%). В Китае вклад предпринимателей в ВВП почти вдвое (45%), в США – втрое (90%) выше. В России на одного чиновника приходится трое предпринимателей. Если считать чиновников вместе с силовиками, то их число лишь вдвое меньше, чем предпринимателей (2,3 млн чиновников по сравнению с 4,2 млн предпринимателями). Для сравнения, в Германии на одного чиновника приходится семь предпринимателей²⁹.

Существенной особенностью, тормозящей активность предпринимательской деятельности в России, является коррупция, что показывают все опросы предпринимателей. Наш опрос 100 предпринимателей³⁰ выявил, что наибольшее доверие у предпринимателей

²⁸ Социальное положение... С. 54, 60.

²⁹ URL: <https://thebell.io/v-rossii-3-predprinimatelej-eto-namnogo-menshe-chem-v-mire> (дата обращения: 07.09.2021).

³⁰ Было опрошено 100 предпринимателей, три четверти из которых в бизнесе более 5 лет, они в равной степени представляют пять основных должностных позиций в бизнесе: (1) владелец фирмы, который не занимается ее непосредственным управлением; (2) владелец фирмы и одновременно ее директор; (3) наемный директор фирмы; (4) руководитель структурного подразделения фирмы; (5) индивидуальный предприниматель. 80% опрошенных предпринимателей отметили, что получаемый ими доход позволяет жить не испытывая материальных затруднений или этого дохода им хватает для жизни. Заметим, что такую характеристику своего дохода в 2015 г. дали только 50% всего массива опрошенных в рамках мониторинга в России, а в развитых странах Запада подобный доход имеют 80–90% населения (по данным ESS),

вызывают финансовые организации, что свидетельствует о довольно успешном взаимодействии предприятий и финансовой системы поддержки бизнеса и о прозрачности и институциональной определенности этих отношений, 60% респондентов сказали о том, что эти организации помогают ведению их бизнеса. Довольно высок уровень доверия другим фирмам (36%), но государственные институты – властные, правоохранительные, а также средства массовой информации, благотворительные фонды пользуются заметно меньшим доверием (от 24 до 28%). Но самое низкое доверие представители бизнеса испытывают к проверяющим органам (16%), видят в коррупции препятствия для развития своего бизнеса. Местные региональные администрации не оказывают предпринимателям эффективной помощи, хотя, как показывает исследование, при наличии такой помощи бизнес идет более успешно. Но такая помощь доступна не всем и нередко требует материального вознаграждения. В современных российских условиях неформальные личные взаимодействия помогают предпринимателям решить проблемы наиболее оптимальным и простым путем. Цепочки «личных связей» – часто наиболее эффективный путь достижения своих целей. В их числе и коррупционные связи, выстраиваемые в обмен на денежное вознаграждение, материальные ценности и услуги. Изучать реальные размеры и формы коррупции довольно сложно. Тем не менее наш опрос показал, что для 56% опрошенных коррупция является значительным и очень значительным препятствием для бизнеса. Детализация этого вопроса

а не только предприниматели. Основная часть опрошенных предпринимателей – люди с высшим образованием – 68%, со средним профессиональным и средним образованием – по 16%. Это достаточно опытные люди по возрасту: только 20% в возрасте до 35 лет, остальные 80% старше этого возраста – от 36 до 60 лет. В массиве опрошенных присутствуют представители большинства сфер хозяйства: промышленное и сельскохозяйственное производство, оптовая и розничная торговля, услуги населению – бытовые, туристические, бизнес-услуги, транспорт, строительство, здравоохранение. При этом размер организаций колеблется от менее пяти человек до свыше 250. В выборке представлены все размеры населенных пунктов – от столицы до сельской местности и 6 географических регионов: Центральный, Северо-Западный, Поволжский, Южный, Сибирский и Дальний Восток. Опрос проведен ЦЕССИ, под руководством А.В. Андреевской.

выявила, что необходимость делать подарки или доплачивать возникает при общении со многими организациями, с которыми предприятие взаимодействует. На первом месте по упоминанию были полиция, проверяющие органы и муниципальные чиновники. При этом 40% опрошенных признались, что попадали в ситуацию, когда от них ожидали или требовали взятку для решения проблем организации.

Важной характеристикой формируемого слоя предпринимателей является их социальная и профессиональная самоидентификация. В России 83% из них относят себя к среднему слою и к более высоким слоям, среди наемных работников такая самоидентификация встречается реже на 25 п.п. По социально-профессиональной идентификации более 60% предпринимателей отнесли себя к бизнесменам или руководителям. В то же время почти 17% сказали, что они рабочие, работники физического труда (в основном это занятые индивидуальной деятельностью в сфере обслуживания и индивидуального строительства).

За 25 лет перехода к рынку в России сформировалось ядро слоя предпринимателей с устойчивой самоидентификацией, отличной от основной массы наемных работников. В целом слой предпринимателей не только материально лучше обеспечен, но и имеет некоторые существенные особенности менталитета, в том числе в оценках своего социального капитала, доверия к государственным и общественным институтам, по включенности в социальные и профессиональные сети, по оценкам внутренних проблем развития России и т.д. Но организационные связи между предпринимателями еще слабо институционализированы. Большинство респондентов выключены из активной деятельности общественных организаций предпринимателей и относятся к ним настороженно, хотя формально в них включены. Возможно, из-за дополнительной бюрократизации этих объединений и сращивания с местными региональными администрациями.

Многомерный анализ социальной структуризации общества (по данным мониторинга)

Анализ структуризации общества по показателям уровня жизни, профессиональной компетенции и по наличию управленческих функций позволяет представить объем и соотношение в обществе социальных слоев, располагающих различными ресурсами для своего влияния на жизнь общества и на личное развитие.

По данным мониторинга был проведен двухэтапный кластерный анализ работающего населения страны за 2006, 2010 и 2015 гг.³¹ Результаты кластеризации содержатся в табл. 6.

Таблица 6. Социальная стратификация
занятого населения России (% от опрошенных)

Социальный слой	2006	2010	2015
Руководители высокого и среднего уровня (высокостатусные)	11	21	21
Эксперты, специалисты	20	16	22
Реалисты среднеобразованные	39	37	23
Бедные руководители	8	-	-
Новые бедные (образованные)	-	11	-
Новые бедные (среднеобразованные)	23	-	18
Реалисты малообразованные	-	16	16

Все социальные слои, выделенные в 2006, 2010 и 2015 г. можно представить по следующим характеристикам.

«*Руководители высокого и среднего уровня (высокостатусные)*» имеют в большинстве высшее или послевузовское образование, доход на уровне обеспеченных или выше, руководят коллективами или другими работниками.

100% «*экспертов*», или, если говорить более традиционно, «*специалистов*», имеют высшее образование, но у них нет подчиненных, а свой доход они в основном оценивают как «обеспеченные».

³¹ Беляева Л.А. Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социологические исследования. 2005. № 12.

«Реалисты среднеобразованные» – это гетерогенный слой востребованных на рынке труда специалистов в основном со средним специальным образованием, но в их числе небольшая часть – до 15%, имеют незаконченное или законченное высшее образование. Они не имеют подчиненных, их доход в среднем между «необеспеченными» и «обеспеченными».

«Бедные руководители» с основным относятся к среднему и нижнему звену в управлении, имеют меньше подчиненных, чем «высокостатусные», образование в основном среднее специальное (63%), но часть имеет незаконченное высшее.

«Новые бедные (образованные)» – это смешанная группа в основном очень бедного населения (80% относятся к нижнему материальному слою), в которой представлены все образовательные группы, в том числе 30% специалистов с высшим и незаконченным высшим, 42% со средним специальным образованием, не имеющие подчиненных, работающие на плохо оплачиваемых местах, в основном в бюджетной сфере.

«Новые бедные (среднеобразованные)» имеют образование не ниже среднего специального, доход низкий, на уровне бедных и необеспеченных, не имеют подчиненных.

«Реалисты малообразованные» – те, которые сейчас востребованы рынком труда, по своему доходу приближаются к обеспеченным, но при этом их образование не выше среднего общего, заняты в основном не- и малоквалифицированным трудом.

За 2006–2015 гг. происходила восходящая социальная мобильность для лиц, имеющих высшее профессиональное образование, и тех, кто выполняет управленческие функции. Наблюдалась нисходящая социальная мобильность для лиц со средним специальным образованием, некоторые социальные слои показали свою устойчивость. Поэтому композиция слоев в разные годы наблюдений имеет свою определенность.

Как видно в табл. 6, социальная структура общества за последние 10 лет имела следующие черты.

1. Стал устойчивым по своему положению и по численности слой руководителей, практически исчезли руководители с низкими доходами, переместившись в верхний слой. Сейчас среднее

значение дохода этого слоя оценивается в 3,66 балла по 5 балльной шкале (между обеспеченными и зажиточными).

2. Выросла – восстановилась за 10 лет численность экспертов и специалистов, достигнув 22%; они имеют, как правило, высшее образование и достойный доход – на уровне зажиточных или приближающихся к обеспеченным. В этот слой переместились образованные новые бедные, которые в 2010 г. составляли 11% опрошенных.

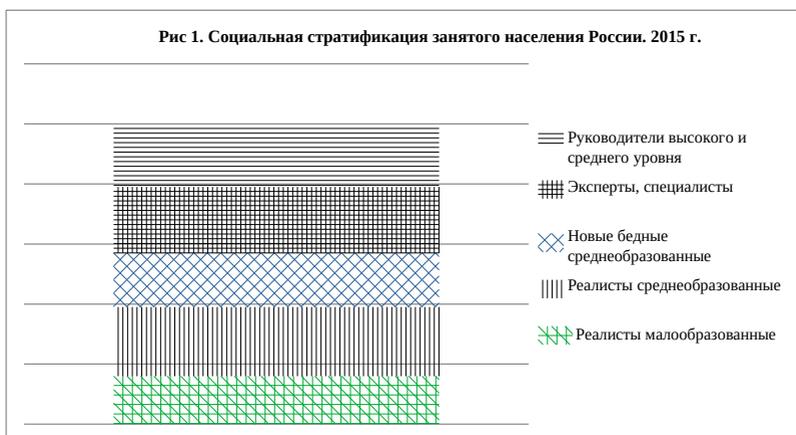
3. Серьезные проблемы возникли сейчас у части реалистов среднеобразованных (их численность сократилась за 5 лет на 14%) – часть из них (обладающих востребованной профессией) смогла удержаться в своем слое, но часть переместилась в слой «среднеобразованных новых бедных». При имеющемся, как правило, среднем специальном образовании, у них уменьшился, по самооценкам, доход до уровня между «бедными» и «нищими». В прошлые волны мониторинга эта группа была стабильно большой (до трети занятого населения), но она оказалась весьма уязвима в условиях кризиса. Ее образовательный ресурс и рабочие места не позволили сохраниться в прежнем объеме.

4. Стабильны реалисты малообразованные (16%) – имея невысокое образование – на уровне средней школы, свой доход они оценивают как приближающийся к обеспеченным. Эта группа малоквалифицированных работников востребована в современной экономике и, по их оценкам, приносит неплохой доход.

Современное состояние социальной структуризации характеризуется умеренной восходящей социальной мобильностью для лиц, располагающих культурным и социальным капиталом, и нисходящей социальной мобильностью для лиц, имеющих образование не выше среднего специального. Именно они стали первыми жертвами длительного экономического спада и низких темпов реиндустриализации экономики. Утрата этим слоем профессионализма и навыков работы в индустриальном секторе, что произошло с разрушением госпредприятий, будет оказывать длительное негативное воздействие на состояние рынка труда в России. Уже сейчас на многих предприятиях, особенно в провинции, главной проблемой на создаваемых или возрождаемых производствах является отсутствие квалифицированных рабочих кадров.

Высшее образование остается в обществе главным средством, которое держит человека на плаву, обеспечивая довольно высокий социальный статус и доход. Вместе с тем российское общество продолжает оставаться обществом работников физического труда – более половины в нем составляют лица со среднеспециальным и более низким образованием, со средними и низкими доходами, большинство из которых заняты физическим трудом. Последние слои наиболее уязвимы в социальном отношении, и именно им должна бы дать устойчивость и развитие новая индустриализация России.

Социальная стратификация занятого населения России по данным 7-й волны мониторинга (2015 г.) представлена на рис. 3.

Можно сравнить данные мониторинга с данными Европейского социального исследования (ESS), в котором участвует Россия. В России, как и в восточно-европейских странах, в социально-профессиональной структуре преобладает рабочий класс, или «синие воротнички». Они составляют примерно 50% занятого населения. «Белые воротнички» (верхний и нижний слои управленцев и специалисты) занимают в этих странах в среднем четверть населения. При этом в России доля мелких и средних предпринимателей и самозанятых одна из самых низких по сравнению с восточноевропейскими странами. «Серые воротнички» – работники

сектора услуг – составляют довольно внушительную часть российского населения – 20%. В этом свидетельство постепенного развития в нашем обществе третичного сектора, в который переместились в период кризиса работники других отраслей, сменив свою профессиональную квалификацию.

В сравнении с наиболее развитыми западными странами, находящимися на постиндустриальном этапе развития, структура населения в России соответствует индустриальному этапу развития экономики. У нас значительно меньше «белых воротничков», работников сферы обслуживания, мелких и средних предпринимателей. Но на 20–25% больше рабочих. А это в большинстве своем и есть «реалисты», о которых было сказано ранее. Так структура населения четко показывает, что группа развитых стран Западной Европы наиболее продвинулась от модели индустриального общества к постиндустриальному, в то время как в постсоветской России занятость населения соответствует индустриальному периоду, но при этом созданная в советское время индустриальная модель сильно деформирована, высвободив работников для сектора услуг. Возникает закономерный вопрос – насколько развитие цифровой экономики может изменить социально-профессиональную структуру общества, возникнет ли избыток рабочей силы или, как сейчас, будут формироваться чартерные авиа- и железнодорожные рейсы для рабочих из ближнего зарубежья?

В современном обществе качество рабочей силы и ее культурный потенциал характеризуются уровнем профессионализации, поскольку возрастающая специализация экономических ролей и кластеров экономической деятельности – это один из признаков экономической модернизации. Замечу в связи с этим, что в постиндустриальных обществах Запада до 84% взрослого населения (Великобритания, Германия) получили профессиональное образование, тогда как в России только 63%³². В постиндустриальной модели социально-профессиональные позиции занятых смещены в сторону экономики услуг, повышенной роли работников

³² Россия в Европе. По материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование» / Под общ. ред. А.В. Андреевской и Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. С. 69.

науки и образования, расширения влияния на экономическое развитие квалифицированных профессиональных менеджеров и специалистов. Соответственно этому в развитых западных странах обеспечивается высокий уровень ВВП на душу населения, сформировано относительно высокое качество жизни, обеспеченное разного рода услугами, которые стали доступны большинству населения.

Особое место в процессах структуризации российского общества занимает средний класс, который, как все общество, подвержен влиянию социально-экономических процессов, то расширяясь, то сжимаясь и при этом демонстрируя изменение своего социального самочувствия.

«Средний класс» как элемент структуризации российского общества

Сегодня проблемы формирования среднего класса в отечественной социальной литературе отошли на второй или даже третий план, будучи вытеснены другими, более острыми проблемами. Это объясняется тем, что в реальной жизни российского общества средний класс еще не стал тем стабилизатором и доминирующей в количественном отношении группой, на которые рассчитывали и исследователи, и практики в начале реформ в России. Динамику становления среднего класса в постсоветский период можно проанализировать с использованием данных всероссийского мониторинга ЦИСИ. На этих данных построена методика его анализа в данной книге.

В постсоветской России первое внимание к проблеме среднего класса можно зафиксировать в начале 90-х гг. XX в., когда обществоведы начали изучать новые явления в структуризации российского общества и появились первые статьи по этой тематике³³.

³³ Стариков Е. «Угрожает» ли нам появление «среднего класса» // Знамя. 1990. № 10. С. 192–196; Беляева Л.А. «Средний слой» в советском обществе: перспективы формирования // Социально-политические науки. 1991. № 10. С. 3–10; Рыбкина Р.В. Эксперты о среднем классе в России // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. Информационный

Далее интерес умеренно нарастал, чтобы на рубеже веков оформиться в нескольких монографиях и многочисленных статьях³⁴. Синхронно расширялось проблемное поле исследований: было признано, что средний класс не ограничивается малыми и средними предпринимателями, началось изучение его состава, близких социальных слоев: структура сознания, стандарты потребления, стратегии адаптации, возможности конкурентного поведения на мировых рынках, политические предпочтения, этические воззрения среднего класса и т.д. Большинство исследователей склонялось к утверждению, что у нас, как и в развитых странах с рыночной экономикой, средний класс должен стать наиболее привилегированной группой наемных работников, и главные ресурсы среднего

-
- бюллетень. 1993. № 6. С. 19–22; Умов В.И. Российский средний класс: социальная реальность и политический фактор // Полис. 1993. № 4; Кивинен М. Перспективы среднего класса в России // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 134–142; Пантин В.И. Средний класс в России в зеркале социологии // Власть. 1995. № 4.
- ³⁴ Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 1996. С. 430–468; Радаев В.В. Средние слои населения России: стратегия сбережений // Российские общественные науки: новая перспектива. 1996. Вып. 7. С. 36–55; Журавлева Л.Ю. Средний слой российского общества: социально-экономические основы, источники и проблемы формирования. М., 1996. С. 61–66; Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о «среднем классе» российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 3–22; Левада Ю.А. «Средний человек»: фикция или реальность // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информ. бюллетень. 1998. № 2. С. 7–12; Чешков М.А. Гражданское общество и средний класс: Мировой опыт и проблемы России / Отв. ред. В.Г. Хорос. М., 1998. С. 272–284; Средний класс в современном российском обществе. М., 1999; Хахулина Л. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 5. С. 34–40; Средний класс в России: количественные и качественные оценки М., 2000; Бакштановский В., Согмонов Ю. Этос среднего класса. Тюмень, 2000; Белыева Л.А. Социальная стратификация и средний класс: десять лет постсоветского развития. М., 2001. С. 129–177; Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002. С. 468–494; Аврамова Е.М., Александрова О.А. Конкурентные позиции российского среднего класса в глобализирующемся мире // Россия в глобализирующемся мире. Стратегия конкурентоспособности. М., 2005. С. 263–278.

класса все более будут связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями. Последнее утверждение становится все более справедливым в условиях развития цифровой экономики и глобализации экономических процессов.

В то же время некоторые авторы рассматривают средний класс как идеологическую мифологию, описывающую, к чему должно стремиться общество, чтобы уходить от бедности, неравенства и стагнации. Для этих авторов социальный портрет среднего класса – это «идеологизированный образ будущих членов общества, как их хотелось бы видеть с определенных ценностных позиций»³⁵. Отдельные авторы делают акцент на том, что по своему составу средний класс представляет конгломерат разных профессиональных групп, стилей жизни, ценностных ориентаций, политических предпочтений. То есть речь не идет о классе в марксистском понимании, а несогласие с марксизмом становится главным аргументом в споре с исследователями, которые изучают средний класс с использованием других подходов. Исследование среднего класса осуществляется большинством социологов в социально-слоевой парадигме, эмпирическая составляющая которых включает анализ и тех слоев, которые располагаются ниже и выше среднего класса.

Средний класс не просто идеологическая мифология, как, например, миф о том, что всех можно сделать богатыми и равными, это – реальная социальная группа, которая обладает близкими социальными позициями и ресурсами для своего развития и активного участия в жизни общества. В современных обществах повышается спрос на профессионально подготовленных работников, обладающих востребованными трудовыми навыками, развитой трудовой мотивацией и получающих от государства или частного бизнеса адекватное материальное вознаграждение. Модернизация, рыночная экономика и демократия – три условия, дающих возможность реализовать свой потенциал активным, мотивированным на материальный и социальный успех работникам,

³⁵ Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / Под ред. Т.М. Малеевой. М., 2003. С. 16–17.

имеющим для его достижения востребованные в обществе профессиональные навыки.

Для изучения среднего класса важно выделить и операционализировать его основные признаки, отличающие его от остального общества. Мы выделили три основных признака – материальные ресурсы, культурный капитал и социальный статус. Эти признаки помогают сконструировать социальную группу активного, профессионально подготовленного и относительно материально обеспеченного населения, которая наряду с элитной и предэлитной частью общества становится актором социального и экономического развития России. Отличают средний класс от других групп темпы и способы формирования, которые могут при благоприятных условиях превратить его в наиболее многочисленный класс общества.

Самым дискуссионным вопросом является определение признаков, по которым выделяется средний класс. Сейчас в российских исследованиях можно встретить разные на этот счет позиции. Самой распространенной является выделение так называемого субъективного среднего класса на основе самоидентификации³⁶. Другой подход – выделение среднего класса в результате приписывания ему некоторых функций этой страты, например уплата государству налогов и контроль за их использованием, роль в процессах вертикальной мобильности в обществе³⁷. З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян отнесли к среднему слою тех, кто занимает срединное положение в социальной вертикали по следующим позициям: (1) качество семейного бюджета, (2) общая удовлетворенность материальным положением, (3) самоидентификация³⁸. Авторы не называют выделяемый слой средним классом, видимо, понимая, что они отдают приоритет материальным характеристикам респондентов. В то время как для среднего класса важно не только,

³⁶ Хахулина Л. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1999. № 5. С. 34–40.

³⁷ Аврамова Е.М. Появился ли в России средний класс? // Средний класс в современном российском обществе. М., 1999. С. 21–30.

³⁸ Социальное расслоение и социальная мобильность / Отв. ред. З.Т. Голенкова. М., 1999. С. 42–43.

как он живет материально, но и почему он так живет, имеет и использует ли он свой культурный капитал для достижения такого уровня жизни.

Авторский коллектив под руководством Т.М. Малеевой выделил на основе трех баз эмпирических данных: RLMS, ИСЭПН РАН и ВЦИОМ – следующие признаки среднего класса: уровень доходной обеспеченности, измеренный величиной доходов, владение недвижимостью, имущественную обеспеченность; профессионально-квалификационный статус; признаки успешного экономического поведения в условиях рыночной экономики. Каждый из признаков оснащен обширным перечнем показателей, что делает довольно расширительной трактовку среднего класса. Авторы проделали основательный анализ групп, которые они называют средними классами при наличии одного из признаков, но в конечном итоге пришли к правильному выводу: для выделения среднего класса необходим интегральный критерий, охватывающий все характерные (класса) признаки³⁹.

В книге О.И. Шкаратана и В.И. Ильина, посвященной социальной стратификации, средний класс выделялся по аналогичным критериям. Оказалось, что численность среднего класса составляла в 2002 г. 15,5% опрошенных. При добавлении четвертого критерия – «качество жизни», который включал экономическую компоненту – использование платных медицинских и образовательных услуг и социокультурную компоненту – наличие домашней библиотеки, предметов искусства, характер проведения досуга, средний класс объемлет менее 7% опрошенных⁴⁰. Очевидно, что дальнейшее расширение критериев еще более суживает численность среднего класса.

Как видим, относительно существования в российском обществе среднего класса дискуссии у специалистов не возникают, основной предмет спора – критерии его выделения и количественные характеристики.

³⁹ Средний класс в России: количественные и качественные оценки / Колл. авторов под рук. Т.М. Малеевой. М., 2000. С. 84–86, 142–144, 226, 236, 269.

⁴⁰ Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М., 2006. С. 199–200.

По данным мониторинга, самоидентификация респондентов относительно пяти слоев в 1998–2015 гг. показала значительные изменения доли населения, относящего себя к среднему слою, или, как его иногда называют, «субъективному среднему классу» (табл. 7). Его вес составил в 2015 г. немного более половины населения, сократившись на 10% по сравнению с 2010 г.

Таблица 7. Как Вы думаете, к какому слою общества Вы принадлежите? (в %)

	1998	2002	2006	2010	2015
Высший слой	0,2	0,7	0,3	0,5	3
Слой выше среднего	4	4	4	7	6
Средний слой	49	49	54	62	52
Слой ниже среднего	25	32	25	20	22
Низший слой	12	8	10	7	11
Не знаю, отказ от ответа	10	6	7	4	7

Одновременно сформировалась довольно устойчивая самоидентификация двух слоев выше среднего – она приближается к 10% занятого населения, выросли слои, расположенные ниже среднего слоя – на 7% по сравнению с 2010 г., составив в совокупности 40% населения.

Самоидентификация со средним слоем не дает основания считать, что мы имеем дело со средним классом общества. Средний класс должен обладать развитым человеческим капиталом, способным обеспечивать прогресс общества и в то же время стабилизировать социальный порядок и придавать устойчивость общественным отношениям. Уровень жизни среднего класса обеспечивает ему получение социально приемлемого объема материальных и культурных благ, социальных услуг. Его качество жизни в России в процессе модернизации общества должно постепенно приближаться к уровню среднего класса развитых обществ.

Для выделения среднего класса, на мой взгляд, можно использовать три основных критерия, о которых было сказано выше, – материальные ресурсы, культурный капитал и социальный статус. Их достаточно, чтобы определить основные размеры

и параметры этой группы, а также проанализировать другие характеристики, производные от этих трех критериев. Стабильность используемых критериев в мониторинговом исследовании позволяет проследить динамику изменения численности и характеристик среднего класса. Разумеется, если в исследовании был применен единый инструментарий и массивы эмпирической информации сопоставимы.

Такие условия были соблюдены при анализе среднего класса на материалах всероссийского мониторинга, проводимого ЦИСИ ИФ РАН. В 1998, 2002, 2006, 2010, 2015 гг. для выделения в общем массиве респондентов среднего класса строго использовалась описанная единая методика и постоянно отслеживался большой спектр социальных характеристик среднего класса: объективные признаки, отношение к реформам, социальное самочувствие, политические предпочтения и т.д.

Исследование показало, что в России в середине 1990-х гг. можно было выделить во взрослом населении социальный слой, который располагался между элитной, самой богатой частью общества и основной массой населения. Для определения границ и численности среднего класса в России были операционализированы три критерия: социальная самоидентификация, материальная обеспеченность и статус профессионала, который дает специальное образование (высшее и среднее). Пересечение этих признаков позволило впервые в 1998 г. выделить в репрезентативном общероссийском массиве слой в 9,4%, который был идентифицирован как средний класс⁴¹. Оказалось, что этот слой обладает признаками, свидетельствующими о его активном экономическом поведении, трудовой мотивации и ценностных характеристиках как сторонника рыночного и демократического пути развития страны. Применение Е.М. Аврамовой и О.А. Александровой аналогичной методики также привело к выводу, что в идентификационное пространство среднего класса попадает менее 10% взрослого населения страны. При этом авторы сделали важное наблюдение,

⁴¹ *Беляева Л.А.* В поисках среднего класса в России // Социол. Исслед. 1999. № 7; *Беляева Л.А.* Критерии выделения российского среднего класса // Средний класс в современном российском обществе. М., 1999. С. 7-16.

что еще 20% респондентов обладают двумя из трех признаков и составляют потенциальное поле среднего класса в России⁴².

Наши последующие исследования изменения численности среднего класса показали, что его рост, сначала небольшой, в начале XXI в. был ускорен экономическим подъемом, развитием третичного сектора (услуг) и распространением информационных технологий.

В 2002 г. средний класс увеличился до 14%, и это дало мне основание осторожно сказать, что рост на 1% в год при непростых условиях развития – это неплохой результат для нашей страны, но все же общая численность среднего класса явно недостаточна, чтобы он был надежным стабилизатором общества и двигателем развития⁴³. Затем рост резко ускорился, и в 2006 г., всего за 4 года, численность среднего класса увеличилась до 22%. Этому способствовали несколько обстоятельств: начавшийся экономический подъем, адаптация занятых в экономике к новым условиям трудовой деятельности, превращение частного сектора в неотъемлемый и увеличивающийся сегмент российской экономики, расширение сферы применения информационных технологий, изменение трудовой мотивации и ценностных представлений молодых, средних и частично пожилых возрастных когорт. Динамика численности среднего класса отражена на рис. 4.

В 2015 г. наблюдается снижение численности среднего класса по сравнению с 2010 г. на 4%. Основные факторы снижения – сокращение численности лиц, идентифицирующих себя со средним классом, и снижение уровня доходов по сравнению с 2010 г. При этом уровень образования вырос за счет увеличения в составе лиц с высшим образованием.

⁴² Аврамова Е.М., Александрова О.А. Конкурентные позиции российского среднего класса в глобализирующемся мире // Россия в глобализирующемся мире. Стратегия конкурентоспособности. М., 2005. С. 263–278.

⁴³ Беляева Л.А. Социальная стратификация и средний класс в России на рубеже веков // Вестник РГНФ. 2003. № 1. С. 107–115.

Изменилось рассредоточение среднего класса по типам поселений: снизилась его доля в крупных городах, выросла в средних, осталась незначительной, хотя несколько и увеличилась, в малых городах. Новое явление – увеличение среднего класса в сельской местности. Но анализ по профессиональному составу не позволяет сказать, что это работники сельского хозяйства, здесь сказывается маятниковая миграция и новая система расселения жителей, работающих в городах, но переселившихся в пригороды и в сельскую местность.

Сегодня больше половины (57%) среднего класса работает на частных и акционерных предприятиях без участия государства, или являются самозанятыми, 22% работают в органах управления или в бюджетных организациях. По возрастным признакам средний класс отличается от всего населения – в нем преобладают наиболее активные возрастные группы – до 45 лет.

Внутренне средний класс неоднороден, прежде всего из-за различий в уровне доходов. Около одной четверти среднего класса можно отнести к верхнему слою в его составе. Он более молодой и более образованный, живет преимущественно в столице,

городах-миллионниках и в крупных городах с населением более 500 тыс. человек. Интересно, что в составе верхнего среднего класса много тех, кто только получает высшее образование и одновременно работает. Очень часто современный студент престижных вузов, особенно в больших городах, – желанный сотрудник многих частных, информационных развивающихся компаний, в том числе зарубежных, которые рекрутируют из студентов свой кадровый состав. Все большее распространение получает практика владения студентами виртуальными бизнесами. Значительна доля в верхнем слое среднего класса тех, кто располагает властным ресурсом – имеет на работе подчиненных или владеет фирмой. В нижнем слое сосредоточены преимущественно наемные работники. Таковы объективные признаки российского среднего класса.

Если же сравнивать жизненные ориентиры, стратегии экономического поведения, социальное самочувствие среднего класса с остальным обществом, то контрасты до периода, когда мир охватила пандемия, просто разительны. Уверенность в будущем, оценки ближайшего года, удовлетворенность жизнью, материальным положением у среднего класса по сравнению со всем массивом опрошенных значительно выше. Средний класс сохраняет больший оптимизм, чем остальное общество, легче преодолевает экономические кризисы, чаще выбирает активные стратегии сохранения или улучшения своего материального положения. Он меньше рассчитывает на помощь государства и чаще высказывается за самостоятельность частного сектора, против вмешательства государства в его деятельность. В менталитете среднего класса устойчиво сохраняются и даже постепенно увеличиваются ценности самостоятельности, автономности, свободы. Почти 100% средних надеются на себя в улучшении своей жизни и используют активистские стратегии поведения.

Средний класс является большим сторонником свободы, чем остальное общество. Разница составляла в разные годы мониторинга от 6 до 12 процентных пункта. Но и претензии к государству как гаранту личной безопасности беспокоят около 50% среднего класса, как и остального населения, близки к этим значениям и данные по различным социальным слоям. Не думаю, что следует видеть в этих данных стремление к «твердой руке», склонность

к «этатизму», скорее, это надежда на то, что можно совместить свободу и безопасность, если будут эффективно исполняться государственные функции. Но по многим проблемам развития общества средний класс близок с остальными группами, в частности в оценках доверия между людьми, низком уровне доверия государственным институтам, прежде всего политическим партиям и правоохранительным органам.

Средний класс, в котором значительную долю составляют мелкие и средние предприниматели, а также работники негосударственных предприятий, претерпел значительные потери в результате двухлетней пандемии 2020–2021 гг. Можно даже рискнуть сказать, что он был в определенной мере разрушен. Только за первый год его численность сократилась на 6%, видимо, второй год принес такие же или еще большие потери. Сокращение происходит за счет уменьшения или потери дохода из-за закрытия предприятий или простоев, уменьшения числа клиентов в сфере обслуживания. Расчеты специалистов ВШЭ показали, что в первый год пандемии 8,7% представителей среднего класса потеряли работу, 3,9% оказались в простое с сохранением трудового дохода на уровне не выше минимального размера оплаты труда. Таким образом значительная часть среднего класса перешла в категорию бедных⁴⁴.

Возможно ли восстановление среднего класса хотя бы в том объеме, каким он был до пандемии? Думается, основная часть малых и средних предпринимателей восстановят свой бизнес – те, кто привык к самостоятельности и научился брать на себя ответственность за свое дело, в большинстве не хотят быть наемными работниками. С оживлением экономики и ростом потребительской активности населения начнут расти розничные продажи и услуги, а значит, и доходы предпринимателей. Хорошее образование представителей среднего класса ставит их в более выгодное положение на рынке труда, позволяет занять более успешные позиции и для профессионально подготовленных наемных работников при выходе экономики из кризиса.

⁴⁴ URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/09/2020/5f6dde659a79477e5967a9e9> (дата обращения: 15.09.2021).

Активные, образованные и мотивированные к эффективному труду группы населения, представленные средним классом, это продукт развития России за последние три десятилетия. Нельзя недооценивать тот потенциал, который был накоплен средним классом за эти годы. Многие его представители имеют и негативный опыт вписывания в рыночные отношения – участие в коррупции, включения в неформальные экономические отношения и т.д., но они действуют в той институциональной среде, которая существует в России, а эта среда далека от западных стандартов. Так, по данным мониторинга, каждый четвертый представитель среднего класса за последний год сталкивался с вымогательством, взятками, коррупцией.

Стагнация и даже сокращение численности среднего класса в период до пандемии свидетельствует не только о воздействии кризиса, но и об исчерпанности резервов его роста в том русле развития, в котором двигалась Россия. И это серьезный социокультурный вызов для российского цивилизационного развития. Рост численности и улучшение социального самочувствия среднего класса, получение ясных сигналов от власти, что институциональные условия его деятельности будут улучшаться, является необходимым условием стабильного развития страны. Культивирование и поддержка его экономических и социальных ролей в обществе должны стать одной из целей общероссийской и региональной социальной политики. Тогда в обществе все более будут развиваться черты современного общества. Утверждение А.Тойнби о том, что современная западная цивилизация – это прежде всего цивилизация среднего класса⁴⁵, подтверждается не только опытом развитых стран мира, но и странами второго эшелона развития, интегрировавшимися в мировую экономику не в качестве сырьевых придатков, а в качестве полноценных участников мирового рынка.

⁴⁵ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

Российская молодежь – новые ориентиры жизнедеятельности

Перспективным и недостаточно изученным объектом в структуре современного российского общества является молодежь, которая активно осваивает новые социальные практики, демонстрирует новые модели поведения и новые ценностные ориентиры. Сегодня, как никогда ранее, возникает разрыв молодежи и взрослого населения в осваивании достижений новых цифровых технологий, новых форм коммуникаций внутри страны и со всем миром и поведенческих гендерных стандартов. Как социальный субъект молодежь сейчас отличается от других возрастных когорт, и, очевидно, она будет в значительной степени определять направление и темп цивилизационного развития страны, отвечая на идущие извне от иных субъектов – от властных структур, от старших поколений и от общества в целом – импульсы своей поддержкой, апатией или сопротивлением (латентным или эксплицитным). Поэтому внимание к жизнедеятельности молодежи является попыткой узнать о ее социальных настроениях, ее месте в материальной и социальной стратификации, изменениях в ценностных ориентациях и моделях социокультурного поведения. По сути, это намерение узнать место молодежи в структуре современного российского общества, а в практическом плане – найти середину в отношениях между молодежью и остальным обществом, реализовать принцип комплементарности или, как пишет А.П. Давыдов, идею «субъектности “середины” как социокультурного межсубъектного, третьего смыслового и социального пространства, альтернативного исходным смыслам субъектов – объектов»⁴⁶.

В настоящее время проблемы молодежи и, шире, проблемы поколений, их смены, передача опыта и приобретение новых ценностных ориентиров стали одними из самых актуальных для сохранения целостности общества как системы и стимулирования

⁴⁶ Давыдов А.П. Методологическая «середина» как инструмент изучения социальной реальности // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2020. Вып. 18. С. 534.

его развития. Настораживают некоторые неблагоприятные структурные тенденции, характеризующие изменение места молодежи в российском обществе. С начала XXI в. по настоящее время численность молодежи в возрасте 15–29 лет сократилась в России почти на 10 млн человек, или на 7% от населения страны. Это определяет в перспективе тревожный уровень демографической нагрузки. К 2035 г. по среднему прогнозу Росстата на каждую тысячу лиц трудоспособного возраста будет приходиться по 834 нетрудоспособных, но уже и сейчас этот коэффициент равен 804⁴⁷. Такие количественные пропорции заставляют все с большим опасением всматриваться в будущее, внимательно анализировать современное положение молодежи в России, тенденции ее социализации, включенности в образовательную систему, участие в общественном производстве и ее влияние на ценностно-нормативную систему общества, которая все больше будет определяться теми поколениями, которые сейчас пока относятся к молодежи.

Сосредоточу свое внимание на трех наиболее актуальных блоках проблем, с которыми сталкивается современная молодежь, а с ней и все общество. Во-первых, это проблемы социальной стратификации и социальной мобильности молодежи. Во-вторых, положение и поведение молодежи на рынке труда в связи с его противоречивыми изменениями и появлением новых форм занятости. В-третьих, изменения в ценностных ориентациях, моделях социокультурного поведения молодежи. Исследование опирается на данные официальной статистики, результаты авторских эмпирических социологических исследований и «большие данные» Европейского социального исследования (ESS), в котором принимает участие Россия.

Молодежь и внутримолодежные поколения

Точную характеристику группы общества, которая может быть названа молодежью, сформулировал Карл Манхейм на основе выделения ее социальных функций.

⁴⁷ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019. С. 46.

Молодежь – это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность... Особая функция молодежи состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам⁴⁸.

Манхейм определяет молодежь через ее функции как двигателя инновационного развития общества, но при этом не упоминает о возрастных характеристиках, возрастных границах молодежи, что в данном определении принципиально не важно, тем более что эти границы подвижны и имеют свои пределы в зависимости от исторических этапов, проживаемых обществом.

Другой – социокультурный подход демонстрирует Игорь Кон, сформулировав такое определение молодежи, которое по своему существу не утратило актуальности и в настоящее время:

Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла, биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанные с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации⁴⁹.

Здесь молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, представляющая определенный социокультурный тип, обладающий общей системой ценностей, стандартами поведения, субкультурой. Но со времени этого определения прошли десятилетия, произошли кардинальные изменения в обществе, особенно под влиянием современных информационных процессов. Сейчас молодежь образует несколько социокультурных типов, которые можно классифицировать как поколения современной молодежи.

⁴⁸ Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Пер. с нем и англ. М.: РАО Говорящая книга, 2010.

⁴⁹ Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1987.

Само понятие «поколение» имеет многозначное толкование. Так, Х. Ортега-и-Гассет считал, что «общность сосуществующих в одном кругу сверстников составляет поколение... понятие поколения изначально объединяет два признака: единство возраста и наличие жизненных контактов». При этом каждое поколение, во-первых, занимает свое место в историческом времени, то есть заявляет о себе в мелодии человеческих поколений точно вслед за другим... а во-вторых, оно обладает своим местом в пространстве. Общность даты рождения и жизненного пространства – исходные признаки поколения. Оба означают глубинную общность судьбы. Такая исходная тождественность судеб порождает вторичные совпадения, образующие единство жизненного стиля сверстников. Мы самой датой рождения прикованы к известной возрастной группе, к известному стилю жизни. Поколение – это целостный жизненный образец или, если хотите, некая мода, налагающая неизгладимый отпечаток на индивидов⁵⁰. Основываясь на градациях жизненного цикла, Ортега устанавливал 15-летний срок смены поколений (от рождения до 15 лет длится детство, от 15 до 30 лет активное включение в жизнь, 30–45 лет – зрелый возраст с выработанным своим собственным стилем жизни, 45–60 лет – это властвующее поколение, занимающее в обществе центральное место, следующее – старше 60 лет, по сути выключившееся из общественной жизни поколение. В современном обществе такая градация поколений имеет методологический смысл, но не все объясняет в смене поколений. Сегодня изменился ритм развития обществ, выросла продолжительность активной трудовой и общественной жизни людей, изменяется характер наследования черт предыдущих поколений последующими.

Следует оговорить, что в центре нашего внимания будут массовые поколения, которые символически называются по крупным общественным событиям, участниками или свидетелями которых они были⁵¹. В данной статье не будут рассматриваться поколения,

⁵⁰ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997. С. 260–261.

⁵¹ Семенова В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2003 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Ин-т социологии РАН, 2003.

связанные с именами интеллектуалов или исторических деятелей (в России это, например, поколение Пушкина, поколение Толстого, поколение декабристов, поколение Екатерины Второй, поколение шестидесятников и т.д.).

Массовые поколения связаны с определенными значимыми историческими событиями и явлениями, которые повлияли на большие группы простого населения, так называемой «массы». Так родились такие определения поколений, как: потерянное поколение – так называли участников Первой мировой войны, вернувшихся с фронта; поколение бэби-бум – это свидетели и участники сексуальной революции; «клубничное» поколение в Китае – родившиеся в стране на подъеме экономического развития при низком уровне рождаемости. Современные авторы выделяют такие массовые поколения в России, сформированные до цифровой эпохи, как поколение скорости, аборигены доцифровой эпохи, поколение эйфории. На фоне многообразных подходов к определению и выделению поколений повышенное внимание сейчас приковано к тем возрастным группам, которые выделяются в соответствии с теорией поколений В. Штрауса и Н. Хау, разработанной на материале истории США⁵².

В изучение поколений в постсоветской России в отечественной литературе выделяются поколения 35–56-летних, или поколение «X», получившее первичную социализацию в советский и перестроечный периоды; поколение «Y», или поколение миллениалов, которое уже вступило сейчас в свою активную фазу жизни (18–35 лет) и получило шутливое название «поколение большого пальца», подчеркивающее выдающиеся способности набирать сообщения на гаджетах большим пальцем одной руки; и приходящее во взрослую жизнь поколение «Z» (от 14 до 18 лет), или «цифровое поколение», проводящее в виртуальной реальности большую часть своего времени. Характерно, что выделение поколений молодежи связывается сегодня со знаковыми событиями в мире цифровых технологий и развитием компьютерных сетей.

⁵² Howe N., Strauss W. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow &, 1991.

Верхняя возрастная граница молодежи часто ограничивается 30 годами, когда для большинства молодых людей окончательно определяется профессиональный путь, заканчивается образование, создаются собственные семьи. Но вместе с тем имеются тенденции к расширению этой границы, поскольку многие молодежные роли продолжают массово исполняться и в более позднем возрасте, поиски своего места в жизни для некоторых молодых людей продолжают, как часто и продолжается образование. В нашем последнем исследовании объектом изучения стали две когорты городского молодого населения России, которые можно отнести к «взрослым» молодым: 18–24 и 25–34 года. Верхняя граница возраста может показаться завышенной, но нужно учесть, что продолжительность жизни населения выросла, соответственно изменилось соотношение периодов жизненного цикла, сроки учебы и самоопределение в профессии стали более продолжительными, а также сейчас создание семьи часто отодвигается на более зрелый возраст. Таким образом, в расчет брался *социальный* возраст молодежи – освоенность респондентами социальных ролей. Объединяет обе выделенные когорты то, что они прошли вторичную социализацию уже в постсоветский период, для них информационные технологии стали главными средствами социализации, развития, обучения и общения.

Нижняя возрастная граница молодежи также подвижна и колеблется у разных исследователей в диапазоне 14–18 лет. Есть исследовательская практика разделения молодежи на внутренние возрастные группы, например выделяют группы подростков от 14 до 18 лет, молодежи 18–24 года, «молодых взрослых» 25–29 лет, другие градации, в том числе доходящие в верхних границах до 35 лет. Выделение возрастных границ не принципиально для нашего анализа, более значима возможность сравнения групп между собой внутри страны и в международном контексте с использованием данных массовых обследований и статистики.

Молодежная социальная пирамида

Для современного этапа развития российского общества можно выделить три ведущих критерия, определяющих положение молодого человека в российском обществе: материальный уровень жизни, образование и место проживания. Все три критерия дифференцируют не только саму молодежь, но и проецируют на нее стратификацию семей и региональных сообществ, где проживал или проживает молодой человек. Наследственный и территориальный факторы все в большей мере оказывают влияние на его место в обществе. Относительная социальная однородность при социализме сменилась глубоким расслоением, и это не могло не сказаться на социальном положении молодежи. Система критериев, или статусных индикаторов, по которым определяется положение индивида или группы в социальной иерархии, значительно усложнилась⁵³. Материальная дифференциация и социальный статус взрослого населения отразились на материальном и социальном положении представителей молодежи из разных доходных и социальных слоев, открыли перед ними разные каналы социальной мобильности. Проблема обостряется наличием глубоких различий между регионами⁵⁴.

В силу возраста и большего оптимизма – атрибутивного свойства молодежи, материальный уровень своих семей молодые люди оценивают более высоко, чем взрослые респонденты. Но и среди тех, кому еще нет 25 лет, 33% говорят, что на доход их семей жить трудно или очень трудно, при взрослении уровень оценок еще больше снижается, достигая в группе 25–34 лет 43%, в старшей возрастной группе – более 60 лет – такой уровень дохода фиксируют 59%.

Чтобы сопоставить самооценку уровня материального обеспечения молодежи в России и в странах Европы, приведем данные международного исследования (ESS), выделив из всего массива

⁵³ Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и в современной России // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 5–28.

⁵⁴ Беляева Л.А. Региональная разнородность уровня жизни населения // *Мир России. Социология. Этнология*. 2006. Т. 15. № 2. С. 42–61.

данные по наиболее типичным странам разного уровня развития. Страны для сравнения данных выбраны в зависимости от длительности их существования в рыночной системе хозяйства, уровня развитости экономик и географического фактора. Это страны бывшего социалистического лагеря (Польша и Чехия), юга Европы (Испания), центральной (Германия) и северной Европы (Швеция). Отсутствие материальных затруднений отметила примерно половина молодых россиян, но в других европейских странах благополучных молодых людей значительно больше: до 90% в Польше, Германии и Швеции, около 70% в Испании и Чехии. Нельзя не сказать, что недостаточность дохода негативно сказывается не только на уровне и качестве жизни, но и на перспективах получения хорошего образования в группе 15–24-летних, а также на жизнедеятельности молодых людей 25–35 лет, особенно если у них уже есть дети. Нелишне вспомнить утверждение П. Сорокина: «накопление богатств – один из самых простых и действенных способов социального продвижения»⁵⁵.

По данным ESS и другим исследованиям, наибольшую долю людей, не имеющих в жизни материальных затруднений, составляют в России предприниматели. Можно с уверенностью предположить, что этот слой имеет лучшие материальные возможности дать детям качественное образование, в том числе за границей. Это же заключение можно распространить на управленческую и культурную элиту. Несмотря на имеющиеся трудности в развитии бизнеса, многие предприниматели готовы передать свое дело детям и намерены их к этому готовить, в частности обеспечивая для них получение хорошего образования. Влияние социально-экономического статуса семьи на выбор образовательной и профессиональной стратегии молодым человеком очень значительно и состоит в основном в личной поддержке стремления достичь определенного статуса и теми преимуществами – материальными и социальными, которыми обладает семья для реализации такого выбора. Здесь можно отметить решающее положительное влияние того культурного капитала, который был накоплен поколениями родителей в советский период, на формирование культурного ка-

⁵⁵ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. С. 315.

питала современной молодежи. Престиж образования даже в постсоветские десятилетия резкого снижения уровня жизни специалистов и сокращения рынка интеллектуального труда не повлиял на сокращение желания семей дать детям высшее образование. Хотя качество образования в вузах повсеместно снижалось и часто пребывание в вузе рассматривалось как этап социализации молодого человека, а не приобретение востребованной профессии. Выходцы из родительских семей, в которых один или два родителя имеют высшее образование, с большой вероятностью пополняют слой специалистов, молодежь из рабочих семей получает, как правило, среднее профессиональное образование и занимает рабочие места. А дети управленцев практически все оканчивают вузы⁵⁶. Прослеживается устойчивая тенденция перехода в средний класс молодежи, чьи родители также были «средними». Можно прибегнуть к образному заключению П. Сорокина относительно вертикальной социальной мобильности. Правда, Сорокин говорит о школьном образовании, а мы имеем в виду ситуацию с высшим образованием.

В обществах, где школы доступны всем его членам, школьная система представляет собой «социальный лифт», движущийся с самого низа общества до самых верхов. В обществах, где привилегированные школы доступны только высшим слоям населения, школьная система представляет собой лифт, движущийся только по верхним этажам социального здания, перевозящий вверх и вниз только жильцов верхних этажей. Однако даже в таких обществах некоторым индивидам из низших слоев все-таки удавалось проникнуть в этот школьный лифт и благодаря ему возвыситься⁵⁷.

Наблюдается сильная корреляционная связь уровня жизни с местом жительства в разных типах населенных пунктов и удаленности от столиц и больших городов. В 2017 г. в столицах России – Москве и Петербурге – высокодоходные слои составляют 51% населения, в центрах субъектов РФ – 7%, в районных

⁵⁶ Константиновский Д.Л. Измерение неравенства в образовании // Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018. Вып. 16. С. 171–191.

⁵⁷ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. С. 310.

центрах – 4%, в селах и поселках городского типа – 2%. И обратные пропорции по доле низкодоходных слоев: в столицах 1%, в центрах регионов 22%, в районных центрах – 35%, в селах и поселках городского типа – 45%⁵⁸. Материальный уровень жизни семьи прямо сказывается на материальном и социальном положении молодежи, когда она живет в семье родителей, и косвенно, когда молодой человек живет отдельно от родительской семьи или имеет свою семью и детей. Региональная дифференциация уровня жизни сегодня предопределяет получение молодежью качественного образования и занятие центрального или периферийного места на рынке труда.

Если оценить факторы, влияющие на материальное положение молодежи и их распределение по социальным стратам, то первое место нужно отвести зависимости от материального и социального положения родителей, их образовательного багажа, когда молодой человек наследует от них определенные материальные и социальные ресурсы, условно говоря, экономический, социальный и культурный капитал. Второе место занимает локализация места проживания молодого человека, его близость к центрам развития, где имеются учебные заведения, дающие востребованную профессию и квалификацию, и предлагаются качественные рабочие места. Третья группа факторов – уровень полученного самим молодым человеком образования, качество его социализации, умение адаптироваться к социальной среде, стать социально активным человеком в выборе направлений развития. Эта последняя группа факторов зависит от социального и культурного капитала молодого индивида и его окружения, но также от личных социально-психологических характеристик и внутренней мотивации. Можно говорить о множественности последней группы факторов, что делает спорным их однозначную интерпретацию в современных условиях. Сейчас у российской молодежи есть многообразие выбора и мотивов для выстраивания жизненного пути, целый спектр возможностей достижения своих личных

⁵⁸ Модели доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 234.

и общественных целей. Для молодежи уже не предопределен жизненный путь: школа – среднее или высшее профессиональное образование – работа на государственном предприятии или организации. Свобода выбора жизненного пути существует, но она стеснена ограниченностью желаемых, хорошо оплачиваемых рабочих мест и уровнем профессиональной подготовки самой молодежи, а также субъективными качествами, способностями к самоорганизации.

Как показывают опросы, для большинства молодых людей по-прежнему значимо достижение более высокого места в общественной иерархии и хорошего материального положения. Большинство молодежи это рассматривается как достижение личного социального успеха. И хотя понятие социального успеха имеет многоплановую природу, сейчас он сводится часто к получению более высокого места в социальной стратификации и предполагает участие в конкуренции, состязательность, преодоление, победу⁵⁹. Но часть российской молодежи видит свой жизненный путь и личный успех не в продвижении по иерархической лестнице, а отдает свою энергию творчеству, поиску себя в осваивании новых культурных практик, новых локальностей и нового образа жизни. Эти устремления наиболее развиты в младших поколениях молодежи, например в поколении «Z», представители которого часто ищут иные пути самореализации, чем более старшая возрастная группа. Тем не менее для большинства молодежи актуализирована проблема интеграции в современный рынок труда, чтобы занять на нем место, дающее возможность вертикальной социальной мобильности.

Молодежь на рынке труда

Занятие молодежью места в социально стратифицированном обществе в значительной мере определяется тем положением, которое она занимает на рынке труда, и тем, как это положение соотносится с положением взрослых и старших возрастных групп.

⁵⁹ Якутина О.И. Противоречивость социальных практик успеха в современном российском обществе // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 47–52.

Как показывает статистика, доля молодежи в экономике всего за 5 лет – с 2013 по 2018 г. – снизилась в масштабах страны на 2,1%. Одновременно на 2,5% выросла доля занятых в возрасте старше 55 лет⁶⁰. Уменьшение доли молодежи в экономике, безусловно, отрицательно сказывается на инновационном развитии, поскольку молодежь имеет, как правило, лучшую современную подготовку и восприимчивость к новому, к внедрению, в частности, цифровых технологий.

Сегодня доминирующим по численности занятых сектором экономики является сфера услуг, которая и стала основным местом работы для молодежи в последние годы. Молодежь активно занимает рабочие места в торговле, финансовом посредничестве, операциях с недвижимостью и гостинично-ресторанном бизнесе. Она довольно активна в создании собственного бизнеса, самостоятельного дела. В составе самозанятой молодежи большинство составляют люди, имеющие только среднее образование, они самостоятельно работают как строители, водители, мелкие торговцы и производители разнообразных частных услуг.

Деиндустриализация и медленная модернизация экономики обусловили отток молодежи из материального производства и занятие открывшихся рабочих мест в торговле и обслуживании, в том числе в финансовом посредничестве. Сегодня сектор услуг вносит значительный вклад в ВВП страны и обеспечивает широкий спектр предложений для населения. При этом остаются неразвитыми те отрасли экономики, которые составляли индустриальную базу экономического развития страны, но они не являются приоритетными для трудоустройства молодежи. Положение может измениться с внедрением цифровых технологий в производство, обеспечивающее более престижное и интересное, высокооплачиваемое занятие.

Развитие Интернета и глобализация породили новый вид занятости, очень привлекательный для молодежи, – фриланс. Такие виды работ, как создание сайтов, работа с текстами, дизайн и Арт, программирование, аутсорсинг, копирайтинг и т.д., стали, по оценкам, на 20% выполняться в IT секторе фрилансерами, кроме того,

⁶⁰ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019. С. 57.

они получают заказы на разные типы инжиниринга из России и из-за рубежа. Возникли отечественные и международные биржи фриланса, рынок удаленного труда приобрел международный характер. Этот рынок все более популярен у молодежи, имеющей подготовку в сфере цифровых и интернет-технологий. Он привлекателен свободой в самоорганизации труда, возможностью жить в любой точке земного шара при выполнении работ, но вместе с тем он несет угрозы недостаточной социальной защищенности.

Для российской молодежи с невысоким уровнем образования в последние годы стал вынужденно востребован неформальный сектор занятости, в основном в торговле, строительстве, бытовых и частных услугах. В этой группе активно развивается отходничество – работа относительно долгое время вне своего постоянного места жительства. Неформальный сектор стал прибежищем в основном для молодежи с низким образовательным уровнем, к тому же и дополнительное обучение часто не является необходимым для работы в этой сфере, что консервирует невысокий социальный статус молодежи этой группы, препятствует ее социальной мобильности. В молодежной среде активно формируется слой прекариев – людей с неустойчивой занятостью. Они не имеют стабильной работы, у них часто официально не оформленные трудовые отношения, и они не имеют социальных гарантий (оплачиваемых отпусков, больничных и т.п.). Но за счет неформального сектора растет совокупная занятость в стране, удовлетворяется спрос на услуги. По различным оценкам, неформальная занятость в России составляет 20–25%⁶¹. В российских условиях формальный и неформальный сектора существуют не изолированно, а активно взаимодействуют друг с другом.

Помимо лиц с неустойчивой занятостью сложилась особая социальная группа – НЕЕТ-поколение (“Not in Employment, Education or Training”) – молодежь в возрасте 15–29 лет, которая экономически неактивна, не учится и не охвачена профессиональной подготовкой, пассивно потребляет имеющиеся в семье ресурсы. Этот тип молодежи распространен во многих странах мира,

⁶¹ Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова и С. Рощина. М., 2017.

в Европе NEET называют «потерянным поколением», так как отсутствие навыков трудоустройства и повседневного труда приводит к исключению молодых людей из сферы занятости и трудовой социализации. Позже – в 30–40 лет им гораздо сложнее включиться в процесс поиска работы, не имея такого опыта в более раннем возрасте. Обычай совместного проживания с родителями до 30 лет помогает молодым людям пережить экономические невзгоды, но он же делает их инертными и безынициативными даже в относительно благополучные времена. Более того, как показывают наблюдения в странах мира, эта группа молодежи подвержена влиянию наркокартелей и активно вовлекается в наркоторговлю и криминал, из нее рекрутируются активисты цветных революций. Численность NEET-молодежи в возрасте от 20 до 24 лет в странах ЕС колеблется в пределах 10–13%⁶². В России, по оценкам, каждый шестой молодой человек в возрасте 20–29 лет не имеет работы и не учится. Среди этой молодежи много сельских жителей, людей с проблемами здоровья и инвалидов. Как правило, это люди с невысоким образованием. При низкой общей безработице в России до пандемии среди всех безработных молодежь в возрасте до 35 лет составляла 55%⁶³. При этом доля выпускников вузов и средних профессиональных учебных заведений в составе безработных возрастает, достигнув в 2018 г. примерно 20% каждая. Как можно оценить эти тенденции молодежной безработицы? Ответ кроется в региональных особенностях распределения учебных заведений и региональной структуры рынка труда в России, их асимметричном состоянии. Перенасыщенность двух столиц учебными заведениями, привлекательность мегаполисов для молодежи и нежелание уезжать в провинцию, отсутствие там рабочих мест с достойной оплатой труда создают ситуацию, когда молодежь всеми возможными способами стремится остаться в столицах, и, надо отметить, эти города дают такую возможность. После поиска в течение примерно 8 месяцев молодые специалисты, как

⁶² Россия реформирующаяся: ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. Вып. 15. С. 74–77; *Варшавская Е.Я.* Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 40–46.

⁶³ Социальное положение... С. 71.

правило, находят ее, но часто не по специальности, полученной в учебном заведении, пополняют ряды фрилансеров.

Таким образом, российский рынок труда и система образования дифференцируют современную российскую молодежь, предоставляя ей неравные возможности как для получения качественного образования, так и для работы на хорошо оплачиваемых перспективных рабочих местах. В этих условиях необходимы дотации из федерального бюджета для увеличения бесплатных мест в региональных вузах, улучшение качества подготовки в них специалистов и, самое главное, создание рабочих мест в регионах, привлекательных для молодежи. Возможно, это позволит избежать в дальнейшем большого притока молодежи в Москву, Санкт-Петербург, другие крупные центры, сохранить способную молодежь для развития периферийных и депрессивных районов страны.

Политическая социализация молодежи: роль эмоционального компонента

Политическая социализация – это одно из направлений социализации молодежи, процесс усвоения ею политических ценностей и норм, которые транслируются не только со стороны семьи, государственных институтов, но и из общественной среды и среды непосредственного личного и виртуального общения. В России, как и в других вступивших в модернизацию странах, на смену вертикальной трансляции политических знаний, норм и ценностей традиционного общества пришла горизонтальная коммуникация, в которой объект политической социализации вступает в мысленный или реальный диалог со многими носителями норм, ценностей, форм политического сознания и поведения. Он уже не только потребитель политических ценностей и установок, но и сам оказывает влияние на формирование этих качеств у других людей, в том числе у старшего поколения.

Для молодежи отношение к политике находится на периферии ее интересов, для нее особенно значимо то, что личный опыт и реалии повседневной жизни приводят к ощущению собственной незначительности в социально-политическом пространстве

и убежденности в бессмысленности своего политического участия⁶⁴. Как и для других возрастных групп, для молодежи характерен высокий уровень недоверия к органам власти (за исключением Президента страны), к политическим партиям и общественным организациям, созданным при содействии властных структур.

Можно различить два вектора политической социализации молодежи: *позитивный* и *негативный*. Первый вектор основывается на рациональном и эмоциональном отношении к своей стране, ее судьбе, ее гражданам, масштабным событиям и критическим ситуациям, и он может быть основой для политической социализации, вовлечения молодежи в общественные дела и общественные движения. Сегодня этот вектор реализуется молодежью в волонтерстве, самоорганизации для решения экологических проблем, в деятельности некоммерческих организаций, в организации фондов помощи, в социальном предпринимательстве и т.д. Это, можно сказать, базовая политическая деятельность, в которой реализуется политическая функция самоорганизации и самоуправления. Иногда низовые организации граждан способны изменить общее направление политики, повлиять на судьбу отдельных политических деятелей, муниципальных органов власти и управленцев. Но следует отметить недостаточную развитость этой активности молодежи.

Второй вектор – негативный, заключается в политической отстраненности, в ощущении бессилия в изменении ситуации в политической сфере и в стране в целом, в нежелании проявлять какую-то общественную активность. Это то, что можно назвать «аполитичностью» большинства молодежи, ее самоустранением от какой-то активности в общественных делах, организованных сверху мероприятиях, движениях, в отрицательном отношении к инициативам государственных институтов, к участию в местных органах власти. Оба вектора могут присутствовать в причудливых сочетаниях в сознании и деятельности одного актора.

⁶⁴ Щеглов И.А. Политическая социализация в России как теоретико-прикладная проблема // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 47–50.

Как показывают наши исследования, важной составляющей политической социализации молодежи может быть тот эмоциональный образ страны, который фиксируется при опросах населения и, в частности, молодежи. Он формируется в основном как позитивное отношение к Родине (но не к государству): ее природе и естественным природным ресурсам, в тревоге за экологическое состояние и будущее территории проживания; в уважительном отношении к истории страны, гордости за деятельность исторических личностей; в высокой оценке богатства культурного наследия, ее места и признания в мире; в позитивном отношении к таким качествам народа, как его отзывчивость на чужую беду и чувство справедливости. Эти содержательные и эмоциональные оценки отражают доминирующие трактовки патриотизма современной молодежи⁶⁵ и могут рассматриваться как эмоциональная основа ее политической социализации.

Старшая и младшая молодежные группы имеют различия в отношении к политическим реалиям в современной России, которые можно отнести не только к возрастным особенностям, но и к особенностям влияния на них общероссийской и ближайшей социальной среды, а также к воздействию информационного поля. Еще больше такие различия наблюдаются при сравнении молодежи со старшей возрастной группой 45–59 лет.

Для понимания того, насколько типичны такие различия, было проведено сравнение оценок, которые дает молодежь и взрослое население разных стран (Польша, Чехия, Испания, Германия, Швеция). В каждой из стран интерес к политике увеличивается с возрастом респондентов, но в бывших социалистических странах (особенно в Чехии) и в Испании все возрастные группы демонстрируют меньший интерес, чем соответствующие группы в экономически более развитых странах – Германии и Швеции. При оценке удовлетворенности тем, как работает демократия в их стране, оценки, наоборот, с возрастом понижаются во всех рассматриваемых странах, кроме Испании, где она несколько

⁶⁵ Нарбут Н.П., Троцук И.В. Мировосприятие российской молодежи: патриотические и геополитические компоненты // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 105–123.

повышается. В России, как и в Чехии, понижение максимальное, что демонстрирует разочарование в демократическом развитии своих стран. Минимальный разрыв в оценке демократии между группами молодежи и лицами в зрелом возрасте в Польше, что может свидетельствовать о большей политической консолидации возрастных когорт в этой стране, чего нельзя сказать о России, где разница между респондентами в возрасте 45–59 лет и 15–24 и 25–34 весьма значительна.

Социализации молодежи в России находятся под воздействием неоднозначных процессов политического развития страны. Для значительной части российской молодежи более значима частная жизнь, достижение личного успеха, материального благополучия. В то же время молодежь легко поддается манипулированию, вовлечению в акции протеста, считает, что демократические процедуры являются в России только формальностью.

Для значительной части молодежи информация о политических процессах в стране поступает не из официальных источников, а через сети в системе Интернет. Киберсоциализация стала реальностью в молодежной среде. По данным нашего опроса, почти 90% «взрослой молодежи» ежедневно заходят в сеть, проводя в ней несколько часов, большинство получают информацию из Интернета и от своих друзей, взаимодействуя с ними дистанционно. Значительно меньшее число смотрят новостные каналы по телевидению и тем более получают информацию из газет.

Вместе с тем положительное эмоциональное отношение к своей стране остается в России довольно высоким, хотя и снизилось по сравнению с прошлыми периодами. Европейское исследование показало, что эмоциональная связь со своей страной с повышением возраста усиливается во всех странах, но у молодежи 25–34 и среди взрослой группы 45–59 лет в России она все же слабее, чем в других странах. Самую большую привязанность к своей стране демонстрирует польская молодежь и взрослое население этой страны (табл. 8).

Таблица 8. Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к своей стране? (средний балл по 10-балльной шкале)*

Возраст (лет)	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15-24	6,6	7,4	7,2	6,7	6,3	6,2
25-34	6,8	7,9	7,6	7,3	6,9	7,5
45-59	7,4	8,7	7,8	7,8	7,6	8,2

* Рассчитано по данным: URL: <http://www.ess-ru.ru> (дата обращения: 16.03.2020)

Младшая молодежная группа в экономически развитых странах – в Германии и Швеции эмоционально менее привязана к своей стране. На эти оценки влияют формирование ценностных ориентаций молодежи под влиянием мировой глобализации, стирание границ для передвижения по миру, распространение Интернета и сетевых мобильных связей и отношений, которые все более заменяют личное реальное общение, в том числе со своим ближайшим окружением, влияя на идентификацию со своей страной. В отличие от этих стран российская молодежь в возрасте 15–24 года эмоционально более привязана к своей стране, по мере взросления это чувство возрастает, но не так сильно, как в других странах, особенно в Швеции. Молодежь находится в промежуточном, или, как говорил П. Чаадаев о положении России между Западом и Востоком, межеумочном состоянии. Она выбирает и традиционалистские, и современные ценности и обнаруживает тенденцию к универсализации ценностных ориентаций наряду с европейской молодежью.

Обратим внимание на «взрослую молодежь» России. По данным нашего последнего опроса, наблюдается новая интересная тенденция. По мере взросления молодежи возрастает гордость за Россию, ее историю и уменьшается эмоциональная привязанность к стране, отношение к родине становится более рациональным, осознанным, а эмоциональная компонента начинает сокращаться. Этот факт необходимо учитывать при внесении корректив при решении задач социализации молодежи.

В современных условиях в России социализация молодежи полна драматизма и противоречий. Опросы показывают, что все общество, в том числе молодежь, проходит испытание на толерантность – к представителям других этносов и религий, к трудовым мигрантам, к людям с физическими недостатками, к детям-инвалидам, к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации и т.д. Молодежь особенно остро ощущает проблемы отношений между людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. Социализация молодежи происходит в обстановке своего рода борьбы внутри всего общества между воспитанием толерантного отношения к инаковости и непримиримости к иным точкам зрения и моделям поведения, отличным от традиционных представлений и ценностей. Одним из наглядных примеров отличий российской молодежи от молодых людей в других европейских странах является отношение к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией. В России толерантное отношение к ним (согласны с правом на их образ жизни или относятся нейтрально) самое высокое у молодой когорты (18–34 г.) – 47%, в группе 25–34 года – 32%, у взрослых россиян 45–59 лет – 28%. Насколько можно судить по другим исследованиям, например Левада-Центра, Фонда общественного мнения, уровень толерантности к лицам нетрадиционной ориентации в российском обществе постепенно возрастает и при этом сильно зависит от информационного воздействия⁶⁶. Если же сравнить данные по России с другими странами, то контраст будет очень значительный. Толерантное отношение демонстрируют респонденты всех стран на уровне от 76% (Польша, 45–59 лет) до 97% (Швеция, 15–24 года). Пусть это не самые животрепещущие проблемы в развитии российского общества, но возрастание толерантности молодежи к «другим» является знаменательным свидетельством роста уважения к разнообразию поведенческих практик и демонстрацией иного восприятия мира молодежью по сравнению со взрослым населением страны.

⁶⁶ URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2019/5ce530039a7947172f79405d> (дата обращения: 20.09.2020).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать три важных вывода о новых ориентирах жизнедеятельности российской молодежи. 1. В России сложилась социальная стратификация российской молодежи, своего рода молодежная социальная пирамида, которая характеризуется глубокой дифференциацией молодежных групп в зависимости от материального положения семьи, уровня образования и места жительства. 2. Молодежь заняла свое, отличное от взрослых поколений место на рынке труда, которое характеризуется неустойчивостью, профессиональной и территориальной мобильностью. 3. У молодежи сформировано более критическое отношение к политической системе страны, более толерантное восприятие других мнений и образа жизни, отличное от традиционных представлений и ценностных ориентаций старших возрастных когорт.

Что же дальше? Многие исследователи отмечают, что алгоритмы смены ценностных представлений поколений общие для разных стран и определяются ключевыми событиями и явлениями в мире (сегодня это появление Интернета, распространение мобильной связи и IT). Смена поколений проходит практически в одном режиме в странах, близких по уровню развития. Поколения молодежи разных стран имеют своеобразие в зависимости от стадии развития общества, что хорошо демонстрируют рассмотренные выше данные ESS. Теория поколений Уильяма Штрауса и Нила Хау, которая получила широкий отклик в научном сообществе, требует модификации для российских условий с учетом знаковых событий в новейшей истории страны, уровня экономики, предыдущих особенностей развития, межпоколенных изменений.

Особое внимание необходимо уделить характеристикам и ценностным ориентациям современной молодежи, для чего использовать актуальный эмпирический материал, полученный в репрезентативных исследованиях. К сожалению, такие исследования сейчас проводятся крайне редко. Но можно утверждать, что поколение «Y» – те, кто уже вступил в свою активную фазу жизни (18–35 лет), и приходящее во взрослую жизнь поколение «Z»

(до 18 лет) уже сейчас и в будущем будут иметь разный опыт социализации, сформируют свои представления о благополучии и счастье, о своем месте в обществе и отношении к политическому развитию страны. Можно ожидать, что эти поколения заявят о себе требованиями изменить существующее положение в экономике, социальной сфере и политике, поскольку эти поколения будут основными носителями нематериального капитала – главного достояния страны – в ближайшем будущем⁶⁷. Именно поэтому ученым и обществу следует больше знать об этих поколениях.

Заключение

Современная Россия находится в уникальном состоянии цивилизационного развития. Переход от дистрибутивной к рыночной экономике, от обобществленной к смешанной форме собственности запустил процесс изменения макроструктуры общества, делая более глубокими линии цивилизационного разлома, существовавшего и в советский период. Он проходит по характеру и содержанию труда населения, определяется существованием разных уровней технико-технологического развития общественного производства и, соответственно, контрастом в обладании социальными группами культурным и социальным капиталом. Цивилизационный разлом находит свое выражение в глубокой материальной дифференциации населения, формирующей существенное различие качества жизни социальных групп общества. Наконец, исторически сложившееся неравномерное развитие регионов позволяет говорить о региональном и территориальном цивилизационном разломе, который усугубился в постсоветский период. Региональные и территориальные цивилизационные особенности как ни в каком другом аспекте не проявляются так ярко, как в различиях структуры населения. К сожалению, эти аспекты не получили отражения в исследованиях в рамках проекта «Российский проект цивилизационного развития».

⁶⁷ *Беляева Л.А.* Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социологические исследования. 2014. № 10 (366). С. 36–44.

Обозначенные линии цивилизационных разломов требуют углубленного анализа процессов структуриации общества в отмеченных трех предметных областях. Выявление динамизма этих процессов, изучение специфики структуриации общества с использованием эмпирического материала может стать весомой характеристикой цивилизационного процесса в современной России. Это перспективная тематика в рамках мегатемы Института философии РАН.

Примечания

- Мониторинг Центра изучения социокультурных изменений ИФ РАН проводился в 1990–2015 гг. с периодичностью 4–5 лет. Полевое исследование 1990 г. провели студенты и аспиранты социологического факультета МГУ под руководством Б.Г. Григорьева, в 1994 и 1998 гг. полевые работы были выполнены Центром социального прогнозирования и маркетинга (директор Ф.Э. Шереги). Четыре последних «поля» (2002, 2006, 2010, 2015 гг.) провел Институт сравнительных социальных исследований (директор В.Г. Андреенков). Мониторинг финансово поддерживали российские научные фонды – РГНФ и РФФИ.
- В статье анализируются «большие» данные ESS (Европейского социального исследования), которое проводится с 2002 г. в большинстве европейских стран, в том числе с 2006 г. в России. В России исследование проводит ЦЕССИ (Институт сравнительных социальных исследований). Сбор информации проходит в виде личного интервью на дому с респондентами 15 лет и старше по случайной вероятностной выборке. Размер выборки составил в 2016 г. 2430 респондентов. Для сравнения данных выборки страны в зависимости от длительности их существования в рыночной системе хозяйства, уровня развитости экономик и стабильности демократии. www.ess-ru.ru

Глава 7

О критериях цивилизационного развития России: некоторые результаты проектной реконструкции

Цивилизационный подход: разнообразие версий (вместо предисловия). Потребность в осмыслении образов цивилизационного будущего мира вообще и России в частности была как у мыслителей прошлого, так и у современных исследователей самой разной идейно-теоретической ориентации. Но нужно отметить, что корни их понимания зачастую находятся в трактовке самого цивилизационного подхода. Не зря говорят: как запряжешь лошадь, так она и повезет.

Цивилизационный подход после некоторого забвения снова возвращается в современный философский дискурс¹. К нему всё больше обращаются как его сторонники, так и противники. Причем сторонников можно условно разделить на две группы – «универсалисты» и «партикуляристы». Так, «универсалисты» убеждают нас в том, что существует единая человеческая цивилизация («человеческий универсум»), а всё остальное – не более, чем частные формы ее проявления. И если это так, то тогда следует признать и единые сущностные черты или критерии цивилизованности, а следовательно, страны, которые не соответствуют им

¹ См., например, следующие работы: *Келле В.Ж.* Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Т. II. Вып. 1 (2). С. 356–374; *Шевченко В.Н.* Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 33–44.

и должны рассматриваться как «дикие», варварские или в лучшем случае – доцивилизационные. К последним зачастую относятся и Россию.

В отечественной литературе универалистский подход представлен множеством фундаментальных исследований, в т.ч. таких отечественных философов, как В.Ж. Келле, Н.В. Клягин, Н.В. Мотрошилова, М.Т. Степанянц и др.² В них актуализируются, в частности, глобальные проблемы выживания человечества и обеспечения непрерывности человеческой истории³.

«Партикуляристы» же, напротив, утверждают, что цивилизаций много и не существует единых универсальных критериев цивилизационного развития. Каждая цивилизация по-своему уникальна и самобытна. Она выражает историческое и культурное своеобразие входящих в нее народов. Но главное в ней – наличие собственной, не сводимой к другим (и не выводимой из них) логики культуры. И такая цивилизация может дифференцироваться далее на субцивилизации или культурные ареалы, которые привносят в нее свою специфику. Так, например, в западную цивилизацию, кроме Западной Европы, входят США, Канада и Австралия.

Как известно, у истоков теории локальных цивилизаций стояли Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др. Их идеи нашли широкое распространение в научной литературе и получили

² Цивилизация рассматривается этой группой авторов преимущественно как «общечеловеческое целое» (см.: *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН, 2007. 268 с.), как пространство технологий и модернизации (см.: *Высокие технологии и современная цивилизация.* Сб. ст. М.: ИФ РАН, 1999. 131 с.; *Цивилизация и модернизация.* Российско-китайская конф. (2012, Москва) / Редкол.: Н.И. Лапин, Чуаньци Хэ и др. М.: ИФ РАН, 2013. 197 с.) с точки зрения ее исторического происхождения (см.: *Клягин Н.В.* Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). М.: ИФ РАН, 1996. 252 с.). Проблему соотношения понятий «цивилизация» и «цивилизации» анализирует, в частности, В.М. Межуев (см.: *Межуев В.В.* Цивилизация или цивилизации? (К спорам вокруг понятия цивилизации) // *Знание. Понимание. Умение.* 2016. № 2. С. 40–52). См. также: *Степанянц М.Т.* Цивилизационный вектор будущего развития человечества // *Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В.С. Стёпина.* М.: Альфа-М, 2014. 768 с.

³ *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в современную эпоху. М.: ИФ РАН, 2007. 268 с.

развитие (П.А. Сорокин, С. Хантингтон и др.). Поэтому нет необходимости в данном очерке отдельно рассматривать идеи Шпенглера и Тойнби, так как в их трудах уделяется меньше внимания изучению цивилизационных ориентаций России.

Очевидно, что мир локальных цивилизаций чрезвычайно разнообразен. По разным оценкам сегодня в мире насчитывается около 10 локальных цивилизаций. Так, С. Хантингтон рассматривает западную, индуистскую, синскую, или китайскую, исламскую, латиноамериканскую и японскую. Отдельно он называет потенциальные цивилизации: африканскую и восточно-европейскую, или православную⁴. Статус российской цивилизации пока окончательно не определен в западной философии. Как известно, Шпенглер относился к России как к зарождающейся культуре, хотя и признавал, что у нее есть цивилизационное будущее. А тот же Хантингтон называл Россию, с одной стороны, «разорванной» цивилизацией, а с другой – православной. Несмотря на эти концептуально разные взгляды, российская цивилизация, с моей точки зрения, может быть отнесена к потенциальной цивилизации, процесс строительства которой еще не завершен. Именно из этого я и буду исходить в дальнейшем исследовании.

В теоретическом плане мне близка идея множественности цивилизаций, которая предложена в свое время Н.Я. Данилевским⁵ и развита далее А. Тойнби, С. Хантингтоном⁶ и другими западными мыслителями. К ним присоединяются сегодня и многие отечественные философы (А.А. Кара-Мурза, Н.И. Лапин, С.А. Никольский, В.Н. Расторгуев, И.Н. Сиземская, А.В. Смирнов, В.С. Стёпин, В.И. Толстых, В.Ф. Шаповалов, В.Н. Шевченко и др.)⁷. С этой

⁴ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 868 с.

⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 2-е изд. М.: Ин-т русской цивилизации, Благословение, 2011. 816 с.

⁶ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 868 с.

⁷ Цивилизация определяется этими авторами как «целостный социальный организм, предполагающий определенный тип культуры» и разделенный на два больших класса – традиционные и техногенные цивилизации (см.: Стёпин В.С. Философская антропология и философия культуры. М.: Академ. Проект: Альма Матер, 2015. 542 с.), в соотношении с культурой (см.: Межуев В.М. Идея культуры. М., 2006; Межуев В.М. История, цивилизация, культура: опыт философского истолкования. СПб.: СПбГУП, 2011. 440 с.; Стёпин В.С.

точки зрения, современный мир не представляет собой единую, всемирную цивилизацию⁸. В нем сосуществуют друг с другом разные локальные цивилизации. То, что порой выдается за общечеловеческое, на самом деле есть не что иное, как завуалированная форма западной цивилизации⁹.

Разумеется, я не буду углубляться далее в дискурс о глобальных или частных проблемах всего человечества. Меня интересует онтологический статус российской цивилизации. На протяжении

Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.), в контексте *диалога с другими цивилизациями* (см.: Диалог цивилизаций. Повестка дня / Под общ. Ред. В.И. Толстых. М., 2005. 145 с.; *Межуев В.М.* Диалог между цивилизациями и Россия // От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. Наброски проблемного анализа. М., 2006), как «антропогенный способ жизнеустройства» (Н.И. Лапин), с точки зрения *проблемы варварства* (*Карамурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН, 1995. 211 с.; Мир цивилизаций и «современное варварство»: Роль России в преодолении глобального нигилизма / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. М.: Институт наследия, 2019. 472 с.), как «государство-цивилизация» (см.: Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.). См. также: *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002; *Хачатурян В.М.* Цивилизации в новом социальном пространстве // Вопросы социальной теории. 2009. Т. VIII. Вып. 1 (3). С. 341–258) и др.

⁸ См.: *Межуев В.В.* Цивилизация или цивилизации? (К спорам вокруг понятия цивилизации) // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 40–52.

⁹ На этом останавливается специально В.М. Межуев (см.: Там же). Ссылаясь на А. Тойнби, он писал: «Соответственно, научно несостоятельным считается любое суждение о цивилизации как едином, универсальном для всего человечества способе его существования. По словам А. Тойнби, тезис о единстве цивилизации является ложной концепцией, существующей в головах историков, находящихся “под сильным влиянием социальной среды”. Источником этой концепции, как он считает, является экономическая и политическая унификация мира под воздействием западной цивилизации. Подобную унификацию, ставшую следствием экспансионистской политики Запада в его стремлении к мировому господству, не следует выдавать за создание единой цивилизации. Претензия Запада на мировую гегемонию несостоятельна хотя бы потому, что игнорирует культурные особенности стран и народов, находящихся за пределами западного мира и имеющих для них более фундаментальное значение, чем экономика и политика» (Там же. С. 41). Межуев приводит в этой связи и аргументы С. Хантингтона. Здесь важно отметить то, что

последних десятилетий предпринимались многочисленные попытки определить цивилизационную специфику России и выделить основания ее цивилизационного бытия¹⁰. Большинство исследователей выделяют такие черты российской цивилизации, как огромная территория, соединяющая Европу и Азию, полиэтничность, многоконфессиональность, традиционно высокая роль государства, приоритет духовно-нравственных ценностей, преобладание коллективистской ментальности и др.

Меня же интересуют в первую очередь те модели локальных цивилизаций, которые могут быть применимы к пониманию цивилизационного развития современной России. Под цивилизацией я буду понимать здесь и далее *исторически сложившуюся локальную систему обществ, объединенных общим геополитическим положением, родственными культурой, языковым пространством, сходным хозяйственным (экономическим) укладом, сопоставимым политическим устройством и близким менталитетом*. При этом

большинство философов, как и социальных антропологов, поддерживают идею множественности цивилизации или исходят из признания многообразия мира цивилизаций.

¹⁰ См., например, некоторые труды отечественных исследователей на тему «Российская цивилизация», с которыми мне удалось познакомиться в последние годы: Мир Россия – Евразия: Антология / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высш. шк., 1995. 399 с.; Мир цивилизаций и «современное варварство»: Роль России в преодолении глобального нигилизма / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. М.: Институт наследия, 2019. 472 с.; Проект Россия: Вторая книга. Выбор пути. М.: Эксмо, 2008. 448 с.; *Расторгуев В.Н.* Цивилизационное наследие России // Журнал Института наследия. 2018. № 2. С. 5–13; Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энцикл. сл. / Отв. ред. М.П. Мчедлов. М.: Республика, 2001. 544 с.; Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.; Россия как цивилизация. Сб. науч. тр. / Отв. ред. О.А. Донских. Новосибирск: ИД «Сова», 2008. 296 с.; Россия на пути консолидации: Сб. ст. СПб.: Нестор-История, 2015. 416 с.; *Синявский А.Д.* Основы советской цивилизации. М.: Аграф, 2002. 464 с.; Смыслы и ценности русского мира: Сб. ст. и матер. / Под ред. В. Никонова. М.: Фонд «Русский мир», 2010. 112 с.; Цивилизационное развитие России: наследие, потенциал, перспективы / Под общ. ред. В.А. Черешнева, В.Н. Расторгуева. М.: Издатель Воробьев А.В., 2018. 440 с.; *Шаповалов В.Ф.* Россия как цивилизация // Философия и общество. 1999. № 3. С. 54–74; и др.

мне придется сразу отмежеваться от «широкого» взгляда на цивилизацию как конкретно-историческую стадию развития всего человечества.

Подход к реконструкции некоторых цивилизационных проектов. Мое исходное допущение состоит в следующем: если отечественные философы претендуют на обоснованное утверждение самостоятельного цивилизационного статуса России, то им необходимо в первую очередь осмыслить логику собственной культуры и выразить ее в системе философских идей и проектов. Отчасти такая система (прежде всего в лице представителей русской философии) уже имеется, но в целом ей еще предстоит пройти стадию конституирования в качестве самостоятельного философского направления, развивающегося с учетом опыта, который накоплен представителями других философских школ. Именно в этом может состоять собственный вклад отечественных философов в цивилизационное строительство России.

В первую очередь необходимо уточнить, чем проект цивилизации отличается от ее идеи. Совершенно очевидно, что такая идея может быть самостоятельной, а может входить в проект (в качестве проектной идеи), соединяющий идеалы и осознанные намерения их осуществить. С одной стороны, цивилизационная идея, как и всякая идея, есть мысленный образ цивилизации, в котором «схвачены» ее наиболее существенные черты. С другой стороны, она содержит в себе все три аспекта идеи (цивилизация «для-себя», «для-других» и «в-себе») и в то же самое время направлена в будущее, выражая «бытие-впереди-себя»¹¹.

¹¹ «Идея-для-себя» – это то, что общество, нация думают о себе как о цивилизации. «Идея-для-других» – это, скорее всего, те представления о цивилизации, которые нация или народ формирует у окружающих ее народов. Если первая разновидность идеи является по сути самоописанием нации, ее своеобразным автопортретом, предназначенным для «собственного пользования», то вторая – ее «визитная карточка» (демонстрационная версия идеи), т.е. то, что она желает, чтобы другие видели в ней. Необходимость в обосновании последней часто возникает, когда мы пытаемся донести иностранцам, что нас отличает от них и каковы наши культурные или цивилизационные особенности. Обе разновидности идеи выступают сторонами национального самосознания и входят в более широкий комплекс цивилизационных представлений. Но можно также предположить существование третьей, условной

Следовательно, это идея не о том, чем уже стала цивилизация или что с ней происходит в действительности, а о том, какой она может или должна стать. Другими словами, идея цивилизации представляет собой одну из альтернатив ее возможного будущего. Проект же является более детальным обоснованием этой идеи с указанием конкретных путей ее реализации или способов применения к современным реалиям¹². Из всего многообразия идей автор проекта, как правило, выбирает тот вариант, который соответствует больше всего его представлениям о должном.

В аналитическом обзоре, опубликованном в альманахе «Вопросы социальной теории»¹³, я представил результаты реконструкции возможных цивилизационных проектов России¹⁴.

разновидности – «идеи-в-себе». Речь идет в первую очередь об архетипах коллективного бессознательного, которые передаются от поколения к поколению и усваиваются нами в раннем возрасте. Данный вид идеи трудно поддается интерпретации, так как включает в себя мистический момент, связанный с неосознанными желаниями, верованиями и откровениями.

¹² В данной статье проект рассматривается как способ формирования концептуального видения настоящего и будущего конкретного объекта в соответствии с принятыми критериями долженствования. Под цивилизационным же проектом я буду понимать мысленную конструкцию настоящего и будущего страны (общества) или группы родственных в культурном отношении стран (системы обществ), обоснованную не только логически, но главным образом содержательно и с учетом заданных критериев. Иными словами, это содержательное наполнение цивилизационного настоящего и будущего общества (или обществ), в котором достаточно аргументированным образом соединяются представления о сущем и должном. Разумеется, не следует забывать и о способах (или методах) символического построения такого будущего, которые используют при этом авторы разных цивилизационных проектов.

¹³ См.: *Резник Ю.М.* Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2020. Т. 12. С. 10–120.

¹⁴ Как известно, реконструкция в архитектуре означает буквально переделку или перестройку чего-либо по совершенно иным принципам. *Проектная реконструкция* в гуманитарном или философском знании предполагает такое воспроизводство текста или материала дискуссии мыслителей прошлого и настоящего, которое приближает их идеи к пониманию современных реалий и позволяет заглянуть в будущее. При этом учитывается исследовательская и жизненная позиция автора такой реконструкции.

С позиций данного подхода были проанализированы три группы проектов:

- проекты, подчеркивающие значение духовной организации жизни (версия Г. Гегеля – «цивилизация духа»¹⁵, которой созвучны проект «цивилизации жизни» А. Швейцера¹⁶ и проект «трансцендентной цивилизации» С. Хантингтона¹⁷);

- проекты, построенные с учетом принципов софийности, всеединства и интегрализма (проект «цивилизации общего дела» Н.Ф. Фёдорова¹⁸ и соотносящийся с ним проект «Софийная цивилизация» В.С. Соловьёва¹⁹, а также проект «интегральной цивилизации» П.А. Сорокина²⁰);

- проекты, разворачивающие идею «всечеловечности» (проект «славянской цивилизации» Н.Я. Данилевского²¹, евразийский

~~В отличие от исторической реконструкции, задача которой состоит в максимально точном воссоздании исторического ландшафта событий прошлого, такая реконструкция стремится не только приблизить идеи, высказанные в прошлом, к современности, но и спроецировать их на возможное будущее. Другими словами, это из один из способов актуализации идейного наследия, призванный выработать новый взгляд на состояние того или иного объекта (например, культуры, общества, цивилизации) и представить его в виде концептуального проекта.~~

¹⁵ См., например: *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1977. В 3 т. Т. 3. Философия духа. 471 с.; *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

¹⁶ См.: *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс, 1992. 576 с.

¹⁷ См.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 868 с.

¹⁸ См.: *Фёдоров Н.Ф.* Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.

¹⁹ См.: *Соловьёв В.С.* Сочинения. М.: Мысль, 1988. В 2 т. Т. 1. 892 с.; *Соловьёв В.С.* Сочинения. М.: Мысль, 1988. В 2 т. Т. 2. 822 с.

²⁰ См.: *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1056 с.; *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Ин-т социологии РАН, 1993. 195 с.; *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. 640 с.

²¹ См.: *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации: Благословение, 2011. 816 с.

проект Н.С. Трубецкого²² и проектная интерпретация А.В. Смирнова²³).

Конкретизирую данную схему.

Во-первых, я выделяю в первую очередь цивилизационные проекты, базирующиеся на идее духовной организации жизни (Г. Гегель, А. Швейцер и С. Хантингтон). Так, идея жизни Гегеля²⁴ послужила отправным пунктом проектной реконструкции цивилизации, которую я попытался применить к России²⁵. Дух как высшее проявление жизни находит свое выражение на всех уровнях организации цивилизации. Россия в своем цивилизационном развитии должна пройти стадию развития объективного духа и воплотиться в собственной нравственной идее, а тем самым преодолеть противоречие между эгоистической субъективностью, с одной стороны, и объективной потребностью в интеграции разных цивилизационных проектов – с другой.

²² См.: *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.; *Он же.* Европа и Евразия. М.: Алгоритм, 2014. 301 с.

²³ См.: *Смирнов А.В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015. 712 с.; *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs общечеловеческое / А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.; *Смирнов А.В.* Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 448 с.

²⁴ *Резник Ю.М.* Идея жизни у Гегеля и ее значение для понимания цивилизационного развития современной России // Вестник САФУ. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 100–112; *Резник Ю.М.* Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2020. Т. 12. С. 26–32.

²⁵ Проектная идея – это мысленный образ идеального или желаемого состояния объекта. В гносеологическом плане это то, что субъект познания хочет видеть в создаваемой им картине объекта (например, общества, цивилизации или мира в целом). В практическом плане идея содержит в себе способ решения проблемы, т.е. осознаваемого данным субъектом противоречия между тем, что есть (в реальной ситуации), и тем, чего он хочет достичь (желаемым или необходимым состоянием). В нашем случае проект указывает на намерение субъекта создать образ желаемого будущего. Проектная матрица представляет, на мой взгляд, развернутое в схематическом (табличном) виде основное содержание проекта по параметрам, заданным автором проектной реконструкции.

Проект «цивилизации жизни» А. Швейцера выбран не случайно. Он подходит России по своему характеру, учитывая исконную привязанность и любовь русских людей к родной земле²⁶. Но для его реализации в логике Швейцера потребуются с их стороны значительные усилия – развить в себе способности к самоотречению и самосовершенствованию. Предпосылки для этого у них есть, но вместе с тем имеется и традиционное для российской власти пренебрежение человеческой жизнью и равнодушное отношение многих людей к экологическим проблемам.

Как известно, С. Хантингтон рассматривал Россию как незавершенный цивилизационный проект, объединяющий весь православный мир²⁷. Для нее характерен межрелигиозный раскол: с одной стороны, между православием и западным христианством, а с другой – между православием и исламом. Хантингтон приписывает российской цивилизации такие черты, как централизация власти, восточный деспотизм и трансцендентную идеологию. Он считал, что Россия должна умерить свои имперские амбиции и пойти на более тесное сотрудничество с Западом. А это заведомо ставит ее в зависимую позицию.

Во-вторых, я проанализировал проекты, в которых на первый план выдвигаются принципы софийности, всеединства и интегрализма. Так, например, идея общего дела Н.Ф. Фёдорова связана с воскрешением всех ушедших на основе братской любви²⁸. Поэтому его модель можно назвать «цивилизацией общего дела». Как известно, он выступает за возрождение нравственных основ жизни и устранение анонимности и безразличия в обществе. Кроме того, его проект содержит предвидения относительно будущего России и всего человечества. В нем высказываются идеи

²⁶ См.: Резник Ю.М. Проектирование цивилизации: конструктивистская и этическая версии, перспективы для России // *Онтология проектирования*. 2020. Т. 10. № 2. С. 149–162. В статье проанализированы основные постулаты этической концепции «благоговения перед жизнью» А. Швейцера.

²⁷ См.: Резник Ю.М. Два проекта цивилизационного будущего России: Хантингтон против Данилевского (опыт актуальной реконструкции) // *Интеллектуальные Инновации. Инвестиции*. 2020. № 4. С. 10–22.

²⁸ См.: Резник Ю.М. Проект «общего дела» Н.Ф. Фёдорова как идейная предпосылка цивилизационного развития современной России // *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15. № 4. С. 119–128.

о новых технологиях, позволяющих преодолеть болезни и смерть, а также совершать космические путешествия, преобразовать среду обитания и пр. Основополагающим способом организации духовного бытия России Фёдоров признаёт Софию – всеобщее начало вечной и божественной премудрости.

Софию можно рассматривать как основополагающую идею другого русского философа – В.С. Соловьёва²⁹. Она воплощается в земной жизни и во Вселенской церкви. На русский народ возлагается божественная миссия – объединить все народы в единую христианскую семью под предводительством Папы Римского. Для этого он обладает всеми необходимыми качествами. Проект Соловьёва оказался утопичным не только для своего времени, но и для будущей России.

Проект П.А. Сорокина базируется на идее единства трех цивилизационных типов (чувственного, идеационального и идеалистического), каждому из которых соответствует своя логика культуры³⁰. Идеалистическая система соединяет в себе преимущества двух других типов. Путь к ней Россия (СССР) может пройти посредством конвергенции³¹. Для этого у нее имеются: великая культура, стабильная социальная структура и моральные и творческие качества людей. Но, чтобы реализовать такой проект, ей необходимо соединить достоинства обеих цивилизаций.

В-третьих, имеется еще одна группа цивилизационных проектов России, которые объединены идеей всечеловечности. Так, в основе проекта славянской цивилизации Н.Я. Данилевского находится идея всеславянства, которая противопоставляется европейской экспансии и стремлению к господству³². Он предлагает создать Всеславянский союз наподобие Священного союза

²⁹ См.: *Резник Ю.М.* Подходят ли России проекты «цивилизация Софии» и «Вселенской церкви»? (Двойная утопия В.С. Соловьёва и ее реконструкция) // Вестник ННГУ. Серия Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 60–69.

³⁰ См.: *Резник Ю.М.* Логика «дуальных цивилизаций» и их интегральных альтернатив (опыт проектной реконструкции концепций П.А. Сорокина и А.В. Смирнова) // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 3. С. 5–29.

³¹ См.: *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М.: Ин-т социологии РАН, 1993. 195 с.; *Сорокин П.А.* Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2018. 640 с.

в Европе и объединить все славянские народы. Последние обладают религиозной духовностью, прирожденной гуманностью, умением повиноваться и устойчивостью к революционным переменам. Но они должны, по мнению русского философа, пройти историческую школу и обрести гражданские и политические свободы³³.

Евразийский проект представляет собой открытый манифест, заявляющий о необходимости противостояния европейской цивилизации, заимствование благ (европеизация) которой Н.С. Трубецкой называет безусловным злом, а европейский эгоцентризм и шовинизм антисоциальными началами, ведущими к разрушению любой другой культуры³⁴. Он призывает интеллигенцию сплотиться в борьбе против западного насилия. В качестве позитивной программы предлагаются: переустройство советского общества на основе идеократии, суть которой заключается в служении «правлящего отбора» евразийской идее, определение «месторазвития» России-Евразии и отказ от доминирования православия как господствующей религии.

Проект «всечеловечности» А.В. Смирнова представляет интерес с точки зрения его логико-смыслового обоснования³⁵. Ему соответствует логика всесубъектности как возможности каждого субъекта быть самим собой и в то же самое время быть «всеми со всеми». Такой подход позволяет учитывать всё многообразие культур России, субъекты которой получают оправданность и могут встраиваться естественным образом в общую систему – цивилизацию. Всечеловечность связана с идентификацией каждого

³² См.: Резник Ю.М. Два проекта цивилизационного будущего России: Хантингтон против Данилевского (опыт актуальной реконструкции) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 10–22.

³³ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации: Благословение, 2011. 816 с.

³⁴ См.: Резник Ю.М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Т. XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / Под ред. Ю.М. Резника. М.: НИГО, 2020. С. 49–53.

³⁵ См.: Смирнов А.В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015. 712 с.; Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое / А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.

субъекта с общим делом, обеспечивающим «единство множественности»³⁶.

Об основаниях и критериях цивилизационного развития. Перейду теперь к тому, что я понимаю под критериями цивилизационного развития.

Во-первых, в зависимости от того, что считается определяющим началом цивилизационного развития в тех или иных учениях, я выделяю на данном этапе реконструкции три идейно-теоретических основания, между которыми условно распределяются проекты указанных выше мыслителей:

А. *Духовная организация жизни* цивилизации применительно к России (Г. Гегель, А. Швейцер и С. Хантингтон);

Б. *Принципы софийности, всеединства и интегрализма* как основания российской цивилизации (Н.Ф. Фёдоров, В.С. Соловьёв и П.А. Сорокин);

В. Идея *всечеловечности* как исходная предпосылка формирования образа российской цивилизации (Н.Я. Данилевский, Н.С. Трубецкой и А.В. Смирнов).

Во-вторых, необходимо теперь конкретизировать содержание каждого из этих оснований. Для этой цели я предлагаю две группы критериев цивилизационного проектирования (содержательные и формальные). Выскажу вначале первое предположение: по-видимому, уровень обоснованности (и комплексности) таких

³⁶ См.: Резник Ю.М. Логика «дуальных цивилизаций» и их интегральных альтернатив (опыт проектной реконструкции концепций П.А. Сорокина и А.В. Смирнова) // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 3. С. 5-29; Резник Ю.М. Философия в поисках смысла: рефлексия Иного и инаковости. В 3 ч. / Ю.М. Резник, А.В. Смирнов // Личность. Культура. Общество. Ч. 1. 2017. Т. 19. Вып. 3-4 (№ 95-96). С. 247-273; Ч. 2. 2018. Т. 20. Вып. 1-2 (№ 97-98). С. 291-311; Ч. 3. 2018. Т. 20. Вып. 3-4 (№ 99-100). С. 267-285; Резник Ю.М. Всечеловеческое и общечеловеческое (30 мая 2019 г.) / Ю.М. Резник, А.В. Смирнов // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21. Вып. 3-4 (№ 103-104). С. 290-307. Мои комментарии к докладу А.В. Смирнова «Текущие задачи русской философии» даны в следующей статье: Резник Ю.М. О некоторых философских основаниях цивилизационного дискурса в современной России // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 211-231.

проектов зависит в первую очередь от полноты представленности в них *содержательных* критериев, а именно:

- *духовность*, наличие духовно-нравственных идеалов («трансцендентность», «экзистенциальность» и пр.);
- ориентация на *поддержание и развитие жизни* («жизненность» самой цивилизации);
- *человекоразмерность* и степень *свободного развития* человека;
- достаточно высокий уровень *развития науки и образования*;
- *технологичность*, подчиненная целям развития человека и общества;
- соответствие *политической организации и хозяйственного уклада* собственной логике культуры;
- *социальная справедливость* и защищенность;
- *экологическая безопасность*.

Приведенный перечень содержательных критериев не может быть исчерпывающим и подлежит коррекции в дальнейших исследованиях. Разумеется, он выражает ценностные предпочтения автора, хотя и учитывает по возможности представления разных философов.

С учетом критериев цивилизационного развития я подразделяю модели российской цивилизации, представленные в концепциях разных мыслителей, на несколько групп и прежде всего на «трансцендентные» (Г.В. Гегель, Н.Ф. Фёдоров, В.С. Соловьёв, Н.Я. Данилевский, П.А. Сорокин, С. Хантингтон) и «экзистенциальные», или «смешанные» (Н.С. Трубецкой, А. Швейцер, А.В. Смирнов). При этом возможности интеграции проектов весьма ограничены, поскольку они основаны на разных идейных предпосылках. Однако можно попытаться обобщить то, что относится в них к обоснованию цивилизационных признаков России. Следует отметить, что большинство мыслителей рассматривает Россию как трансцендентную (наличие «высших ценностей» или «божественной миссии» и пр.), человекоразмерную (соответствие природе человека или национальному характеру общества), интеллектуально мобильную (ориентация на развитие науки и образования), устойчивую в политическом и экономическом отношении цивилизацию. В меньшей степени они обращают внимание

на такие цивилизационные критерии, как ориентация на поддержание и развитие жизни, технологичность и экологическую безопасность. Но надо учитывать время, в которое были созданы эти проекты.

В-третьих, следует ввести группу формальных (или формально-логических) критериев, которые связаны, на мой взгляд, с обоснованностью, реалистичностью и реализуемостью разных цивилизационных проектов. Но это мне также предстоит еще проверить, производя проектную реконструкцию концепций, предложенных данными мыслителями.

Следовательно, все избранные мной проекты необходимо оценивать далее по следующей формально-логической шкале:

- комплексная обоснованность – недостаточная обоснованность;
- реалистичность – утопичность;
- практическая реализуемость – нереализуемость.

Конечно, перечисленные выше проекты не исчерпывают всего многообразия цивилизационных моделей или проектов. Но их выбор не случаен. В той или иной степени они выражают приведенные мной критерии цивилизационного развития России. Причем в каждой из этих групп наиболее разработанными оказались проекты А. Швейцера, Н.Ф. Фёдорова и Н.С. Трубецкого. И здесь я хочу присоединиться к мнению А.В. Смирнова, справедливо полагающего, что именно классическим евразийцам, и прежде всего Н.С. Трубецкому, принадлежит заслуга в создании тщательно и всесторонне разработанного проекта цивилизационного развития России³⁷.

Приведу сначала результаты их сравнительного анализа (см. табл. 1).

³⁷ См.: Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. 800 с.; Трубецкой Н.С. Европа и Евразия. М.: Алгоритм, 2014. 301 с.

Таблица 1

Проектные версии	Характеристика обоснованности критериев развития российской цивилизации	Способ построения будущего	Реалистичность и реализуемость проекта
<i>Проекты, основанные на идее духовной организации жизни</i>			
«Цивилизация духа» (Г. Гегель)	<u>Недостаточная разработанность проекта</u> : жизненность цивилизации определяется духом (единство жизни и духа; человек как живой индивид является одновременно единичным сущим, подчиненным общему развитию духа, и всеобщим («родовая сущность»)); государство есть высшая форма бытия объективного духа	Диалектический метод, принцип единства всеобщего, особенного и единичного	В логике Гегеля Россия не стала пока «действительным воплощением нравственной идеи»; она продолжает сохранять противоречия между тенденциями традиционализации («природным духом») и модернизации («духом государства»)
«Цивилизация жизни» (А. Швейцер)	<u>Комплексность проекта</u> : акцент на самоограничении и самоотречении; преобладание процессов самосовершенствования; понимание добра как того, что служит сохранению и развитию	Бережное отношение ко всем формам жизни, принятие этики благоговения перед жизнью; культуротворчество и выработка новых правил общежития	Неподготовленность России к этической версии цивилизационного развития, отсутствие культурно-исторических предпосылок для формирования данного цивилизационного типа

	жизни; привязанность к земле как источнику жизни		
«Трансцендентная цивилизация» (С. Хантингтон)	<u>Неполнота предложенного проекта</u> : акцент на религиозном расколе России (между православием и исламом); воспроизводство традиционной структуры общества и деспотического характера власти; имперские амбиции и трансцендентная идеология	Полицивилизационный подход, призванный систематизировать и обобщать реальность	Реалистичность проекта в части демонстрации отношения Запада к России и его нереализуемость с учетом выделенных автором параметров, ставящих ее в зависимость от западной цивилизации
<i>Проекты, построенные на принципах софийности, всеединства и интегрализма</i>			
Цивилизация общего дела (Н.Ф. Фёдоров)	<u>Комплексность проекта</u> : софийность, бессмертие, отношения братства и родства, экологичность, связь с Космосом, технологичность, научность и образованность	Христианство как способ переустройства мира на божественных началах	Проект во многом реалистичен, хотя и не лишен утопичности; многие идеи уже частично реализованы (космические путешествия и пр.)
Цивилизация Софии (В.С. Соловьёв)	<u>Недостаточная разработанность проекта с точки зрения выделенных критериев</u> : София как трансцендентное начало; Вселенская	Разворачивание всеединого как духовное освобождение человечества и его движение к богочеловечеству	Утопичность проекта; Россия оказалась не готова к осуществлению предложенной ей христианской миссии и объеди-

	церковь и всемирное христианское государство; миссионерство русского народа		нению на этой основе всего человеческого рода
«Интегральная цивилизация» (П.А. Сорокин)	<u>Комплексность проекта</u> : примат «высших ценностей»; соединение материальных и духовных потребностей; спонтанный демократизм; культурная и расовая терпимость; национально ориентированная элита и интеллигенция	Перемещение центров цивилизационного лидерства и конвергенция полярных социокультурных систем	Утопичность проекта и его нереализуемость применительно к России; возможность его применения к другим социокультурным ареалам
Проекты «всечеловечности»			
«Славянская цивилизация» (Н.Я. Данилевский)	<u>Неполнота проекта</u> : славянство; религиозная (православная) духовность, гуманность, всечеловечность, стремление к свободе, миротворчество; сдержанный национальный характер	Создание Всеславянского союза на основе общности культуры и религии (православия)	Утопическая направленность идеи всеславяинства, ее этнократический характер и принципиальная нереализуемость
«Евразийская цивилизация» (Н.С. Трубецкой)	<u>Комплексная работанность проекта</u> : практическая организация жизни и мира, всесубъектность, соборность, симфони-	Мирное реформирование советского строя на основе евразийской идеи	Конструктивный характер и практическая нереализованность большинства программных положений евразийцев, не прошед-

	ческая личность, евразийская идентичность, идеократия, демотия, государственно-частная система хозяйствования и пр.		ших испытания реальной политической борьбой
«Всечеловеческая цивилизация» (А.В. Смирнов)	<u>Незавершенность проекта</u>: разработанность схемы дуальных цивилизаций, сформированных субстанциональной и процессуальной логикой; понимание всечеловечности как цивилизационной перспективы России; все субъектность как логическая оболочка всечеловечности; соборность как процесс собирания разных культур	Логико-смысловой подход: рассмотрение цивилизаций в соответствии с присущими им логиками культур и схематизмами мышления	Признание недостаточной цивилизационной идентичности России, неосознанности ею собственной логики развития и отсутствие у нее своего проекта будущего

В таблице приведены некоторые цивилизационные признаки или параметры России, объединенные в три группы и отличающие нашу цивилизацию от других социокультурных ареалов. Ни один из этих проектов не обладает всей полнотой критериев цивилизационного развития, сформулированных мной во введении к данной работе. Это объясняется, с одной стороны, тем, что они были созданы в разное время и задолго до того, как Россия на рубеже XX–XXI вв. в очередной раз сменила вектор своего цивилизационного развития. С другой стороны, мне не удалось, возможно, предложить достаточно репрезентативные критерии.

Однако я настаиваю на том, что для того, чтобы российская цивилизация вышла из «протосостояния» и сформировалась окончательно как историческая данность, необходимы соответствующие условия или предпосылки, а также силы интеграции, напоминающие чем-то гравитацию в космическом пространстве.

Опыт проектной реконструкции моделей цивилизационного развития России. Приведу теперь свои комментарии с учетом выделенных мной критериев.

1. По убеждению многих мыслителей, Россия сможет обрести прочный цивилизационный статус, если ей удастся преодолеть духовный кризис и сформировать четкие *духовно-нравственные идеалы*. Как известно, у Г. Гегеля эти идеалы были воплощены в идеальном государстве как объективно-всеобщем, тяготеющем к абсолютному духу. Другие же мыслители предлагают иные концептуальные решения. Так, Н.Ф. Фёдоров, как и его последователь В.С. Соловьёв, связывал духовное развитие России с Софией («божественной премудростью»), которая открывает путь ко всеобщему воскрешению и бессмертию. Вместе с тем она является для него основополагающим принципом духовной организации российской цивилизации. София как вечно божественная и женственная сила выступает отправным пунктом философии всеединства В.С. Соловьёва. Она воплощается в христианском государстве, Вселенской церкви и призвана соединить Бога с земной жизнью людей. Именно на русский народ им возлагается миссия объединить все народы в лоне единой церкви. Вопрос заключается лишь в том, соответствует ли такая миссия чаяниям и надеждам самого народа.

Полагаю, что России не подходит в качестве духовной опоры и идея всеславянства Н.Я. Данилевского, который справедливо выступал против духовного господства Запада. Но на объединение под эгидой славянства вряд ли пойдут другие народы и этносы, населяющие Россию. Скорее, они согласятся со статусом космического суперэтноса, который приписывал народам России Н.Ф. Фёдоров. Очевидно, что духовные истоки российской цивилизации не следует искать только в христианстве, православии или славянстве, к чему были склонны В.С. Соловьёв, Н.Я. Данилевский и С. Хантингтон. Н.С. Трубецкой и другие евразийцы

придерживались как раз другой позиции и отстаивали цивилизационную независимость России. Вместе с тем они обогатили понимание духовности цивилизации понятиями симфонии, культурноличности, соборности и др.

Представления П.А. Сорокина о создании путем конвергенции интегральной («идеалистической») цивилизации в России также не нашли исторического подтверждения. Прогнозируемый им социокультурный распад Запада так и не завершился, а его духовные пороки («потребительство», эксплуатация труда, несправедливость и пр.) оказались не столь губительными, как он предполагал. Однако его вывод о необходимости формирования творческой личности с высокими моральными принципами вполне можно принять. Хантингтон же в свою очередь объясняет духовный раскол России исключительно религиозными причинами, что не соответствует действительности. Очевидно, что Россия не может конкурировать с Западом на его цивилизационном поле. У них совершенно разные логики культуры. Понять это позволяет логико-смысловой подход А.В. Смирнова, который видит цивилизационную специфику России в феномене всечеловечности, базирующейся, с его точки зрения, на логике все-субъектности³⁸.

2. По мнению указанных выше мыслителей, цивилизация в России может состояться, если она направлена на *поддержание и развитие жизни во всех ее проявлениях*. Этот критерий наиболее полно представлен в проектах Г. Гегеля, Н.Ф. Фёдорова, Н.С. Трубецкого и А. Швейцера, которые по-разному понимали как саму жизнь, так и саму жизненность идеальной для них цивилизации. Возможно, их объединяет представление о духовной стороне жизни цивилизации и непрерывном восхождении человека к духу. Одними из первых мыслителей такую задачу (восстановление жизни и утверждение бессмертия) перед российской цивилизацией ставят Н.Ф. Фёдоров и Н.Я Данилевский. Жизненный уклад российских людей последний связывает с их миролюбием, религиозной терпимостью, мягкостью и консервативностью

³⁸ См.: Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое / А.В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.

славянских народов как истинных творцов истории, не умаляя при этом значения других жизненных признаков.

Свой значительный вклад в разработку данного критерия внесли классические евразийцы (Н.С. Трубецкой и др.). Они поставили в качестве главной задачи цивилизационного переустройства России «практическую организацию жизни и мира». В своем проекте А. Швейцер, опираясь на свою этику благоговения перед жизнью, предложил обоснованную идею, которую можно условно назвать «цивилизацией жизни». С его точки зрения, ее можно реализовать на практике путем самоограничения, самопожертвования и самосовершенствования. В ее основе лежит «разумная воля к жизни среди другой жизни» и безграничная ответственность за всё живое.

3. По мнению большинства указанных выше мыслителей, цивилизационное будущее России зависит от того, будет ли она *человекоразмерной и сможет ли предоставить человеку достаточную степень свободного развития*. Как ни странно, данный критерий менее всего разработан в рассмотренных выше проектах цивилизационного развития России. Для Г. Гегеля человек свободен лишь в той мере, в какой он выражает бытие духа своего рода, государства и всего человечества. Как живой индивид он представляет собой субъективность, составляющую почву для свободы. Но эта свобода не является полной, если она не связана с родовой сущностью человека и его особенным или всеобщим бытием, воплощенным соответственно в семье, гражданском обществе и государстве.

Движение к свободе, по мнению Н.Я. Данилевского, присуще русскому человеку, так же как и прирожденная гуманность. При этом он несколько недооценивал роль революционных сил, полагая, что русские люди не могут быть втянуты в революцию в силу присущих им свойств равнодушия к власти и терпимости. Последующие революционные события опровергнули его тезис. Евразийцы переосмыслили данный критерий и предложили свое представление о гармоничном человеке и симфонической личности как о «единстве множества». В свою очередь П.А. Сорокин выступал за развитие индивидуальной инициативы и личного интереса, а также соединение их в цивилизации будущего с другими чертами национального характера русского народа. На мой взгляд,

он, так же как и Данилевский, идеализировал русский национальный характер.

4. Как считают многие мыслители, у России есть исторический шанс стать самостоятельной цивилизацией, если она сможет обеспечить *высокий уровень развития науки и образования*, а тем самым совершит рывок в научно-технической сфере и создаст новые поколения высокообразованных людей, способных заниматься созидательным трудом, а также тем, что А. Швейцер называл «культуротворчеством». Для Н.Ф. Фёдорова достижения науки, прежде всего медицины, должны служить излечению всех болезней и достижению бессмертия. А у Н.Я. Данилевского, напротив, идея славянства должна быть выше свободы, науки и просвещения, что вряд ли понравится народам России, которые правомерно претендуют на свое место в ее цивилизационном пространстве. Н.С. Трубецкой и другие классические евразийцы предложили более обоснованный проект развития науки и образования, используя критерий целостности научного знания. П.А. Сорокин выступал со своей стороны за развитие единой науки во всем мире, что станет возможным, с его точки зрения, в условиях интегральной цивилизации. Современная наука, действительно, приобрела во многом интернациональный характер.

5. Россия сможет стать технологической (а не техногенной) цивилизацией, если она сумеет подчинить технологии более высоким целям развития человека и общества (гуманизм, физическое и нравственное здоровье людей, мирное и ненасильственное освоение Космоса и пр.). Именно к этому призывал в свое время Н.Ф. Фёдоров, когда предлагал заняться делом всеобщего воскрешения и расширением жизненного пространства людей посредством высоких технологий (например, преобразования солнечной энергии, приобщения к силам природы, создания новых человеческих органов и пр.) и организации космических путешествий, которые осуществлялись бы при помощи специальных летательных аппаратов. Только так человек может стать «разумом Вселенной». Разработке данного критерия другие мыслители, в т.ч. классические евразийцы, не уделяли достаточного внимания.

6. По мнению многих философов, России нужны стабильная *политическая организация и хозяйственный уклад, соответствующие*

ее собственной логике культуры. Если Г. Гегель предлагает в качестве образца модель прусского государства, то Н.Ф. Фёдоров в основу политического устройства положил идеи твердой власти и братского союза людей, а также мирного и ненасильственного собирания русских земель. Он выступал за развитие сельского образа жизни на основе лучших технологических достижений городского хозяйства.

В отличие от них Н.Я. Данилевский ратовал за Всеславянский союз, способный укрепить могущество России и не допустить западного влияния. Увы, он не признавал тот факт, что это поставило бы другие народы России в зависимое положение. К тому же не стоит так идеализировать национальный характер русских и славян вообще. Однако тезис Данилевского о необходимости реализации гражданских и политических свобод граждан следует принять. У евразийцев, прежде всего у Н.С. Трубецкого, данный критерий более тщательно проработан, хотя с их принципом идеократии не всегда можно согласиться. Со своей стороны А. Швейцер предлагает человечеству произвести переоценку ценностей и поставить на первый план выработку новых правил общежития и проведение взвешенной политики в отношении всего живого на планете.

7. Как полагают некоторые философы, Россия в силу сложившихся исторических традиций должна обеспечить на всем своем цивилизационном пространстве *социальную справедливость и защищенность* людей, предоставив им равные условия для всестороннего и гармоничного развития. И всё же во времена, когда создавалось большинство этих проектов, задача социальной защиты граждан, по-видимому, не была столь актуальной, как сегодня. Однако проблема социальной справедливости поднимается большинством авторов проекта, хотя и с определенным уклоном. Так, например, у Н.Я. Данилевского она выражается в равноправном и дружественном союзе славян, что противоречит интересам других народов России. Кроме того, политическую независимость он ставил выше идеи справедливости, а национальное не отделял от человеческого. В свою очередь Н.С. Трубецкой и его соратники выступали за равноправное участие каждого человека в общем деле, а также за справедливое вознаграждение за его трудовые усилия.

8. Российская цивилизация, чтобы сохранить жизнь и создать условия для полноценного человеческого развития, должна стремиться к *экологической безопасности*. На первый план философии общего дела Н.Ф. Фёдорова выступает развитие естественного образа жизни людей и бережное отношение к природе, от которой зависит их полноценное существование. Несмотря на внешнюю привлекательность, я не уверен, что цивилизационный проект А. Швейцера с его «этикой благоговения перед жизнью» сможет побудить большинство российских людей совершить поворот в своем сознании в пользу природосохранения. Пока можно предположить, что ценность жизненных форм других существ, кроме человека, не так велика в современной России. Это относится в первую очередь к экологии социального окружения человека. Смогут ли люди взять на себя ответственность за всё живое, выйти из состояния деморализации и преодолеть чувство безнаказанности – вопрос не только риторический, но и практический. К сожалению, этот критерий недостаточно разработан большинством представленных мыслителей.

Таким образом, пока рано подводить предварительные итоги. Удалось ли указанным выше философам разработать и предложить достаточно реалистические и практически реализуемые проекты цивилизационного развития России? Ответ на этот вопрос вызывает у меня определенные затруднения. Мне сложно себе представить, что возможны единые основания как для проведения сравнительного анализа проектов, так и для самого проектирования российской цивилизации.

Однако, учитывая всё многообразие позиций и предложенные механизмы практической реализации, можно предположить, что проекты Н.Ф. Фёдорова и Н.С. Трубецкого отличаются наибольшей проработанностью. В целом же сравнительный анализ проектов показывает, что большинство высказанных идей и предложений обладает не только теоретической (или историко-философской), но и практической значимостью. Уверен, что они не утратили своей актуальности и сегодня. И еще не одно поколение философов и гуманитариев будет обращаться к наследию этих великих мыслителей за поиском ответов на волнующие их вопросы.

Получится ли у кого-то из современных исследователей работать на основе этих проектных идей интегральный проект, покажет будущее. Однако уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что главная ценность реконструируемых проектов заключается в том, что каждый из авторов проливает свет на цивилизационную специфику России, в т.ч. на ее цивилизационный «стержень», который по-разному интерпретируется в современной отечественной философии («культурный код», «логика смысла» и пр.).

Вместо заключения. Можно ли сегодня интегрировать имеющиеся цивилизационные проекты России? Объединить предложенные проектные версии можно условно, и то лишь на определенных условиях. Можно попытаться, например, выделить наиболее существенные, с точки зрения «интегратора», качественные черты или характеристики российской цивилизации, которые являются необходимыми и достаточными в данной системе цивилизационных координат. Поэтому, прежде чем предложить свое обоснование достоинств и недостатков интегрального проекта, вначале следует привести эти координаты. На мой взгляд, они вытекают из предложенных мной в начале очерка критериев цивилизационного развития:

1.1–1.2. *Трансцендентность* («потусторонняя» духовность, идея, исходящая от абсолюта, Бога) – *экзистенциальность* (духовность, заложенная в самом человеческом существовании «здесь-и-сейчас», «бытие-для-себя»);

2.1–2.2. *Ориентация на развитие жизни* (и связанная с этим жизнеспособность самой цивилизации, т.е. ее способность к саморазвитию) – *ориентация на поддержание жизни* (или адаптивность цивилизации);

3.1–3.2. *Человекоразмерность* (и сопутствующее ей свободное развитие человека) – *недостаточная человекоразмерность* (относительно зависимое или полузависимое положение человека);

4.1–4.2. *Интеллектуальная активность и мобильность* (наукоемкость и образованность) – *интеллектуальная пассивность и зависимость* (недостаточное развитие науки и образования);

5.1–5.2. *Высокая технологичность* (как значительная степень обеспеченности технологиями процессов жизнеобеспечения) – *низкая технологичность*;

6.1–6.2. *Устойчивое и стабильное развитие* политической и экономической систем, соответствующее логике их культуры – *неустойчивое и нестабильное развитие*, противоречащее собственной логике культуры;

7.1–7.2. *Социальная справедливость* (соблюдение баланса интересов между основными социальными группами, социальная защита нуждающихся) – *социальная несправедливость* (наличие жесткой социальной иерархии, незащищенность уязвимых социальных слоев и пр.);

8.1–8.2. *Экологическая безопасность* (наличие экологически здоровой среды) – *небезопасность* (наличие «зон риска» в социо-природной среде).

С учетом выделенных мной координат, попытаюсь оценить рассмотренные проекты (см. табл. 2).

Таблица 2

Проекты цивилизационного развития	Цивилизационные координаты России							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Проекты духовной организации жизни цивилизации								
«Цивилизация духа» (Гегель)	1.1	2.2	3.2	4.1	-	6.1	-	-
«Цивилизация жизни» (А. Швейцер)	1.2	2.1	3.1	-	5.1	6.1	-	8.1
«Трансцендентная цивилизация» (С. Хантингтон)	1.1	-	3.2	4.1	-	6.2	-	-
Проекты софийной и интегральной цивилизаций								
«Цивилизация общего дела» (Н.Ф. Фёдоров)	1.1	2.1	3.1	4.1	5.1	6.1	-	8.1
«Цивилизация Софии» (В.С. Соловьёв)	1.1	-	-	-	-	6.1	-	-
«Идеалистическая цивилизация» (П.А. Сорокин)	1.1	2.2	-	4.1	5.1	6.1	-	-

<i>Проекты всечеловеческой цивилизации</i>								
«Славянская цивилизация» (Н.Я. Данилевский)	1.1	-	-	-	-	6.1	-	-
«Евразийский проект» (Н.С. Трубецкой)	1.2	2.1	3.1	4.1	-	6.1	7.1	-
«Всецеловеческая цивилизация» (А.В. Смирнов)	1.2	-	3.1	-	-	6.1	-	-

Где **1.1**, **2.1** и **т.д.** характеризует представленность первой стороны дилеммы (например, трансцендентный), **1.2**, **2.2** и **т.д.** – вторую сторону (например, экзистенциальный или «смешанный» тип цивилизации), а – отсутствие или недостаточная разработанность данного пункта в проекте.

Таким образом, в зависимости от выбора той или иной стороны в системе цивилизационных координат России, получается следующее распределение позиций авторов реконструируемых проектов:

- проекты трансцендентных цивилизаций (Г. Гегель, Н.Я. Данилевский, Н.Ф. Фёдоров, В.С. Соловьёв, П.А. Сорокин, С. Хантингтон) и проекты экзистенциальных или «смешанных» (всечеловеческих) типов цивилизаций (Н.С. Трубецкой, А. Швейцер, А.В. Смирнов);

- проекты экологических цивилизаций, ориентированных на сохранение и развитие жизни (Н.Ф. Фёдоров, Н.С. Трубецкой, А. Швейцер), и проекты цивилизаций, ориентированных на поддержание жизни (Г. Гегель, П.А. Сорокин);

- проекты человекообразных (гуманистических) цивилизаций (Н.Ф. Фёдоров, Н.С. Трубецкой, А. Швейцер, А.В. Смирнов и др.) и проекты недостаточно человекообразных цивилизаций (Г. Гегель, С. Хантингтон).

Кроме того, практически все авторы проектов выступают за устойчивое развитие политических и экономических систем, соответствующее их логике культуры. Любопытно, что экзистенциальную или, скорее всего, «смешанную» модель цивилизации предлагают всего лишь трое мыслителей из девяти. Ведь этот пункт является проверочным для подтверждения правомерности

выбора авторами проектов человекообразной цивилизации. Конечно, «чисто» экзистенциальную модель представить себе достаточно трудно, если не обращаться к таким фигурам, как Ж.-П. Сартр или К. Ясперс. Экологическую модель цивилизации смогли частично обосновать только два мыслителя (Н.Ф. Фёдоров и А. Швейцер). И именно в ней проступает, на мой взгляд, цивилизационное будущее России.

Таким образом, большинство перечисленных мыслителей (авторов проектов) хотят видеть Россию трансцендентной, человекообразной, интеллектуально мобильной, устойчивой в политическом и экономическом отношениях цивилизацией. И лишь немногие из них обращают внимание на ее способность не только поддерживать, но и развивать жизнь как таковую, а также на высокую технологичность, стремление к социальной справедливости и экологической безопасности.

Можно ли из этого весьма схематического анализа сделать вывод о том, что эти показатели цивилизационного развития не являются значимыми для указанных мыслителей? Конечно же, нет. Каждый из них выделял лишь те критерии, которые были для него в тот момент актуальными. И только три автора (Н.Ф. Фёдоров, Н.С. Трубецкой и А. Швейцер) предложили комплексные проекты, в которых представлено максимально возможное число критериев, реализованных ими в достаточной мере (шесть или семь из восьми). Однако и их проекты не следует считать образцом цивилизационного проектирования. Ведь они всего лишь отражают авторские позиции, которые нельзя механически суммировать.

Далее попытаюсь представить то, как я вижу Россию в контексте предложенных выше проектов цивилизационного развития. Не удивительно, что универсалистская, по сути, идея духовной организации жизни, обоснованная Г. Гегелем, а затем трансформировавшаяся в этике А. Швейцера и сравнительной политологии С. Хантингтона, оказалась не совсем пригодной для проектирования российской цивилизации. И причина состоит не в том, что они не принимали Россию, «вычеркивая» ее из списка развитых цивилизаций. Дело заключается в другом: они мыслили совсем иначе, чем современные исследователи. Другими словами, они пытались понять другие цивилизации, в т.ч. и Россию, «своим

умом», исходя из логики собственной (т.е. западной) культуры. А их нельзя в принципе понять со стороны, не будучи укорененными в культуре и не имея соответствующей ей базовой интуиции. Поэтому и П.А. Сорокин, и С. Хантингтон видели Россию глазами западного (преимущественно американского) интеллектуала. Они не могли в силу присущей им логики культуры постичь ее «изнутри». Для этого нужно обладать, по-видимому, экосознанием и всесубъектностью.

В какой-то мере утопическими и нереализуемыми оказались цивилизационные проекты России, базирующиеся на идеях всеединства, софийности и интегрализма (Ф.Н. Фёдоров, В.С. Соловьёв и П.А. Сорокин). Причиной тому стало, скорее всего, искреннее желание этих мыслителей рассматривать миссию России в трансцендентной плоскости (как «благое место»), превратив тем самым русский народ, с одной стороны, в народ-богоносец, в предводителя Вселенской церкви (В.С. Соловьёв), или, с другой стороны, в народ, вечно экспериментирующий со своей страной, хотя и способный интегрировать в своем сознании идеи западной и советской цивилизаций (П.А. Сорокин).

Наконец, идея всечеловечности, которую представляют такие русские мыслители, как Н.Я. Данилевский, Ф.М. Достоевский и Н.С. Трубецкой, другие классические евразийцы, оказалась, на мой взгляд, наиболее продуктивной с точки зрения возможностей ее применения к цивилизационному проектированию России. Современная же интерпретация, предложенная, в частности, А.В. Смирновым, наполняет ее новыми смысловыми оттенками и подкрепляет методологически (логико-смысловой подход, в первую очередь – принцип «то же иначе»), хотя и не является, по мнению самого исследователя, завершённой. Сможет ли проект всечеловеческой цивилизации обрести своих сторонников, пока непонятно. Но он представляет собой реальную перспективу заняться тем, что евразийцы называли «практической организацией жизни», и вместе с тем предполагает взгляд на жизнь не с высоты абсолютного духа или божественного предназначения, а с точки зрения самих людей как непосредственных участников цивилизационного строительства России.

Итак, Россия имеет все шансы пойти по пути развития всечеловечности или иному пути и тем самым обрести собственное место в мире цивилизаций. Но для этого ей нужно, наконец, перестать быть нерадивой «ученицей», повторяя раз за разом пройденные уроки, и как можно скорее приступить к практическому обустройству собственного дома, опираясь на логику всей *своей* разнообразной культуры и полагаясь на творческую энергию *своего* многонационального народа.

Глава 8

Об изучении гецивилизационного сознания методом картирования

Картография, как и само познание, является необходимым упрощением, позволяет нам увидеть, где мы находимся и куда мы можем пойти.

Дж. Л. Гэддис

В рамках работы над мегатемой Института философии РАН «*Российский проект цивилизационного развития*» нами была проанализирована серия актуальных западных научных публикаций, посвященных концепции «столкновения цивилизаций» американского социолога и политолога Самюэля Хантингтона (1927–2008), которая представляет собой модель этнокультурного разделения цивилизаций в мире и была подробно освещена С. Хантингтоном в 1993 г. в одноименной статье в журнале “*Foreign Affairs*”¹, а также в историко-философском трактате «*Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка*»², который был опубликован в 1996 г. и содержит более подробное обоснование концепции. На основе полученных результатов нами была проведена формализация проанализированных исследований с использованием

¹ *Huntington S. The clash of civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 3. No. 72. P. 22–49.*

² *Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, 1996.*

авторских переменных, с помощью которых мы сформулировали три ключевых вывода: 1) в некоторых ситуациях культурные различия народов действительно становятся фактором эскалации конфликтов, в то время как во многих других случаях столкновения разгораются в связи с политическими, экономическими или идеологическими противоречиями, возникающими между государствами и их лидерами; 2) на международной арене отмечается наглядное сотрудничество стран, принадлежащих к разным цивилизациям, которых объединяют схожие экономические, политические или идеологические интересы, в то же время – история включает внушительное количество примеров масштабных вооруженных столкновений и войн, возникших в рамках одной цивилизации; 3) мнения западных экспертов сходятся в том, что сегодня при определении генезиса вооруженных конфликтов не всегда представляется возможным интерпретировать конфликт исключительно через цивилизационную призму, так как международные отношения представляют собой сложную *флуктуирующую* систему, включающую в себя культурный, социальный, политический, экономический и многие другие аспекты, смешение и конфронтация которых нередко приводят к масштабным столкновениям народов и государств.

Одной из основополагающих задач философии является познание и интерпретация духовой жизни общества в целом, а также самопознания человека в частности. Как отмечают российские философы В.А. Федотов и С.Н. Лапина, «особое значение имеет обыденное сознание для поддержания контакта между личностью и социумом, ценностями индивида и ценностями рода»³. Среди проанализированных нами западных откликов на концепцию «столкновения цивилизаций» особый научный интерес представляет эмпирическое исследование двух французских ученых о *географическом картировании* цивилизаций в сознании современной молодежи, поэтому в рамках данной главы мы проведем подробный контент-анализ этого исследования, на основе которого составим авторскую анкету для проведения опроса среди российской

³ Федотов В.А., Лапина С.Н. Обыденное сознание как социокультурный феномен // Общество: философия, история, культура. 2016. № 6. С. 27–29.

молодежи (и, как возможный вариант, различных социальных групп населения России), что позволит получить новый эмпирический материал для выполнения задач цивилизационного проекта Института философии РАН. Итак, перейдем к подробному освещению французского исследования.

В 2020 г. в престижном бельгийском журнале “BSGLg” (фр. “Bulletin de la Société Géographique de Liège” – пер. «Бюллетень географического общества Льежа») была опубликована статья двух профессоров из Университета Парижа 1 Пантеон-Сорбонны К. Диделон Луазо и Я. Ришара, которые рассматривают предложенную С. Хантингтоном классификацию цивилизаций и концепцию их столкновения в качестве реальной модели мироустройства и эмпирически проверяют ее существование в сознании современных студентов, преимущественно принадлежащих к исламской и западной цивилизациям⁴. К. Диделон Луазо и Я. Ришар отмечают, что несмотря на то, что концепция С. Хантингтона подверглась многочисленной критике со стороны научного сообщества, она заслуживает внимания общественности, так как обладает рядом весомых преимуществ, среди которых авторы выделяют следующие аспекты: 1) концепция «столкновения цивилизаций» позволяет сформировать упрощенную модель распределения стран в мире, которая может послужить *«рычагом»* коллективного действия и мобилизации; 2) труд С. Хантингтона так или иначе связан со «смежными» концепциями, включая *неоевразийство*, которое получило широкое распространение в 1990-х гг. в России; 3) теория «столкновения цивилизаций», по мнению авторов, представляет собой не столько иллюзорно-утопический инструментарий, сколько – наиболее эффективную парадигму для наблюдения, анализа и интерпретации международных отношений; 4) предлагая взглянуть на мировой порядок после холодной войны, в котором преимущество отдавалось США, С. Хантингтон все же выступал против широко распространенной модели однополярного мира; 5) С. Хантингтон не был сторонником глобального западного господства, отмечая, что в некоторых регионах возможно

⁴ Didelon Loiseau C., Richard Y. La géographie à la recherche des civilisations de Huntington, analyse des représentations du monde // BSGLg. 2020. No. 74. P. 5–22.

появление или возрождение других игроков на мировой арене; б) вместо «конца истории»⁵ Ф. Фукуямы С. Хантингтон предложил цивилизационную модель, олицетворяющую аргумент в пользу того, что история человечества не заканчивается. Авторы подчеркивают, что в рамках геополитического анализа важно учитывать то, как люди воспринимают мироустройство и каким образом они располагают родную страну и остальные государства в своем сознании.

По нашему мнению, при разработке цивилизационного проекта развития того или иного общества крайне важно исследовать и изучить субъективно-личностный микроуровень – тенденции и закономерности, выявленные на микроуровне, могут послужить эмпирической основой для их экстраполяции на макроуровень, который достаточно сложно измерить и исследовать ввиду его масштаба. Более того, изучение гецивилизационного сознания людей представляет большой интерес в контексте теоремы Томаса, которая гласит: «Если человек определяет ситуацию как реальную, то она становится реальной по своим последствиям, независимо от того, насколько она в действительности реальна». Подобно этому положению, если индивиды воспринимают цивилизационное разделение мира в качестве реально существующей модели мироустройства, то концепция «столкновения цивилизаций» будет проявляться в современных международных отношениях в скором или далеком будущем.

В рамках проекта “EuroBroadMap” с июля 2009 г. по январь 2010 г. было опрошено около 11 тыс. студентов третьего курса бакалавриата из 18 стран: Азербайджан, Бельгия, Бразилия, Венгрия, Египет, Индия, Камерун, Китай, Мальта, Молдова, Португалия, Россия, Румыния, Сенегал, Тунис, Турция, Франция, Швеция⁶. Данные страны охватывают шесть из восьми цивилизаций, выделенных С. Хантингтоном, за исключением буддийской

⁵ Fukuyama F. The end of history and the last man. New York: The Free Press, 1992.

⁶ Beauguitte L., Didelon C., Grasland C. Le projet EuroBroadMap. Visions de l'Europe dans le monde // Politique européenne. 2012. Vol. 2. No. 37. P. 156–167. URL: <https://www.cairn.info/revue-politique-europeenne-2012-2-page-156.htm> (дата обращения: 14.09.2021).

и японской. Авторы отмечают, что выборка относительно небольшая и ограниченная, так как некоторые цивилизации представлены лишь одной страной: так, из стран африканской цивилизации в выборку вошли студенты из Камеруна; выборка также включает Сенегал, но С. Хантингтон включил данную страну в исламскую цивилизацию. Ограниченность выборки также связана с тем, что анкетирование было проведено в рамках проекта “EuroBroadMap”, и список стран был составлен с учетом интересов Европейского Союза в начале 2010-х гг. Тем не менее по итогам опроса было собрано 9360 заполненных анкет, в которых респондентам предлагалось разделить мир на 2–5 регионов и дать им соответствующие названия. По сути, в эмпирическом исследовании французских ученых задействован метод реконструкции геоментальных карт под названием «наивная» география, подразумевающая создание «наивных» карт – субъективных визуализаций индивидуальных представлений о геопространстве – с целью выделения значимых для исследования параметров проблемы и конструирования (на основе данных параметров) теоретического контекста, объясняющего как индивидуальные проявления, так и социальные обобщения геоментальных репрезентаций⁷.

Из общей выборки “EuroBroadMap” авторы исследования сформировали собственную пару подвыборок. Так, анкеты с картированием мира студентами из Бельгии, Франции, Венгрии, Португалии и Швеции сформировали подгруппу «западных» студентов, в то время как анкеты с ментальными картами студентов из Азербайджана, Египта, Сенегала, Туниса и Турции образовали подгруппу «исламских» студентов. В общей сложности респондентами данной пары подвыборок было нарисовано 14 490 регионов. Каждый студент из «западной» подгруппы нарисовал в среднем по 7,14 регионов, из «исламской» – по 5,27⁸; что указывает на различия в ментальной структуризации регионов мира между западной и исламской цивилизациями, а также по сравнению

⁷ Зелянская Н.Л., Баранов Д.А., Белоусов К.И. Наивная география и топология геоментальных карт // Социо- и психолингвистические исследования. 2016. № 4. С. 127.

⁸ Didelon Loiseau C., Richard Y. La géographie à la recherche des civilisations de Huntington, analyse des représentations du monde // BSLG. 2020. No. 74. P. 11.

с восьмицивилизационной моделью С. Хантингтона. Более того, в обеих подвыборках значительное количество студентов решили нарисовать лишь один регион, однако данная тенденция в большей степени характерна для «исламской» подгруппы: около 11% студентов из исламской цивилизации и около 3% студентов из «западной» подгруппы нарисовали ментальную карту мира с выделением одного региона.

В ходе предварительного анализа ментальных карт студентов К. Диделон Луазо и Я. Ришар выявили две устойчивые тенденции. *Первое*, создаваемые респондентами карты расположения стран в мире характеризуются явным центрированием в пользу страны, в которой живут сами респонденты. Данная тенденция особенно проявилась в нумерации регионов: область на карте, пронумерованная цифрой «1», была нарисована в первую очередь и в большинстве случаев представляла собой регион, в котором находился и жил длительное время респондент. *Второе*, при картировании регионов студенты строили зоны «сотрудничества», помещая в одну и ту же область страны, которые в соответствии с их *субъективными* критериями принадлежат к одному региону и имеют общие черты, социальные, экономические, политические... или цивилизационные. Это позволяет проанализировать положение региона, в котором респонденты находятся, узнать название, которое они ему дают, и определить, какие региональные пространства студенты считают *отличными* от тех, к которым принадлежат. Любопытным является факт, что из общего числа нарисованных регионов около 4 тыс. областей были названы «специфическими» неординарными словосочетаниями. Так, несмотря на то что, большинство региональных названий воспроизводили классические, наиболее часто используемые в географии выражения (например, «Европа», «Азия», «Ближний Восток»), некоторые студенты использовали более личные и даже неординарные слова и выражения: «страны, где я хотел бы жить», «диджериду»⁹, «развитые страны, участвующие в глобальных торговых

⁹ *Диджериду* – один из старейших музыкальных инструментов в мире, представляет собой амбушюрный духовой музыкальный инструмент аборигенов Австралии в виде натуральной трубы, на которой методом передувания извлекают звуки натурального звукоряда.

потоках». Таким образом, почти треть нарисованных регионов имеют уникальные, в некоторой степени «самобытные» названия. Следует отметить, что доля оригинальных наименований регионов варьируется от подвыборки к подвыборке: «исламские» студенты кажутся более изобретательными и креативными, чем «западные» студенты.

Для оценки реальности и теоретико-методологической ценности концепции С. Хантингтона авторы выдвинули три гипотезы с использованием картографического и лексикографического подходов:

- **Гипотеза 1.** Если концепция мира, разделенного на несколько цивилизаций, является широко распространенной моделью мироустройства, то представления о расположении стран в мире у студентов будут обладать общими чертами и характеристиками: между двумя различными цивилизациями должна существовать их объединяющая прочная основа, которая может проявляться в использовании студентами схожих лексических единиц и словосочетаний, подчеркнем, независимо от стран и регионов, к которым они принадлежат;
- **Гипотеза 2.** Студенты из стран одной цивилизации будут идентифицировать себя как «членов» этой цивилизации: предполагается, что, рисуя карту мира, они поместят страну, в которой живут, а также страны, относящиеся к цивилизации их родной страны, в один географический район;
- **Гипотеза 3.** Если международные отношения и мировой порядок в целом поддаются интерпретации с точки зрения «цивилизационной» модели, то в названии регионов, сформированных респондентами, будет использоваться специальная лексика, которая либо относится к описанию этих цивилизаций (включает слова «исламский», «западный», «православный», «африканский» и т.д.), либо при картировании студентами «чужих» цивилизаций и стран отсылает к идее конфликта, столкновения и соперничества (включает соответствующую «враждебную» лексику).

Для проверки **Гипотезы 1**, авторы проанализировали использование студентами словарного запаса для обозначения регионов

при картировании мира. Результаты анализа показали, что совпадение лексики, используемой португальскими, французскими, бельгийскими и шведскими студентами, свидетельствует об общем мировоззрении жителей Западной Европы. В то время как страны исламской цивилизации, согласно ответам респондентов, слабо связаны между собой, а Турция и Тунис в некоторой степени коррелируют не с исламской цивилизацией, а с западной, постольку в терминах, используемых представителями исламской цивилизации, было зафиксировано мало общего. У респондентов, живущих в исламских странах, не выявлено единодушно разделяемого мировоззрения, которое проявлялось бы в употреблении схожих лексических единиц.

Проверяя *Гипотезу 2*, К. Диделон Луазо и Я. Ришар попытались выяснить, в какой цивилизационно-пространственной структуре находятся студенты и в какой регион они помещают страны, которые, согласно концепции «столкновения цивилизаций», принадлежат другой цивилизации. При проверке второй гипотезы авторы исследований анализировали только пространственную конфигурацию регионов в ментальных картах студентов, чтобы проверить их соответствие пространственным конфигурациям цивилизаций С. Хантингтона. Вторая гипотеза также не нашла своего подтверждения: некоторые студенты графически изобразили единство между исламской и западной цивилизациями, а то и между всеми цивилизациями, так или иначе опровергая основные постулаты теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона.

Еще одним примечательным аспектом распределения регионов на ментальных картах является факт, что как для «западной», так и для «исламской» подвыборок Соединенные Штаты и Канада часто отделены от других государств, расположенных в Северной Америке. Точно так же страны, принадлежащие, по С. Хантингтону, к «исламской» цивилизации, в большинстве случаев были разделены студентами как минимум на два основных региона: Африку и Азию. Таким образом, со строгой картографической точки зрения анализ ментальных карт мира противоречит концепции С. Хантингтона: ни «западные», ни «исламские» студенты не нарисовали регионы, которые вписались бы в пространство, соответствующее по форме одной из цивилизаций С. Хантингтона.

Переходя к проверке *Гипотезы 3*, авторы исследования исходят из положения о том, что «столкновение цивилизаций» может относиться прежде всего к дискурсу и риторике, в связи с чем французские ученые сфокусировали внимание на словаре, используемом студентами для обозначения регионов: используют ли респонденты слова и словосочетания, которые свидетельствуют о цивилизационной модели мироустройства, а также об идее цивилизационного противостояния между нарисованными регионами. Так, наименованием, которое наиболее часто использовали студенты из «исламской» и «западной» подгрупп, стало «Европа»: 49,6% «западных» студентов и 20,6% «исламских» респондентов использовали данное слово в своих ментальных картах. Такой разрыв в показателях авторы связывают с тем, что значительная часть «исламских» студентов (напомним, почти треть) использовала «авторские» неординарные названия регионов, упомянутые выше.

Наиболее часто используемые названия регионов на ментальных картах студентов в большинстве случаев соответствуют традиционным названиям *континентов*, а не цивилизаций: например, «Европа», «Африка», «Южная Америка», «Северная Америка», «Азия», «Океания». Отдельную группу составили названия *регионов* и *стран*, которые, как правило, используются в географическом или геополитическом контексте, среди них: «Ближний Восток», «Западная Европа», «Восточная Европа», «Австралия», «Россия», «Турция», «Индия». Авторы подчеркивают, что ни одно из вышеуказанных наименований не соответствует непосредственным названиям цивилизаций С. Хантингтона. Так, термины «Запад» или «Ислам» не были использованы респондентами. Хотя в ментальных картах встречаются такие термины, как «Магриб¹⁰» или «Ближний Восток», однако они относятся к классическому и нейтральному словарю для обозначения частей света в географии и геополитике, а с пространственной точки зрения они соответствуют лишь определенным частям «исламской» цивилизации, идентифицированной С. Хантингтоном. Таким образом,

¹⁰ Регион Магриб включает страны Северной Африки, расположенные к западу от Египта.

в лексических единицах, используемых студентами при картировании стран в мире, авторы исследования не смогли выявить словосочетания и выражения, непосредственно относящиеся к выделенным С. Хантингтоном цивилизациям.

К. Диделон Луазо и Я. Ришар переходят к поиску ответа на вопрос о том, имеются ли в используемых студентами терминах слова и словосочетания, относящиеся к идее столкновения и конфронтации цивилизаций. Для этого авторы составили список терминов, которые они ожидали найти в лексических единицах ментальных карт респондентов. В данный список вошли такие термины, как «*нетерпимость*», «*эксплуатация*», «*фундаментализм*», «*высокомерие*», «*религиозный фанатизм*», «*империализм*», «*колониализм*», «*расизм*», «*эгоизм*», «*авторитаризм*» и т.д. В конечном счете авторами было выявлено только 496 случаев использования «враждебно-конфликтных» выражений, что составило 5,27%. При этом данные выражения были использованы не только по отношению к другой «чужой» цивилизации, но и к своей цивилизации. Таким образом, общий объем лексических единиц, связанных с идеей «столкновения цивилизаций», является незначительным.

В заключение авторы указывают на не распространенность теории С. Хантингтона: исследование показало, что в сознании молодежи разделение мира на зоны представлено континентально, а не цивилизационно. Результаты, полученные К. Диделон Луазо и Я. Ришаром, являются частью уже давней традиции критического обсуждения концепции «столкновения цивилизаций». Тем не менее они позволяют сделать еще один *новый* шаг вперед, указав на слабость работы С. Хантингтона, которая не была изучена во многих критических замечаниях и откликах, которые уже были адресованы ему ранее. Он предложил мировоззрение, представленное как установленный факт, как подтвержденную «уже существующую» реальность. Однако выводы французских ученых доказывают обратное: разделение мира на регионы обычно носит *классически континентальный*, а не *цивилизационно-хантингтонский* характер, т.к. наиболее часто используемые названия обозначают сами *континенты*, а не *цивилизации*. Результаты опроса свидетельствуют о том, что на сегодняшний день

современная молодежь не разделяет представление С. Хантингтона о мире и его идею о столкновении между цивилизациями и строят карты, в которых страны группируются по политико-географическому, а не цивилизационному основанию. При этом К. Диделон Луазо и Я. Ришар указывают на ограниченность своего эмпирического исследования и предполагают, что студенты из США предложили бы такое видение мира, которое олицетворяло бы идею столкновения цивилизаций. Кроме того, выборка состояла только из студентов, и было бы интересно провести опрос среди других категорий населения. Наконец, авторы полагают, что ментальные карты и взгляды на устройство мира меняются с течением времени под влиянием международных событий. Так, конфликт в Сирии, исламские столкновения в Европе и США и регулярное упоминание темы цивилизаций в СМИ могут способствовать распространению концепции С. Хантингтона в некоторых странах.

Возвращаясь к исследовательским вопросам, сформулированным в начале данной главы, следует отметить, что проведенный нами контент-анализ публикации французских ученых свидетельствует о том, что в сознании современной молодежи имеет место геополитическое картирование мира, оставляя в стороне цивилизационное группирование стран и «разломы» С. Хантингтона. Тем не менее теоретико-методологический подход, задействованный в труде К. Диделон Луазо и Я. Ришара, представляет большой научный интерес для эмпирического исследования когнитивного картирования мира современной российской молодежи – с помощью картирования предоставляется возможным выявить статистически трудноизмеримый тип **смыслополагания** студентов, который *«определяет, согласно логико-смысловому подходу, лицо культуры, – это не конкретная форма, не конкретное содержание, вообще не то, что могло бы пониматься как сущность, как вещь; это – способ создания, порождения содержания, но не само содержание»*¹¹. В этой связи мы разработали анкету для проведения опроса среди студентов старших курсов бакалавриата, магистратуры и специалитета с целью определения

¹¹ Смирнов А.В. Всечеловеческое vs Общечеловеческое. М., 2019. С. 27.

реальности концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона в восприятии мирового порядка. Анкета включает два блока вопросов: А) формирование ментальных карт с выделением регионов, формулированием их наименований и кратких характеристик; В) вопросы для составления социально-демографического портрета респондентов.

АНКЕТА

Блок А

А1. Перед Вами белый лист бумаги [*раздается модератором*], на котором Вам предлагается нарисовать *собственную карту мира*: расположите страны, континенты и регионы мира так, как *Вы их представляете* в своем воображении, и отразите на карте те объекты, которые, по Вашему *личному* мнению, являются *наиболее важными* при распределении областей/регионов в мире.

А2. Озаглавьте и пронумеруйте (*в любом порядке*) все нарисованные на Вашей карте объекты.

А3. Сформулируйте краткую характеристику (*3–5 словосочетаний*) для каждой выделенной Вами области/региона:

Наименование области/региона	Краткая характеристика

А4. Напишите первые три ассоциации (для каждого объекта на карте), которые приходят Вам на ум:

Наименование области/региона	3 ассоциации

A5. Распределите выделенные Вами объекты/области по группам и кратко (*1–2 предложения*) поясните Ваш выбор:

Я хотел бы здесь жить	Я хотел бы здесь побывать	Нейтральное отношение	Я не хотел бы здесь оказаться	Я не хотел бы здесь жить
Название региона/ области	Название региона/ области	Название региона/ области	Название региона/ области	Название региона/ области
<i>Потому что:</i>	<i>Потому что:</i>	<i>Потому что:</i>	<i>Потому что:</i>	<i>Потому что:</i>

Блок В

V1. Ваш пол:

- Женский
- Мужской

V2. Ваш возраст: _____

V3. Ваш курс обучения (*отметьте галочкой*):

Бакалавриат

- 3 курс
- 4 курс

Магистратура

- 1 курс
- 2 курс

Специалитет

- 4 курс
- 5 курс

V4. Ваш ВУЗ (*наименование, допускается аббревиатура*):

V5. Место рождения (*город, страна*): _____

В6. Принадлежность к этнической группе (национальность):

В7. Ваше вероисповедание (отметьте галочкой):

- православие
- католицизм
- протестантизм
- иудаизм
- ислам
- буддизм
- я атеист
- другое (укажите): _____

Важным этапом анкетирования является интерпретация полученных ответов респондентов и их систематизация. Перейдем к поэтапному планированию анализа нарисованных ментальных карт и заполненных анкет по блокам. Итак, при интерпретации ответов на вопрос «**А1.** *Перед Вами белый лист бумаги, на котором Вам предлагается нарисовать собственную карту мира: расположите страны, континенты и регионы мира так, как Вы их представляете в своем воображении и отразите на карте те объекты, которые, по Вашему личному мнению, являются наиболее важными при распределении областей/регионов в мире*» необходимо задать следующие **референтные карты** для их соотношения с полученными в результате анкетирования ментальными картами студентов: 1) физическая; 2) континентальная; 3) политическая; 4) цивилизационная карты мира. Данные референтные (эталонные) карты мира могут служить точкой опоры при интерпретации ментальных карт респондентов: рисунки студентов необходимо соотносить с референтными картами на предмет наибольшего сходства. Логичным следствием является факт, что наибольший эмпирический интерес для нас представляют ментальные карты, которые нарисованы по принципу цивилизационного подхода (даже если количество указанных респондентом цивилизаций не совпадает с восьмью цивилизациями С. Хантингтона). Ментальные карты специфического неординарного характера, т.е. не имеющие сходства ни с одной из предложенных нами референтных карт, должны составлять отдельную группу, которая может быть изучена и интерпретирована в рамках нового научного исследования.

При анализе ответов респондентов на вопросы «**A2.** *Озаглавьте и пронумеруйте (в любом порядке) все нарисованные на Вашей карте объекты*»; «**A3.** *Сформулируйте краткую характеристику (3-5 словосочетаний) для каждой выделенной Вами области/региона*»; «**A4.** *Напишите первые три ассоциации (для каждого объекта на карте), которые приходят Вам на ум*» нам необходимо сформулировать список слов-маркеров, которые будут указывать на проявление цивилизационного подхода С. Хантингтона в сознании респондентов. Так, эмпирический интерес для нас представляют следующие словосочетания, которые могут быть использованы при наименовании и описании регионов, отображенных на карте: «цивилизация», «западная», «конфуцианская» или «синская», «японская» или «Япония», «исламская», «индуистская», «православно-славянская», «латиноамериканская» «африканская», «столкновение», «конфликт», «линия разлома», «агрессия», «война», «терроризм», «культура», «религия», «язык», «этнос» и родственные им слова/словосочетания. Что касается нумерации, здесь можно проверить гипотезу, которая нашла подтверждение в исследовании К. Диделон Луазо и Я. Ришара о том, что ментальные карты студентов характеризуются центрированием в пользу родного (для респондента) региона: студенты в первую очередь рисовали область, в которой жили, и нумеровали ее цифрой 1. Интересно, в каком порядке будут располагать российские студенты объекты на ментальной карте и какое число будет присвоено региону, включающему в состав Россию?

Ответы студентов на вопрос «**A5.** *Распределите выделенные Вами объекты/области по группам и кратко (1-2 предложения) поясните Ваш выбор*» позволять выявить их личное отношение к тому или иному региону/области, которые были нарисованы на ментальной карте, а также проследить причинно-следственную связь между положительным/нейтральным/негативным восприятием региона и факторами, которые способствовали его формированию (предполагается, что информация о причинах будет раскрыта респондентами в графе «потому что» таблицы к вопросу A5) в комбинации с социально-демографическими характеристиками респондентов. Как писал С. Хантингтон, «...в глубине нашего сознания сидят скрытые допущения, предубеждения

и предрассудки, которые определяют наше восприятие реальности, и наше видение фактов, и наше суждение об их важности и сущности. Нужны явные (эксплицитные) или неявные (имплицитные) модели, которые позволили бы нам систематизировать и обобщать реальность...»¹². По нашему мнению, одной из эксплицитных моделей является ментальная карта, которая позволяет отобразить в систематизированном и обобщенном формате когнитивное восприятие реальности индивида.

Блок В содержит социально-демографические показатели, которые могут быть использованы при интерпретации ответов респондентов и поиске корреляций между типом нарисованной карты и местом рождения респондента или, например, между использованными студентом лексическими единицами и его возрастом, национальностью и т.д. Для сбора достоверной информации необходимо обеспечить анонимность. Социально-демографические показатели позволяют расширить перечень исследовательских гипотез и инструментов их проверки. Более того, после осуществления кодирования ответов респондентов, предоставляется возможным создание массива данных в программе “IBM SPSS Statistics” для их дальнейшего, углубленного статистического анализа. Отметим, что проведение опроса может также осуществляться среди всего российского населения, а не только среди молодежи. Для этого необходимо удалить вопрос «**В3.** Ваш курс обучения», а вопрос «**В4.** Ваш ВУЗ» заменить на вопрос об уровне образования респондента со множественным выбором ответов (среднее общее, среднее профессиональное, высшее I/II/III степени). Информация об уровне образования позволит также провести корреляционный анализ ментальных карт респондентов.

Фундаментальность обыденного сознания проявляется в его способности генерировать основные духовно-культурные ценности, образующие специфические формы развитого, цивилизованного общественного сознания¹³. Проведение онлайн- или офлайн-анкетирования с использованием разработанной нами анкеты

¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 1996. С. 16.

¹³ Федотов В.А., Лапина С.Н. Обыденное сознание как социокультурный феномен // Общество: философия, история, культура. 2016. № 6. С. 27–29.

позволит собрать ценный эмпирический материал, необходимый для определения характерных черт цивилизационного общественного сознания и построения актуального социокультурного портрета российского общества, а также прогноза возможных трансформаций российского общественного сознания в контексте современной сложной «социо-техно-природной» реальности¹⁴ с нелинейным вектором развития.

Заключение

За последние 25 лет концепция «столкновения цивилизаций» неоднократно подвергалась критике со стороны научного сообщества. Однако ученые из разных стран из года в год пытаются рассмотреть цивилизационную парадигму американского политолога С. Хантингтона с различных углов, позиций и точек зрения, проверяя и испытывая ее теоретико-методологический потенциал. Так, в 2020 г. французские ученые из Университета Парижа 1 Пантеон-Сорбонны К. Диделон Луазо и Я. Ришар реализовали фундаментальное научное исследование, цель которого заключалась в эмпирическом тестировании цивилизационной модели мироустройства С. Хантингтона на предмет ее существования и проявления в сознании современной «западной» и «исламской» молодежи. Несмотря на то, что результаты исследования свидетельствовали о *незначительном* присутствии цивилизационной парадигмы в когнитивном восприятии мира опрошенных студентов, метод ментальной репрезентации реального геопространства, задействованный в исследовании К. Диделон Луазо и Я. Ришара, представляет собой *особый* эмпирический инструмент, с помощью которого можно выявить и интерпретировать индивидуальное *имплицитное* восприятие мирового пространства и проследить латентные когнитивные установки человека по отношению к окружающему миру и его геополитическому устройству – все то, что не представляется возможным измерить «сухими» количествен-

¹⁴ Кравченко С.А. Усложняющиеся метаморфозы: социологические поиски ответов на вызовы. Монография. М.: АНО «Редакция журнала “Знание-сила”», 2019. С. 65.

ными статистическими методами. Более того, международные отношения в эпоху глобализации соответствуют концепции «текущей современности»¹⁵ британского социолога З. Баумана, согласно которой современное общество постмодерна характеризуется высоким уровнем неопределенности и пребывает в состоянии перманентного «течения», «ускользания» и «перетекания», это касается не только социальных ценностей и норм, но и социальных взаимодействий на микро- и макроуровнях. В этой связи следует отметить, что ментальное картирование обладает методологическим преимуществом, которое заключается в возможности зафиксировать трудноизмеримые когнитивные восприятия геополитического пространства индивидов в эпоху глобализации и «текучего» постмодерна, что позволяет получить ценный для создания проекта цивилизационного развития общества эмпирический материал. Поэтому нами была разработана анкета для проведения опроса среди российских студентов старших курсов бакалавриата, магистратуры и специалитета, с помощью которого можно узнать то, как современная молодежь в России воспринимает мировое пространство, учитывая «неоднозначное» географическое положение Российской Федерации между Европой и Азией, а также выделение православной цивилизации в отдельную категорию С. Хантингтоном. Будут ли результаты будущего исследования отличаться от выводов, сформулированных К. Диделон Луазо и Я. Ришаром или нет? В какой степени концепция «столкновения цивилизаций» сегодня проявляется в ментальных картах мира российской молодежи? Какой тип референтной карты наиболее распространен в ответах респондентов и почему? Эти и многие другие исследовательские вопросы могут быть изучены в дальнейшем в рамках «Российского проекта цивилизационного развития» с помощью метода социального картирования.

¹⁵ Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.

Литература

1. *Бауман З.* Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. *Зелянская Н.Л., Баранов Д.А., Белоусов К.И.* Наивная география и топология геоментальных карт // Социо- и психолингвистические исследования. 2016. № 4. С. 126–136.
3. *Кравченко С.А.* Усложняющиеся метаморфозы: социологические поиски ответов на вызовы. Монография. М.: АНО «Редакция журнала “Знание-сила”», 2019. 236 с.
4. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs Общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
5. *Федотов В.А., Лапина С.Н.* Обыденное сознание как социокультурный феномен // Общество: философия, история, культура. 2016. № 6. С. 27–29.
6. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 1996. 660 с.
7. *Didelon Loiseau C., Richard Y.* La géographie à la recherche de civilisations de Huntington, analyse des représentations du monde // BSGLG. 2020. No. 74. P. 5–22.
8. *Fukuyama F.* The end of history and the last man. New York: The Free Press, 1992. 418 p.
9. *Huntington S.* The clash of civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 3. No. 72. P. 22–49.
10. *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon and Schuster, 1996. 374 p.

Глава 9

Антропосоциокультурные характеристики общества, возникшего в России

Итак, мы имеем возможность учесть: итоги 30 лет исследований социокультурной эволюции постсоветской России и ее регионов, включая обоснованные оценки как позитивно-стабилизирующих, так и стабилизирующе-стагнирующих тенденций последнего времени; сходные выводы многих исследований наших коллег – социологов, экономистов, политологов, культурологов; поправки в Конституцию Российской Федерации, результирующие изменения; новое понимание тысячелетней истории России как череды массовых травм и подъемов жизни населения, связанных с рутинной симбиозно-травмогенной культурой взаимодействий граждан¹. Это позволяет высказать *подытоживающие предположения* по вопросам:

- *Продолжается ли постсоветский транзит России?*
- В каком обществе мы живем?

Завершение постсоветского транзита России. Почти за треть века после самораспада СССР и частичного распада Советской России, которыми завершилась попытка перестройки СССР в условиях его патологического кризиса, постсоветская Россия, ее общество и государство прошли три этапа реверсивно-гибридного транзита-трансформации. Это этапы: (1) острого противостояния либеральных и консервативных сил, завершившегося

¹ Подробнее см.: Лапин Н.И. Сложность становления новой России и гражданско-общественная культура ее населения. М.: Весь Мир, 2021.

расстрелом консервативного парламента, принятием Конституции 1993 г. и хаотичной приватизацией 90-х гг. XX в., которая породила «дикий капитализм»; (2) стабилизации возникших контрастов (нулевые годы нового столетия); (3) умеренной модернизации (10-е годы этого столетия), смягчившей контрасты и разделившей население на три доходные макростраты (бедные и нищие; обеспеченные; богатые и сверхбогатые), долю которых среди населения (в %) с некоторым упрощением можно выразить пропорцией: 50, 40, 10. При всех существующих проблемах, это именно российское общество, вернувшее себе свои естественно-исторические основания, хотя и не полностью². Изменения, совершившиеся почти за треть века на основе программных положений Конституции 1993 г., подытожены и закреплены в 2020 г. в поправках к Основному закону страны.

Таким образом, **2020 г. можно считать рубежным** в трансформации России: завершился ее гибридно-реверсивный транзит от советского социализма к обществу иного типа. С позиций антропосоциокультурного подхода это общество не формационного, но естественно-исторического типа, в своеобразном российском его воплощении на существующем этапе истории страны. Иными словами, российское общество (и Россия в целом) стало иным, чем советское и досоветское, но далеко не тем, к которому давно стремились и сейчас стремятся многие россияне. Это уже не транзитное, а в основных чертах определившееся общество, которое воспроизводится и изменяется по иным параметрам, чем транзитное и дотранзитные общества. Какие это параметры или – шире – характеристики?

² По оценке Президента России В.В. Путина, «большевики относились к русскому народу как неисчерпаемому материалу для социальных экспериментов. Они грезили мировой революцией, которая, по их мнению, вообще отменит национальные государства. Поэтому произвольно нарезали границы, раздавали щедрые территориальные “подарки”. В конечном счете, чем именно руководствовались лидеры большевиков, кромсая страну, уже не имеет значения. Можно спорить о деталях, о подоплеке и логике тех или иных решений. Очевидно одно: Россия фактически была ограблена» // *Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев*. М., 2021. С. 13.

Культура и взаимодействия граждан. Следует признать недостаточными недавно авторитетно устойчивые, а ныне очевидно идеологически преходящие конструкции настоящего и будущего и постараться представить (реалистично сконструировать) возникшее общество в идеологически нейтральных терминах процесса *социокультурных взаимодействий граждан* между собой и со своими сообществами: местными, с их жизненными мирами, и региональными, большим российским обществом и его государством, российско-евразийской цивилизацией. Но не вообще, а на их нынешнем этапе развития, в их своеобразии.

Культура – основное ее содержание, ее *смыслы* возникают благодаря **мышлению** – специфически человеческому способу (способности) деятельности, который обеспечивает смыслополагание всех видов деятельности и придает ценностные значения их содержанию и результатам; в итоге культура выступает как относительно самостоятельная сфера (надбиологическая, надперсональная, надсоциальная), программирующая всю жизнедеятельность человека.

Культура осуществляет взаимосвязь межиндивидуальной и макросоциальной сфер жизнедеятельности, выступая дополнительным регулятором каждой из них, который обеспечивает функционирование и саморазвитие человека и общества. В сфере культуры индивиды используют творческий потенциал своего ума (рассудка и разума, продуктивного воображения) для понимания общественных смыслов своих действий – как взаимодействий с другими индивидами и их сообществами. Эти смыслы составляют **гражданскую культуру взаимодействий** индивидов, которая выступает **синтезирующим регулятором** межиндивидуальной и макросоциальной сфер взаимодействий людей и их сообществ.

Учитывая результаты современных исследований, уточним основные **компоненты культуры**:

- **смыслополагающие** – это *логика смыслополагания*³, общая для взаимодействующих индивидов и выражающаяся в правилах их *языка* как способа смыслополагания и общения;

³ См.: Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.

- **деятельностно-коммуникативные** – это *способы взаимодействия человека с другими людьми и с природой*, общие умения действовать, в том числе навыки труда, мифы, обычаи, нравственные нормы, необходимые для упорядоченной совместной жизни людей, прежде всего – *золотое правило нравственности*⁴, его аналоги, предшествовавшие категорическому императиву И. Канта, и др.;
- **материально-результатирующие** – это *орудия труда, другие орудия действий, результаты их использования, продукты* трудовой деятельности, в том числе духовной: книги и иные тексты, фиксированные на их материальных носителях, и др.

Таким образом, **культура** – это совокупность духовных и материальных способов и результатов деятельности, осуществляемой человеком и отличающей его от животных. Это способ **первичного консенсуса** множества людей, позволяющий им совместно жить и действовать. Можно сказать, это такой консенсус, без которого немислимо общество и любое сообщество людей. Он возник как результат длительной эволюции человека и его малых культурных групп и сообществ, стал предпосылкой становления и развития больших сообществ – цивилизаций и обществ, эволюционирует вместе с эволюцией деятельности людей. Качество всей деятельности человека во многом зависит от состояния его **культуры взаимодействий** с другими людьми и с природой.

Культура кумулятивна: прежние ее достижения не утрачиваются, а сжимаются, архивируются и уходят в глубинные основания культуры настоящего времени. Поэтому культура многослойна, а в эпоху социокультурных потрясений глубинные ее слои всплывают вверх, становятся явными и поражают современников своей архаикой.

Граждане – субъекты действий и взаимодействий. Основным, всеобъемлющим массовым субъектом действий и взаимодействий в обществе, организуемом государством, являются граждане. **Гражданин** (лат. *civis*, греч. *polites*) – в правовых и политических

⁴ См.: Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. Т. 1.

науках означает принадлежность лица к определенному государству, правовую зависимость этого лица от власти данного **государства**, наличие фиксированных в законах взаимных прав и обязанностей. Конкретные его значения историчны. В наше время гражданин и государство обычно понимаются как субъекты общества: государство служит политической организацией общества, а гражданин – одновременно и исходная универсалия антропосоциокультурного сообщества, и основной субъект функционирования государства. Но так было не всегда и не везде. Для античных римлян *civis* был насыщен человеческими смыслами дружбы, товарищества, достоинства, а для греков *polites* был основан на внеличных, формальных критериях гражданственности⁵.

Гражданское общество (*societas civilis*) – еще более многозначный, остро обсуждаемый термин. В центре находится вопрос о возможностях граждан осуществлять контроль за действиями государства; при этом одни отстаивают невмешательство органов государства в бизнес, а другие добиваются усиления функций социальной защиты слабых, повышения контроля государства за состоянием богатства.

Можно выделить основные практически значимые **качества культуры взаимодействия** человека в сообществе людей – с гражданами и с обществом в целом:

- каждый взрослый психологически нормальный человек **обладает** умом, позволяющим ему самостоятельно определить свое благо, его конкретные параметры и действовать согласно золотому правилу (категорическому императиву) взаимодействий людей;
- каждый такой человек **имеет право** пользоваться своим умом во взаимодействиях с другими людьми и с созданными ими институтами, включая государство, без руководства со стороны кого-либо другого.

Эти два качества представляют собой **интеллектуальный потенциал** разумного взаимодействия людей согласно категорическому императиву. Но чтобы реализовать этот потенциал, человеку

⁵ См.: Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Росспэн, 1997. С. 160–169.

необходимо **нравственно-волевое качество: мужество**, достаточное для защиты этого потенциала и для преодоления препятствий его осуществлению.

Соответственно, можно наметить предпосылки и результирующие основания, **смыслы** базовых взаимодействий граждан с обществом и государством, их **гражданско-общественной культуры**.

Гражданская культура, основания ее типологии. Действия и взаимодействий людей как **граждан** определенного общества, организуемого государством, осуществляются определенными способами, в соответствии с тем видом культуры, который можно назвать гражданской культурой. Она представляет собой синтезирующую форму *лично-массового сознания*⁶, которая обобщенно выражает понимание гражданами смысла своих взаимодействий с другими членами данного общества и той цивилизации, с которой они идентифицируют себя.

Гражданскую культуру целесообразно характеризовать по нескольким основаниям. Прежде всего, требуется учитывать общее состояние качеств гражданской культуры на данном этапе развития общества: ее **незрелость (несовершеннолетие)** или **мужественная зрелость**.

Более конкретные различия определяются видами взаимодействующих субъектов и объектов:

- **Гражданско-личностная:** культура отношения гражданина к самому себе и к другим гражданам его общества как к личностям.
- **Гражданско-общественная:** культура взаимодействий гражданина с другими гражданами его общества и с обществом в целом.

Эти два основания можно считать функционально внутренними по отношению к самим гражданами и их обществу, а следующие два – функционально внешними.

- **Гражданско-цивилизационная:** культура взаимодействия гражданина с гражданами других обществ его цивилизации и со своей цивилизацией в целом.

⁶ О специфике массового сознания см.: Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 386 с.

- **Гражданско-всечеловеческая (космополитическая):** культура взаимодействий гражданина с гражданами любых других обществ.

Помимо этого, можно выделить качества, характеризующие содержание взаимодействий людей по поводу обладания-распоряжения объектами и их результаты:

А. Социально-экономические

- Наличие или отсутствие у работников орудий, средств труда;
- Отношение работников к прибавочному продукту своего труда: самоотчуждение или присвоение (отчуждение) результатов чужого труда;
- Качество жизни людей.

Б. Властно-управленческие

По этому основанию исследуется множество качеств. Обобщенно их можно разделить на:

- Властно-распорядительные;
- Подвластно-исполнительские.

В. Гражданско-общественные

По этому основанию можно выделить несколько синтезирующих и в то же время лично-дифференцированных качеств. Учитывая недостаточную разработанность этой тематики, ограничимся альтернативными парами обобщенных качеств взаимодействий индивидов с обществом:

- **рутинное частное обладание** или **инновационное созидание** новых средств, технологий, результатов труда;
- **собрание** других сообществ людей или **обособление** своего сообщества от других;
- **инновационное созидание** или **обладательная паразитарность, порождающая травмогенность**;
- **симбиозное** или **композитное** взаимодействие управленческих и исполнительских слоев работников; первое склонно к частному присвоению и обладанию за счет других, второе – к собранию, инновационному созиданию путем сочетания частных интересов и общего блага.

Г. Гражданско-цивилизационные

Возможны различные сочетания этих (и иных) качеств взаимодействий. Применительно к истории России, понимаемой как общество, государство и цивилизация, полезно учитывать комплексные типы гражданской культуры, которые включают как гражданско-цивилизационные, так и гражданско-общественные ее компоненты.

Комплексные типы гражданской культуры взаимодействий

К Σ -1. Собирающе-симбиозная культура: гетерогенное сочетание цивилизационно-собирающей культуры, которая сопряжена с подъемами жизнедеятельности населения и общества, и рутинной социально симбиозной гражданско-общественной культуры населения (как управленческо-обладательной культуры управленческих слоев, так и культуры исполнительских слоев), которая сопряжена преимущественно с травмами жизнедеятельности населения и общества.

К Σ -2. Собирающе-обладательная культура: гетерогенное сочетание цивилизационно-собирающей и индивидуально-обладательной культуры всего населения.

К Σ -3. Обособляюще-обладательная культура: гетерогенное сочетание цивилизационного обособление от иных культур и индивидуально-обладательной культуры всего населения.

К Σ -4. Собирающе-созидательная культура: композитное сочетание цивилизационно-собирающей и социально-комплементарной инновационно-достижительной культуры разных слоев населения.

На основе этой, пусть и краткой, характеристики антропосоциокультурных предпосылок и оснований общества можно более определенно охарактеризовать **общество, возникшее в России** по завершении постсоветского реверсивно-гетерогенного транзита:

- в результате разрушения институтов советского общества и сохранения собирающе-симбиозной, рутинно травмогенной культуры взаимодействий граждан, *возникло российско-евразийское, социально-симбиозное общество со смешанной экономикой, социально слабым государством и травмогенной гражданско-общественной культурой взаимодействий*

граждан, но по-европейски ориентируемое своей Конституцией на становление сильного, гуманистического социального государства.

Эти характеристики содержат глубинное противоречие между традиционными российско-евразийскими реалиями симбиозного общества и конституционной закрепленностью европейской гуманистической ориентации его саморазвития в направлении социального государства. Это противоречие имеет относительное, не абсолютное решение. О его глубинном истоке и способах преодоления сказано ниже.

Глубинный исток противоречия составляет травмогенный характер рутинной, социально симбиозной гражданско-общественной культуры взаимодействий населения. Ее травмогенность определяется рутинно симбиозной структурой социума. Выше было сказано о разделении населения России на три доходные макростраты: бедные и нищие; обеспеченные; богатые и сверхбогатые, долю которых среди населения (в %), с некоторым упрощением, можно выразить пропорцией: 50, 40, 10. По большому счету, это – деление населения не только по доходам, но и по рутинному разделению труда на исполнительский и управленческий: 50% населения (бедные и нищие) заняты исключительно исполнительским трудом, включая самоорганизацию своего труда; 40% (обеспеченные) – заняты преимущественно исполнительским трудом с элементами управления чужого труда; 10% (богатые, сверхбогатые и обслуживающие их кланы) – получают доходы исключительно за счет управления чужого труда. Тем самым названное рутинное деление населения на три макростраты означает *дифференциацию положения основных макрострат населения во властно-исполнительской иерархии разделения общественного труда.*

Участвуя в таком разделении труда вынужденно, под давлением условий жизни, каждый гражданин правового государства как его правомочный субъект несет свою долю ответственности за это, поскольку участвует в выборах высших, региональных и местных органов власти, которые реализуют соответствующую политику, и не протестует против нее. Более того, как показывает история России и подтверждают социологические исследования нашего времени, большинство граждан испытывают чувство

личной зависимости от власть имущих любого уровня властных структур. Тем самым они демонстрируют несовершеннолетне-незрелое состояние своей культуры взаимодействий с обществом и государством.

Среди многих причин такого состояния следует назвать прежде всего **интересы властных элит** в сохранении существующей иерархии разделения общественного труда, а также **отсутствие у населения достоверной информации о действительных смыслах** этой иерархии.

Опыт истории ряда развитых стран показывает, что население может преодолеть такие причины. Но для этого требуется время и активные собственные действия граждан, содействие граждански более зрелых их слоев Самопросвещению населения.

И в России предстоит эволюция возникшего общества, содержание которой будет зависеть от развития гражданско-общественной культуры взаимодействий населения. Потребуется немалое время, чтобы путем всегражданского Самопросвещения через каналы массовой социализации утвердилось иное, не рутинное симбиозно-травмогенное, а креативное **компаративное сочетание двух основных компонент создающей культуры разных слоев населения – цивилизационно-собирающей и социально-комплементарной.** Если граждане России сознательно займутся своим **Самопросвещением**, то они смогут эволюционно утвердить социально сильное, гуманистически ориентированное государство и общество, эволюционирующее к реальному гуманизму. **А если нет**, то многострадальная Россия будет изменяться в ином направлении, испытает опасные для ее существования травмы или погибнет, не выдержав конкуренции с другими странами и цивилизациями.

Изучение гражданско-общественной культуры – новое направление исследований⁷. Какая информация имеется и какая необходима для этих исследований?

⁷ См.: *Лапин Н.И.* Базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 104–115.

Сохраняют значение уже полученные результаты наших многолетних исследований социокультурной эволюции России и ее регионов. В данной главе основное внимание сосредоточено на двух направлениях исследований: 1) более активном продолжении социокультурной модернизации и 2) способах преодоления отчуждения граждан от права на участие в доходах от использования национального имущества.

Выше были приведены аргументы в пользу острой **необходимости модернизации России** – страны, общества и цивилизации. Но как сделать более эффективным ее осуществление в возникшем посттранзитном российском обществе? Что предпочтительнее: *спонтанная модернизация или авторитарная мобилизация?*

До сих пор наиболее успешными для России были реформы Александра II. Они означали *сочетание спонтанной модернизации снизу с авторитарной поддержкой государства*. В этом и состоит оптимальное для России решение поставленного выше вопроса. Но оно требует конкретизации в новых условиях.

В XXI столетии для эффективного сочетания спонтанности и государственного регулирования процессов модернизации необходимо опираться на результаты научных исследований. Полученные результаты исследований позволяют считать научно обоснованной стратегию *интегрирующей модернизации*: интегрирующей две ее стадии (индустриальную и информационную) и одновременно – все ее территориальные сообщества (муниципальные образования, регионы, макрорегионы), все население России в целостную цивилизацию. Вместе с тем, чтобы эта стратегия получила статус легитимной, государственной нормы, она должна использовать принципы и формы стратегического планирования как комплексной нормы государственного регулирования процессов эволюции России в XXI столетии.

Правовые нормы-рамки решения такой задачи сформулированы в Федеральном законе Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ **«О стратегическом планировании в Российской Федерации»**. В нем дана характеристика принципов, задач и участников стратегического планирования, определены полномочия для каждого уровня органов власти и самоуправления, систематизированы документы, разрабатываемые в этой сфере на каждом

уровне управления: от Ежегодного Послания Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации до муниципальных программ. Определено, что «к разработке документов стратегического планирования могут привлекаться объединения профсоюзов и работодателей, общественные, научные и иные организации»; порядок взаимодействия с этими организациями устанавливают органы управления соответствующих уровней (ст. 11, пп. 6, 7). Специальные статьи (13, 14) посвящены общественному обсуждению проектов документов и информационному обеспечению стратегического планирования. Определены задачи и порядок контроля реализации документов, ответственность за нарушение законодательства в данной сфере.

Результаты социокультурных исследований модернизации могут быть, во-первых, научным основанием для подготовки проектов ряда документов и, во-вторых, предпосылкой для экспертизы проектов, вынесенных органами власти на общественное обсуждение. Первое предполагает, что исследователи должны конкретизировать содержание своих результатов применительно к нормативным рамкам каждого вида документа (этому посвящено большинство статей ФЗ-172). Второе означает: «замечания и предложения, поступившие в ходе общественного обсуждения проекта документа стратегического планирования, должны быть рассмотрены федеральным органом исполнительной власти, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления, ответственным за разработку документа стратегического планирования» (статья 13).

Как видим, ФЗ-172 создал правовые основания для повышения активности исследователей по использованию получаемых ими результатов в практике стратегического планирования модернизации России, ее регионов и муниципальных образований. Необходимо в полной мере уяснить и использовать эти возможности.

Результаты социокультурных исследований модернизации могут быть полезны для научного обоснования документов стратегического планирования, целеполагания и прогнозирования процессов и показателей модернизации на всех уровнях – федеральном, макрорегиональном, региональном, муниципальном. В рамках **целеполагания** – при подготовке: а) Ежегодного послания Президента

России Федеральному Собранию Российской Федерации, стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии национальной безопасности Российской Федерации; б) стратегии пространственного развития Российской Федерации, в) стратегии социально-экономического развития макрорегионов, субъектов РФ и муниципальных образований. В рамках **прогнозирования** – при подготовке: а) стратегического прогноза развития РФ, прогноза социально-экономического развития РФ на долгосрочный период; б) прогнозов социально-экономического развития регионов (на среднесрочный период) и муниципальных образований (на среднесрочный или долгосрочный период).

Чтобы минимизировать риски для целостности страны, необходимо разработать и реализовать среднесрочную стратегию *интегрирующей модернизации*. Она означает координированное развитие первичной и вторичной стадий модернизации, которое нацелено не только на повышение их социоэкономической и социокультурной эффективности, но и на уменьшение дистанций между состояниями модернизованности регионов. Тем самым она становится способом межрегиональной консолидации России как цивилизации. Требуемая координация должна обеспечить последовательное движение регионов от одного состояния модернизованности к следующему, смежному с ним, более высокому состоянию.

Для достижения этой цели необходима **поэтапная стратегия интегрирующей модернизации российского общества**. Поэтапность можно рассматривать как неперенное качество процесса модернизации, которое должно нивелировать дефицит срединности в русском менталитете, противодействовать попыткам скачков через трудные, но необходимые этапы, поскольку результатами таких попыток оказываются маятниковые рывки из одной крайности в другую. Поэтапность должна формировать рациональную последовательность пофазового движения каждого региона и всей посттранзитной России от одного состояния модернизованности к другому, более высокому.

Это также означает, что следует отказаться от склонности решать проблемы «одним махом», сразу во всероссийском масштабе. Поэтапная последовательность модернизации должна по-своему

обеспечиваться в каждом федеральном округе Российской Федерации, учитывая цивилизационные, историко-культурные особенности и состояние модернизированности каждого региона округа.

При формировании стратегических этапов модернизации симбиозного общества полезно сгруппировать выявленные нами шесть состояний (типов) модернизированности регионов в три пары, каждая из которых включает два смежных, поэтому сравнительно легче координируемых типа регионов, а изменения состояний каждой пары типов рассматривать как этап осуществления требуемой стратегии. Соответственно, получаем три этапа, в которых происходит попарное совмещение смежных состояний модернизированности регионов. В таблице 8.1 представлены изменения в 2000–2017 гг. числа регионов различных типов модернизированности на каждом из трех этапов осуществления интегрирующей стратегии.

Таблица 8.1. Изменения числа регионов различных типов модернизированности по этапам осуществления стратегии интегрирующей модернизации

№ этапов	№ типа	2000	2005	2008	2010	2012	2017
3	6	1	2	1	3	4	5
	5	3	3	8	4	10	13
	Всего регионов	4	5	9	7	14	18
2	4	10	10	13	11	11	19
	3	7	11	19	23	29	28
	Всего регионов	17	22	32	34	40	47
1	2	44	40	29	33	23	17
	1	18	17	13	9	6	3
	Всего регионов	62	57	42	42	29	20
Всего регионов		83	83	83	83	83	85
<i>Источник:</i> Информационная система «Модернизация» Вологодского научного центра							

Как видим, произошли заметные изменения числа регионов, которые можно отнести к тем или иным этапам стратегии модернизации: в два с лишним раза уменьшилось число регионов первого, начального этапа (низкие состояния модернизированности,

начальные и средние фазы первичной ее стадии). Соответственно, более чем в два раза увеличилось число регионов второго этапа (средние состояния модернизированности, переходные от первичной к вторичной стадии модернизации), в 3,5 раза увеличилось число регионов третьего, высшего этапа (начальные и дальнейшие фазы вторичной модернизации). Используя эти данные, конкретизируем содержание возможных этапов среднесрочной стратегии интегрирующей модернизации регионов и федеральных округов.

Этап 1. Его содержание составляет *преимущественно рост индустриальной модернизации путем новой индустриализации и одновременное ее развитие, означающее переход в зрелую фазу первичной модернизации*. Его инициируют и осуществляют регионы, которые находятся в начальных фазах первичной модернизации, на низком и ниже среднего ее уровнях (типы модернизированности 1 и 2). Если в 2000 г. в РФ имелись 62 таких региона, то к 2017 г. их осталось 20. Такие регионы имеются в шести федеральных округах (кроме Северо-Западного и Дальневосточного), а в Северо-Кавказском федеральном округе на этом этапе находятся все регионы, в том числе вернулся на этот этап Ставропольский край. Учитывая деиндустриализацию 90-х гг. и частичный возврат к технологическим укладам, предшествовавшим четвертому укладу, эти регионы осуществляют развитие четвертого, частично и пятого технологических укладов. Именно этим регионам начальных фаз первичной модернизации должна быть адресована *minimax-стратегия* повышения благополучия населения, прежде всего – *меры по минимизации социальных бед*. Помимо регионов Северо-Кавказского округа, особого внимания заслуживают: Республика Калмыкия и Тамбовская область, которые длительное время остаются в начальной фазе первичной модернизации, а также Республика Дагестан, состояние модернизированности которой к 2017 г. понизилось с низкого до очень низкого.

При этом федеральные и региональные органы власти должны принять действенные меры по сокращению численности чиновников, блокированию коррупции и повышению прозрачности управления, углублению демократизации общественной жизни, утверждению ценностей труда и других компонент индустриальной

цивилизации. В результате с учетом историко-культурных особенностей различных регионов в разной мере уменьшится доля аграрного сектора в ВВП России, повысится урбанизация ее территорий, регионы продвинулись к этапу 2.

Этап 2 – завершение индустриальной модернизации (путем новой индустриализации) и переход к информационной ее стадии. С 2000 по 2017 г. число регионов этого этапа (типы 3 и 4) выросло с 17 до 47. Им предстоит переход из третьей фазы (зрелости) ПМ в четвертую, переходную к вторичной модернизации, затем – в начало ВМ. В данный этап включится часть из тех 28 регионов, которые уже находятся в фазах зрелости ПМ (тип модернизированности 3). Кроме того, во многих из 17 регионов, которые относятся к типу 2 и завершают первый этап, будут создаваться условия для включения во второй этап, т.е. число участников данного этапа будет расти и может достичь 50–60 регионов. Но в силу разнообразия культурно-исторических условий их эволюция не будет равномерной.

Этот этап значительно сложнее первого: он требует от регионов преодоления высоких барьеров четвертой, переходной фазы ПМ. Не удивительно, что к этому этапу в 2017 г. относились более половины всех субъектов Российской Федерации, в которых живут также свыше половины россиян. Около 60% этих регионов находятся в фазе зрелости первичной модернизации (тип модернизированности № 3). На данном этапе должны быть повышены инвестиции в создание и развитие пятого, а также, по возможности, в начало шестого технологического укладов этих регионов, включая модернизацию имеющихся (обычно импортных) информационных технологий, в рост доступности и качества образования, в развитие научных исследований, изобретательства, престижа заявок на получение патентов, в том числе на технологии сохранения и восстановления природы и культурного ландшафта. В результате модифицируются компоненты аграрного сектора экономики и качества жизни сельского населения. Множатся и развиваются городские агломерации. При осуществлении mini-макс-стратегии повышения благополучия населения акцент может сдвигаться в сторону *увеличения благ, имеющих жизненное значение для максимального числа жителей регионов.*

Этап 3 – преимущественно рост и развитие вторичной, информационной стадии модернизации. Вопреки скептическим ожиданиям, связанным с началом кризиса, в 2012–2017 гг. к четырем регионам самого высокого состояния модернизованности (тип 6) добавился еще один, а к 10 регионам высокого состояния (тип 5) добавились еще 3. В результате за последние менее 10 лет (2008–2017) число регионов, относящихся к высокому, третьему этапу, удвоилось (стало 18 вместо 9).

Эти регионы, их население и органы управления могут полнее формировать в своей экономике не только пятый, но и шестой технологические уклады, а также осуществлять инновационный поиск элементов новых укладов, чтобы войти в третью фазу информационной стадии модернизации – фазу ее развития. Вместе с тем те из 40–50 регионов, которые успешно осуществляют второй этап, добавятся к лидирующим регионам; их число будет расти, но не равномерно, а в зависимости от культурно-исторических особенностей различных регионов.

При осуществлении *minimax*-стратегии повышения благополучия населения, по мере минимизации человеческих бед будут расти инвестиции в создание благ, жизненно значимых для максимального числа граждан всей страны.

Модернизация – это развитие, позволяющее ограничить экстремальные неравенства доходов и повысить качество жизни всего населения. Основным способом успешного развития стран западной цивилизации в новое и новейшее время была и остается комплексная модернизация – научно-техническая, социально-экономическая, социокультурная. Известны две ее стадии: индустриальная и информационная, которая началась с 70-х гг. XIX в. и продолжается, подготавливая переход к новой стадии⁸.

Как выше показано, в 2000–2012 гг. начался переход наиболее развитых регионов Центрального, Северо-Западного и Уральского федеральных округов, России в целом к информационной стадии модернизации; этот переход достаточно определился

⁸ Подробнее см.: Цивилизация и модернизация: глобальные основы модернизации Китая // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци; отв. ред. рус. изд. Н.И. Лапин. М., 2011. Ч. 1.

в 2012–2017 гг. и осуществляется дифференцированно по типам состояний модернизированности всех регионов РФ: от низкого (тип 1) до самого высокого (тип 6)⁹.

Сопоставление этой типологии с кластерами регионов по уровням и динамике доходных весов макрострат их населения позволило получить модернизационные кластеры регионов по всем этим параметрам. Неравенства основных и дополняющих значений семейства центильных коэффициентов (Кэ, Кгл, Кэс) органично совместились с типологией их модернизированности. Контрастная часть этих кластеров регионов представлена в табл. 8.2; для краткости, в ней дополнительные неравенства ограничены наиболее значимым из них – экстремальным неравенством (Кэс) в страте обеспеченных.

Таблица 8.2. Динамика состояний модернизированности регионов и неравенства доходных весов макрострат их населения (2000–2017 гг.)

Регионы	Основные неравенства						Доп. неравенства			Тип мод.
	Кэ			Кгл			Кэс (обеспеченные)			
	2000	2007	2017	2000	2007	2017	2000	2007	2017	2017
Российская Федерация	13,9	16,1	15,3	3,54	4,06	3,86	6,99	8,73	8,05	5
А. Высокомодернизированные регионы с высокими Кэ-неравенствами										
А-1. Регионы с повысившимися неравенствами										
Сахалинская обл.	8,7	15,7	15,3	2,98	3,84	3,87	5,28	7,96	8,07	5
г. Санкт-Петербург	9,4	19,4	14,9	3,03	4,25	3,82	5,41	9,39	7,9	6
Свердловская обл.	10,4	18,3	14,8	3,47	4,2	3,8	6,47	8,21	7,84	5
Пермский край	13,6	18,5	14,6	3,83	4,28	3,79	7,93	9,51	7,8	5
Нижегород. обл.	9,3	12,9	14,1	3,36	3,59	3,42	6,4	7,12	7,55	6
Московская обл.	8,2	14,5	13,1	2,72	3,75	3,72	4,56	7,65	7,16	6

⁹ Подробнее см.: Атлас модернизации России и ее регионов: социальноэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Кол. научный труд / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М., 2016. С. 312–314 и др.

А-2. Регионы с понизившимися Кэ-неравенствами										
г. Москва	46,3	38,3	16,1	6,36	6,0	3,96	18,33	16,63	8,39	6
Самарская обл.	16,5	20,7	12,2	4,1	4,47	3,49	8,87	10,21	8,39	5
Б. Низкомодернизированные регионы с низкими Кэ-неравенствами										
Б-1. Регионы с повысившимися Кэ-неравенствами										
Тамбовская обл.	10,05	13,7	12,2	3,4	3,66	3,49	6,53	7,35	6,83	1
Кабард.-Балкар. Р.	8,9	11,5	10,1	2,69	3,41	3,17	4,47	6,55	5,83	2
Северная Осетия – Алания	8,5	11,4	10,9	2,74	3,34	3,30	4,63	6,34	6,22	2
Республика Алтай	9,2	9,80	10,7	2,83	3,15	3,26	4,87	5,77	6,11	2
Б-2. Регионы с понизившимися Кэ-неравенствами										
Республика Калмыкия	10,5	11,6	8,5	3,47	3,31	2,92	4,47	6,55	5,83	1
Карачаево-Черкесская Р.	10,3	10,6	10,1	3,36	3,18	3,17	6,42	5,85	5,84	2

На наш взгляд, такая совместимость двух типологий регионов служит комплексным, эмпирически обоснованным аргументом в пользу **обобщающего вывода**: модернизация как совершенствование снизу, из регионов, при активной поддержке сверху – это развитие, позволяющее ограничить рост экстремальных неравенств доходных весов макрострат населения регионов и РФ в целом, а в перспективе – снизить эти неравенства до нормы, приемлемой для большинства населения. Действительно, более детальный анализ показал, что взаимосвязанное повышение социально-экономического развития регионов и состояния их модернизированности сопровождалось на первых этапах ростом экстремальных неравенств доходных весов макрострат населения, которые затем стали снижаться и к настоящему времени характеризуются разрывом в 12–16 раз.

В этом контексте впечатляет уникальная динамика **столично-го мегаполиса**. Он стартовал в 2000 г. с, казалось бы, непреодолимого отрыва от всех других регионов по экстремальному неравенству, которое составляло 46,3 раза – в 3,3 раза больше

общероссийского. К 2003 г. этот разрыв увеличился до 48,7 раза, но затем стал последовательно снижаться: до 38,3 раза в 2007 г., 20,9 раза – в 2014 г. и 16,1 раза в 2017 г., т.е. снизился в 2,5 раза и вплотную приблизился к общероссийскому 15-кратному уровню. Одновременно в Москве снизилось и главное неравенство – между доходными весами самых богатых и остального населения: с 6,36 до 3,96 раза, что тоже немало и было подкреплено заметным снижением неравенства доходных весов богатых по сравнению с обеспеченными: с 18,33 до 8,39 раза (при общероссийском Кэс = 8,05 раза).

Экономической основой этой эволюции столичного мегаполиса стали: концентрация финансового капитала, развитие информационной инфраструктуры и сферы услуг. Высокий уровень информационной стадии модернизации и сбалансированность ее компонент позволяют отнести Москву к информационно развитым регионам. Важным фактором успеха стало обоюдывыгодное взаимодействие мегаполиса со столичной областью. Московская область также стала инновационно развитым центром, а экстремальное неравенство доходных весов в ней стало снижаться с 2007 г. Город и область образовали Московскую агломерацию, которая является одним из лидеров народного хозяйства страны.

Вместе с тем возникают существенные вопросы, на которые пока нет ответов. Почему перелом экстремальных доходных весов Москвы начался с 2003 г. и продолжался столь стремительно? Связано ли это с равноудалением сырьевых и финансовых олигархов от прямого влияния на власть и с их самоэвакуацией в зарубежные финансовые центры и офшорно-райские края? И достигло ли снижение экстремального неравенства его минимального предела (12–16-кратного), по которому есть консенсус долларовых миллиардеров и верхних эшелонов власти?

Структура и роль феномена быстрого сближения неравенств столичной агломерации с общероссийскими неравенствами доходных весов макрострат населения мало изучены независимыми учеными и требуют специальных исследований. Может, такие исследования откроют всей России тайну движения к приемлемому неравенству доходных весов макрострат населения? Почему бы и нет?

Пришло время для энергичных и последовательных, поэтапных действий, направленных на решение задач интегрирующей модернизации. На основе комплексного включения ее целей и программ в стратегическое планирование как неотъемлемой части стратегии социально-экономического развития и национальной безопасности Российской Федерации, стратегии ее пространственного развития и развития макрорегионов, субъектов РФ и муниципальных образований, России в целом как своеобразной цивилизации. Цивилизации, которая имеет почти тысячелетнюю историю, способна ответить на вызовы настоящего и открыта будущему.

Другая группа проблем развития российского симбиозного общества заключается в том, чтобы **преодолеть утвердившееся с XVII в. отчуждение населения России от участия в доходах от использования национального богатства.**

Проблема отчуждения человека от своей деятельности и ее результатов – одна из сложнейших в истории человечества. Ее классические постановки и опыты решения содержатся в «Феноменологии духа» Г. Гегеля и в «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. К. Маркса. Гегель выявил ее в сфере духа, а Маркс положил начало осмыслению ее генезиса и сущности целостно, во всей реальной жизни человека, прежде всего в труде, сконцентрировав внимание на *отчуждении труда* как комплексного процесса, который включает как *самоотчуждение* человека, так и многообразие видов *принудительного* отчуждения, в том числе от доходов как результатов труда.

С позиций критического гуманизма

Перспективу снятия отчуждения молодой Маркс видел в движении к «реальному гуманизму». Принцип теоретической работы в русле этого движения он сформулировал уже в 1843 г., при формировании программы «Немецко-французского ежегодника»: «Преимущество нового направления как раз в том и заключается, что мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый

мир»¹⁰. Эту теоретико-методологическую позицию можно назвать *критическим гуманизмом*. Именно на основе беспощадной критики старого мира, осуществленной преимущественно в «Экономическо-философских рукописях» 1844 г., Маркс совместно с Ф. Энгельсом создал концепт реального гуманизма, сформулировав его в 1845–1846 гг. в «Святом семействе» и в «Немецкой идеологии».

Вскоре, вступив в тесные контакты с революционными рабочими и конкретнее уяснив предпосылки подъема рабочего движения в Англии, Маркс сделал выбор в пользу международного коммунистического движения и его борьбы за революционное ниспровержение капитализма и созидания социализма. Вместе с тем Маркс никогда не отказывался от концепта реального гуманизма, поскольку он согласуется с социализмом как такой формой общения, таким типом общества, который отвечает потребностям рабочих и всех трудящихся. Я считаю, что в настоящее время концепт реального гуманизма может обрести «второе дыхание», поскольку он содержит значительный потенциал гуманизма как общедемократической ценностно-мировоззренческой позиции¹¹. Его утверждению будет способствовать последовательное развитие принципа критического гуманизма в современных условиях.

В постиндустриальных обществах XXI в., на информационной стадии модернизации капитализма, содержание рассматриваемой проблемы существенно трансформировалось. В дополнение к наемным работникам субъект-объектами отчуждения и самоотчуждения стали *мелкие и средние собственники капитала*, прежде всего акционеры, они же инвесторы в крупный акционерный капитал. В постсоциалистической России, ориентированной на вхождение в посткапитализм, возникновение таких субъект-объектов отчуждения-самоотчуждения стало глубинным, латентным содержанием процессов внешне хаотичной, но по сути авторитарно направленной олигархической приватизации 1990-х гг.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 379.

¹¹ Подробнее см: Лапин Н.И. Молодой Маркс: концепт реального гуманизма – генезис, общедемократический потенциал, перспективы // Философия и идеология от Маркса до постмодерна / Отв. ред. К.А. Гумейнов, В.А. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018а. С. 255–274.

В итоге большинство населения вновь, как и прежде, оказалось отчуждено от многих своих прав на создаваемые в обществе доходы. В чем же состоят предпосылки и содержание этого факта?

Собственность как социальный институт и неоинституциональная теория прав собственности

Прежде всего следует уточнить смысл фундаментального термина «собственность». Целесообразно исходить из того, что *собственность – это юридически оформленные отношения между людьми по поводу их прав на ограниченные блага, которые имеют полезные для людей свойства*. Это сложный институт, интегрирующий социально-экономические и правовые отношения между гражданами на основе их Общественного договора. Через права собственности этот институт активно воздействует на социальные, политические, культурные, нравственные и иные отношения и институты общества. Начиная с Нового времени, он стал довлеющим по отношению к человеку, его культуре, социальной структуре и обществу в целом. Именно в это время утверждается капитализм, основанный на капитале как специфической, самовозрастающей форме собственности на средства производства. Капиталистическое, или буржуазное, общество – типовая модель учения Маркса об общественно-экономических формациях как структурах истории человечества, вырастающих по мере утверждения новых форм собственности.

С 60-х гг. XX в. в странах развитого капитализма стала интенсивно развиваться неоинституциональная теория экономики, которая позволила более точно определить механизмы эффективного функционирования капиталистической и иных форм собственности. При этом значительное внимание было уделено *спецификации прав собственности* (собственников) как норм, регулирующих доступ к ограниченным ресурсам. Полный перечень этих прав был предложен в 1961 г. английским юристом А. Оноре и стал известен как «перечень Оноре». Он включает 11 правомочий собственника:

– право владения: право абсолютного физического контроля над определенными благами;

- право использования: право применения имеющихся полезных свойств благ для себя;
- право управления: право решать, кто и как будет обеспечивать использование благ;
- право на доход: право обладать полученными результатами от использования благ;
- право суверена: право на потребление, изменение, отчуждение или уничтожение благ;
- право на безопасность: право на защиту от экспроприации благ, а также от вреда со стороны внешней среды;
- право на передачу благ по наследству;
- право на бессрочность обладания благом;
- запрет вредного использования: запрет использования блага таким способом, который наносит вред имуществу других экономических агентов;
- право на ответственность в виде взыскания: существование возможности на взыскание блага в счет уплаты долга;
- право на остаточный характер: право на наличие институтов и процедур, которые обеспечивают восстановление нарушенных полномочий¹².

Значительный вклад в понимание экономической эффективности учета и использования прав собственности на уровне микроэкономики (фирм, компаний) внес Р. Коуз. Он показал, что

...чем выше набор прав, связанных с данным ресурсом, тем выше его полезность... Именно на собственника падают все «плюсы» и «минусы» его деятельности... Государство вмешивается там, по мнению Коуза, где недостаточно специфицированы права собственности или произошло их размывание. Специфицировать – значит точно определить субъект и объект собственности и способ надления ею. Неполнота спецификации равносильна размыванию прав собственности. Размывание прав собственности может происходить потому, что права собственности не точно установлены и плохо защищены или

¹² *Honoré A.M. Ownership // Oxford essays in jurisprudence / Ed. by A.W. Guest. Oxford: Oxford Univ. Press, 1961. P. 112-128.*

подпадают под разного рода ограничения (главным образом, со стороны государства)¹³.

В 1991 г. Коузу была присуждена Нобелевская премия по экономике за исследования по проблемам транзакционных издержек и прав собственности.

В неоинституционализме теория прав собственности была дополнена концепцией *оппортунистического поведения* агентов экономики как стремления к личной выгоде с использованием коварства, обмана, сокрытия информации и других действий, мешающих реализации интересов организации.

В настоящее время, в условиях симбиозного общества, проблема утверждения социально-экономических прав человека в России приобрела новое, более конкретное, собственно *экономическое* содержание успешного ее саморазвития. Теперь это должна быть прогрессивная гомогенная эволюция. Следовательно, сохраняется задача *выбора способов трансформации* российского общества. Требуется интеллектуальные и иные усилия, чтобы этот переход действительно стал **началом новой эпохи России**, возможность которой возникла с распадом СССР.

В рамках неоинституционализма разработаны несколько вариантов теорий *общественного выбора* (public choice), т.е. экономически обоснованного выбора институтов будущего, который могут осуществить граждане, народ. Это прежде всего немецкая либеральная «теория порядка» (ordoliberalism: от В. Ойкена до Л. Эрхарда), или социального рыночного хозяйства, на основе которой в послевоенные годы возникло так называемое «немецкое чудо». Далее, это конституционная экономика, возникшая в США в 60-е гг. XX в. по инициативе академических ученых, которые «сформулировали набор фундаментальных правил, регулирующих рыночное хозяйство (рыночные *правила игры*), и потребовали их конституционного закрепления»; «теория порядка и конституционная экономика... предстают как учения, ориентированные на человека, его свободу, социальную защиту, как

¹³ Нуреев Р.М. Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д.: Содействие – XXI век, 2010. С. 212.

учения, открывающие путь к свободному, экономически эффективному, устойчиво саморазвивающемуся обществу»¹⁴.

Здесь уместно вспомнить концепцию Дж. Бьюкенена, который, в отличие от Ф. Хайека, пришел к выводу о необходимости разграничения и согласования двух основных функций государства: защищающей и производящей. А в ходе эволюции политической науки возникла теория политических коалиций, ориентирующая на поиск равновесия групп интересов (М. Олсон).

Неоинституциональное понимание прав собственности предполагает, что существуют три ее системы: частная (индивидуальная), общая (коммунальная), государственная (коллективная). В соответствии с нормами стран западной цивилизации наиболее эффективна частная система. Но применительно к странам иных цивилизаций этот вывод нуждается в существенных коррективах.

В посттранзитном, симбиозном российском обществе возникло **новое отчуждение** большинства населения от права участия в доходах от использования национального имущества – в качестве его совладельцев. Сам факт и механизмы этого отчуждения некоторое время оставались неясными. Этой неясности способствовали организаторы шоковой терапии, которые первое время воздерживались от публичного использования термина «транзит к капитализму». В статье 8 Конституции Российской Федерации внимание сконцентрировано на «свободе экономической деятельности» и признании (а также «равным образом» защите) «частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности», но без спецификации прав этих форм. В следующей статье 9 записано: «1. Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни народов, проживающих на соответствующей территории. 2. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности». Действительно, различные виды природных ресурсов

¹⁴ Нуреев Р.М. Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д.: Содействие – XXI век, 2010. С. 115, 238.

являются «основой жизни народов, проживающих на соответствующей территории». **Но кто же является их собственником, а главное – кто имеет право на доходы от использования этой собственности?**

Можно сказать, что традиционный **дефект либеральных конституций** (не только России, но и других стран) – признание субъектами собственности юридических лиц и рассмотрение физических лиц только как индивидов. Вопреки Ж.-Ж. Руссо, обосновывавшему в качестве *суверена* именно *народ*, в большинстве конституций признается за населением (народом, избирателями) роль субъекта лишь *политических и социально-культурных*, но не экономических прав.

Вместе с тем в Гражданском кодексе РФ в статье 125 (части 1 и 2) акцентировано, что «от имени» Российской Федерации и ее субъектов могут приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права «органы государственной власти» и «органы местного самоуправления». С другой стороны, в статье 124 ГК РФ отмечено, что Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования «выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, “на равных началах” с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами». А в части 3 статьи 125 добавлено, что в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства РФ, нормативными актами субъектов РФ и муниципальных образований, «по их специальному поручению» от их имени могут выступать «также юридические лица и граждане».

Остается неясным, могут ли граждане (население) иметь имущественные права и обязанности в отношении доходов от использования природных и иных ресурсов той административной территории, на которой они проживают, и что считать такой территорией – территорию муниципального образования, или субъекта РФ, или же всю территорию Российской Федерации?

Устаревшая трехчленная формула прав собственности воспроизведена в российской Конституции в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина», в статьях 35 и 36. Эта триединая

формула сохранилась и в действующем Гражданском кодексе РФ, принятом в середине 90-х гг.¹⁵

Проблема спецификации **экономических прав** народа (населения государства, совокупности членов общества) как **экономического** субъекта, прежде всего его прав на участие в доходах от использования национального имущества, имеет фундаментальное значение, а ее решение требует научного и общественного дискурса. Сохранение (по умолчанию) неясности в решении этой проблемы будет все больше отделять либеральную идею от ее демократического содержания.

Поэтому сегодня желательно выяснить **возможность утверждения существенно нового поколения прав человека**: не только социально-политических и социально-культурных прав, но и собственно **экономических** прав каждого гражданина («совместно с другими лицами», в том числе в масштабе «народов, проживающих на соответствующей территории», и в масштабе «многонационального народа»). Требуется определить их возможность стать субъектами, имеющими право участвовать в национальных доходах, то есть в доходах от использования национального имущества.

¹⁵ В первой части Гражданского кодекса РФ, которая принята Государственной Думой в 1994 г. и действует, раздел о праве собственности открывается статьей 209, в которой повторено: «1. Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом».

Вместо заключения

В конце декабря 2021 г. от нас на 91 году жизни ушел бесценный руководитель Центра изучения социокультурных изменений, член-корреспондент РАН Николай Иванович Лапин. В нем в редком сочетании присутствовали научный талант философа, смелость в постановке острых вопросов развития общества, интерес к историософским проблемам, неослабевающее внимание к эмпирическим исследованиям и, что очень важно для философа, работающего и на социологическом поле, – организационный талант, позволивший воплотить в жизнь много сложных, многолетних проектов, получивших реализацию в статьях, индивидуальных и коллективных монографиях – самого Николая Ивановича, его учеников и коллег.

Коллектив Центра благодарен своему руководителю за научные идеи и направления, которые определяли научный поиск, плодотворные дискуссии, сопровождавшие нашу совместную работу. Теперь для нас важно воплотить и развить те идеи и планы, которые были заложены за 30-летнюю деятельность Центра, полноценно использовать собранный богатый эмпирический материал, приобретенный опыт исследований. Что кажется наиболее перспективным для дальнейшей работы Центра? Не претендуя на полный охват проблематики, выделю несколько направлений.

Активно участвуя в мегатеме Института философии «Российский проект цивилизационного развития», сотрудники Центра имеют возможность использовать большой исследовательский материал по социокультурному развитию страны и ее регионов в переломный период новейшей российской истории. За эти годы

собран большой эмпирический материал, разработаны методология и методики, позволяющие выявить цивилизационные особенности регионов России, осуществить анализ идентификационных стратегий их населения, социальных напряженностей, связанных с этническими, миграционными, социоструктурными особенностями отдельных территорий. Для реализации этого направления исследований будет продолжено сотрудничество с региональными научными коллективами, которые участвуют в Проекте «Социокультурное развитие России и ее регионов» для получения новых, актуальных материалов, характеризующих цивилизационные особенности и тенденции развития субъектов Российской Федерации.

В контексте этого направления будут изучаться проблемы взаимодействия в российском обществе индивидов, индивидов и социальных групп, в том числе властвующих, индивидов и государства. Этот аспект исследований тесно сопряжен с изучением проблем становления гражданского общества, возможностей его контроля над государством, развития гражданско-общественной культуры населения. Исследование проблем сокращения социально-материальной дифференциации, повышения качества жизни населения, гуманизации жизненного мира индивида, становления социальной солидарности и межэтнического согласия, формирования развитого социального государства будут рассматриваться как важные аспекты цивилизационного развития современной России. Своеобразие перехода страны от традиционного к современному обществу безусловно требует учета многообразных социокультурных феноменов, изучение которых находится в поле зрения сотрудников Центра изучения социокультурных изменений.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) (Краткая научная биография)

Более 30 лет руководителем Центра был доктор философских наук, профессор социологии, член-корреспондент РАН по специальности: философия и социология [Лапин Николай Иванович].

Центр изучения социокультурных изменений был образован в 1988 г. составом небольшой группы сотрудников Института, которые обеспечивали функционирование ранее созданного Научного совета «Диалектика развития социализма на современном этапе» Секции философии и права Отделения общественных наук АН СССР. Центр возник на переломном рубеже истории России и ее социально-философского знания. В этот период рушился Советский Союз, обрывались хозяйственные связи, нарастали социальные протесты в «горячих» регионах России. С первых дней создания Центр стал активно заниматься изучением и социально-философским осмыслением тех фундаментальных изменений и социальных потрясений, которые происходили с конца 80-х гг. XX в. в России. Социально-философский анализ основывался на антропосоциокультурном подходе, в котором интегрируются три измерения человеческого бытия (человек в его взаимодействии с обществом, характер культуры, тип социальной личности), с привлечением богатого актуального эмпирического материала междисциплинарного характера. Исходной эмпирической базой исследований стал Всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России», методика которого создана в Центре в 1989–

1990 гг. при участии ведущих социологов страны: Г.М. Денисовского, А.Г. Здравомыслова, П.М. Козыревой, В.В. Колбановского, Н.Ф. Наумовой, В.А. Ядова. Центр проводил этот мониторинг в 1990–2015 гг. каждые 4–5 лет при поддержке Российского общества социологов, РГНФ, РФФИ. Интервью проводились на дому длительностью около 1 часа, содержание мониторинга претерпело изменения, связанные с актуализацией тех или иных проблем в жизни общества, но базовые вопросы сохранялись, давая возможность проследить динамику процессов. Мониторинг достигал важной цели – в нем не фиксировались сиюминутные проблемы, настроения общества и политическая конъюнктура, а выявлялись устойчивые тенденции трансформации российского общества, их восприятие населением. Его итогами стали аналитические доклады, представленные в СМИ, статьи в сборниках Института философии РАН, в научных журналах, монографии Н.И. Лапина «Пути России: социокультурные трансформации» (2000), Л.А. Беляевой «Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития» (2001).

За годы мониторинга на основе получаемых данных были созданы несколько методик: для изучения стратификации общества, выделения среднего класса и материальных страт, уровня и качества жизни, социального самочувствия и благополучия, направлений профессиональной мобильности, мобильности в условиях смешанной экономики, структуры ценностей населения, состояния политической системы в контексте прав и свобод человека, измерения человеческого и социального капитала, инновативного поведения населения и некоторые другие. Эти методики использовались при анализе структур и процессов, происходящих в обществе, многие из них получили применение в исследованиях отечественных авторов, о чем говорят данные о цитировании трудов Центра, опубликованные в РИНЦе.

30 лет исследований показали, как меняется российское общество, какие актуальные социальные проблемы возникают на каждом этапе трансформации¹.

¹ Краткое изложение тенденций и этапов развития российского общества, которые зафиксировал мониторинг, содержится в статье Л.А. Беляевой в сборнике:

Параллельно со всероссийским мониторингом в Центре вызрела идея изучения российских регионов как составных элементов большого российского общества, отличающихся существенными экономическими и социокультурными характеристиками. Всероссийский мониторинг и проделанная аналитическая работа заложили базу для создания методологии исследования регионов с опорой на всероссийскую и региональную статистику и эмпирические исследования. В 2005 г. была подготовлена первая Типовая методика «Социокультурный портрет региона», по которой начали работать несколько региональных коллективов под руководством специалистов Центра. Далее число региональных коллективов выросло до 25. В 2010 г. методика была модифицирована с учетом новых тенденций развития общества. Успешному выполнению этого межрегионального проекта способствовали ежегодные Всероссийские научно-практические конференции, на которых обсуждались полученные результаты, методологические и методические вопросы проведения исследований в регионах и анализа получаемых данных. Эта программа продолжает действовать и сейчас, накоплен уникальный научный и методический опыт, позволивший соотносить местные, региональные данные с материалами всероссийского мониторинга. Все коллективы в регионах безвозмездно получили базы данных по мониторингу, накопленных ЦИСИ. Кроме того, единый инструментарий позволял сравнивать регионы между собой, проводить довольно сложный перекрестный анализ каждому коллективу самостоятельно, используя SPSS – компьютерную программу для статистической обработки данных.

Результатом сравнительного анализа стали несколько монографий, в которых отражена специфика социокультурного развития нескольких регионов Европейской части России, Урала и Западной Сибири на фоне общероссийского социокультурного пространства.

В 2009–2014 гг. Центр активно участвовал в программах фундаментальных исследований Президиума РАН по проблемам пространственного развития России. Результаты отражены

в монографии «Фундаментальные исследования пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» (2013).

С 2006 г. Центр активно участвует в Российской части международного проекта «Европейское социальное исследование» (European Social Survey – ESS), которое осуществляет независимый Институт сравнительных социальных исследований. Результаты первой волны ESS, проведенной в России, представлены в коллективном труде «Россия в Европе» (2009). Данные международного европейского исследования активно используются в анализе социального развития России в сравнении с европейскими странами.

В 2011 г. Центр установил деловые контакты с коллегами из Центра исследований модернизации в мире и Китае АН КНР. В 2012 г. он провел в Институте философии РАН российско-китайскую конференцию «Цивилизация и модернизация», результаты которой опубликованы на русском (2013) и английском языках (2015), и сосредоточил внимание на исследовании проблем социокультурной модернизации. Н.И. Лапин адаптировал методику китайского ученого Хе Чуаньци² к исследованию регионов российского общества в соотнесении с процессами модернизации 130 стран мира. (Обзорный доклад о модернизации в Китае (2001–2010)). Участники Программы использовали методику и получили сопоставимые данные о состояниях модернизированных всех регионов страны в сравнении со странами мира. В решении этой задачи незаменимую работу выполнил ИСЭРТ РАН (Вологда), сотрудники которого под руководством Н.И. Лапина создали информационно-аналитическую систему «Модернизация», которая стала активно использоваться участниками проекта в мониторинговом режиме. С разработки системы «Модернизация» активизировалось сотрудничество с Вологодским научным центром РАН (руководитель член-корреспондент РАН

² Обзорный доклад о модернизации в Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл. Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.

В.А. Ильин), который является ведущим региональным научным учреждением по изучению проблем развития регионов России.

Итогом многолетних исследований стали коллективные труды, созданные под руководством и при участии сотрудников Центра: «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (2009); «Проблемы социокультурной модернизации регионов России» (2013); «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (2016). Эти работы вызвали значительный интерес научной общественности, о чем свидетельствуют рецензии в 12 центральных и региональных научных журналах различных областей знания.

В 2016 г. Президиум РАН присудил руководителю Центра Н.И. Лапину премию им. М.М. Ковалевского за серию работ «Проблемы социокультурной эволюции современной России и ее регионов: методология и результаты исследований. 1990–2015 гг.». Два результата, полученные при участии сотрудников Центра, подтверждены свидетельствами российской Федеральной службы по интеллектуальной собственности: 1) участие в создании «Информационно-аналитической системы мониторинга уровней модернизации регионов России»; 2) участие в создании базы данных «Семейство центильных коэффициентов неравенства доходов макрострат населения» (2020). Оба результата получены на программно-вычислительной базе подразделений Вологодского научного центра РАН, с которым ЦИСИ установил эффективное сотрудничество. Центр также инициировал создание исследовательского комитета «Социокультурная компаративистика регионов России» Российского общества социологов и обеспечивает его деятельность.

В 2005–2015 гг. Центр участвовал в исследовательской программе Отделения общественных наук РАН «Россия в глобализирующемся мире». Результаты опубликованы в виде разделов в коллективных трудах Института: «Диалог культур в глобализирующемся мире» (2005), «Россия в диалоге культур» (2010), а также в программе «Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества на современном этапе» – результаты опубликованы в сборнике «Россия на пути консолидации» (2015).

В 2017–2019 гг. Центр предпринял исследование актуальных и весьма дискуссионных проблем формирования социального государства в России. Нестандартной их постановке и разработке содействовало включение в состав сотрудников Центра в 2018 г. двух докторов философских наук: Ю.Д. Гранина и Ю.М. Резника. Результатом этого этапа исследований стала коллективная монография «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты» (2019), а также монографии Ю.Д. Гранина «Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции» (2021) и Н.И. Лапина «Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход» (2021).

В 2021 г. сотрудники Центра вместе со всем коллективом Института философии РАН активно участвовали в подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию родного Института. В условиях дистанционного режима они организовали 26 мая 2021 г. заседание круглого стола «30 лет исследований социокультурной эволюции России и ее регионов: результаты, перспективы». В нем приняли участие представители большинства исследовательских коллективов, сотрудничающих с Центром в межрегиональной программе социокультурной компаративистики. Открыл заседание приветственным словом директор Института академик Андрей Вадимович Смирнов. Заместитель директора член-корреспондент РАН Юлия Вадимовна Синеока подробно рассказала коллегам из регионов об особенностях предстоящего юбилея Института, о роли Центра в его работе. Доклады участников круглого стола публикуются отдельной книгой, подготовку которой осуществляет Вологодский научный центр РАН при активном участии сотрудников Центра.

Еще один юбилейный круглый стол сотрудники Центра провели 20 октября 2021 г. на тему «Проблемы цивилизаций в трудах института философии РАН». Обсуждение этой темы непосредственно сопряжено с задачами мегатемы Института «Российский проект цивилизационного развития», участие в разработке которой в настоящее время стало основным направлением научной работы всех сотрудников Центра, будет способствовать выявлению цивилизационных аспектов социокультурной эволюции России и ее регионов.

Сотрудники Центра

Лапин Николай Иванович, член-корреспондент РАН по специальности: философия и социология, доктор философских наук, профессор социологии, руководитель Центра (1988 – декабрь 2021).

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник (1988 – по наст. время).

Гранин Юрий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заместитель руководителя Центра (2018 – по наст. время).

Касавина Надежда Александровна, доктор философских наук, старший научный сотрудник (2010 – январь 2021).

Ракова Кристина Викторовна, младший научный сотрудник, помощник руководителя Центра по научно-организационным вопросам, аспирант МГИМО (2021 – по наст. время).

Резник Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (2018 – по наст. время).

Ахваткина Ирина Евгеньевна, референт, секретарь Экспертного совета ежегодного конкурса на лучшую книгу Института философии (1988 – по наст. время).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Публикации сотрудников ЦИСИ (по тематике Центра)

Поскольку книга отображает не только *результаты* исследований сотрудников, работающих и работавших в Центре, но и их *историю*, то перечень публикаций в каждом разделе и подразделах дан в хронологическом порядке: от ранних публикаций к более поздним. Приведены далеко не все, а лишь основные публикации, позволяющие проследить историю исследований и их результатов.

Лапин Николай Иванович

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (1988–2021 гг.)

Индивидуальные монографии, учебники

Лапин Н.И. Молодой Маркс. М.: Политиздат, 1968 (376 с.); 1976 (415 с.); 1986 (493 с.) (переведено на 11 языков).

Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М.: Ин-т философии РАН, 2000. 194 с.

Лапин Н.И. Эмпирическая социология в Западной Европе. Учебное пособие: учебный курс и хрестоматия. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2004. 383 с.

- Здравомыслов А.Г., Лапин Н.И.* Общая социология. Хрестоматия / Сост. А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин; пер. В.Г. Кузьминов; под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Высш. шк., 2006. 783 с.
- Лапин Н.И.* Общая социология, учебное пособие. 3-е изд., доп. М., 2017. 367 с.
- Лапин Н.И.* Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь мир, 2021. 364 с.

**Участие в коллективных монографиях
в качестве автора и редактора, переводы**

- Лапин Н.И.* (отв. ред.). Смешанная экономика: социокультурные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 1994. 138 с.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (отв. редакторы). Кризисный социум: наше общество в трех измерениях. М.: ИФ РАН, 1994. 245 с.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (общ. редакторы). Динамика ценностей населения реформируемой России. М.: Эдиториал УРСС, 1996. 224 с.
- Беляева Л.А., Лапин Н.И.* Динамика базовых ценностей населения постсоветской России // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. М.: Наука, 2005. С. 323–388.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А.* Социокультурный портрет региона: типовая программа и методика, методологические проблемы. М.: ИФ РАН, 2006. 328 с.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (отв. ред.-сост.). Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М.: Academia, 2009. 808 с.
- Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / Под общ. ред. А.В. Андреевской и Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. 384 с.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН, 2010. 111 с.
- Лапин Н.И.* Единство и дифференциация социокультурного пространства России (соавторы: Л.А. Беляева, В.Г. Федотова) //

- Россия в диалоге культур / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, Б.О. Николаичев. М.: Наука, 2010. С. 328–354.
- Lapin N.I. (Ed.). Civilization and Modernization. Proceedings of the Russian-Chinese Conference on Civilization and Modernization, held at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science, on May 29–30 2012. 2015, Singapore, World Scientifing Publishing Co. 239 p.
- Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Под общ. ред. Н.И. Лапина; пер. с англ. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
- Лапин Н.И., Беляева Л.А. (отв. редакторы). Проблемы социокультурной модернизации регионов России. М.: Academia, 2013. 416 с.
- Лапин Н.И. (отв. ред.-сост.). Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.
- Лапин Н.И. (общ. ред.), Гранин Ю.Д., Касавина Н.А. (ред.) Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. СПб.: Реноме, 2019. 232 с.

Статьи

- Лапин Н.И. Тяжкие годы России: перелом истории, кризис, ценности, перспективы // Мир России. 1992. № 1. С. 5–37.
- Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблема социокультурной реформации // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 29–41.
- Лапин Н.И. Социальные ценности и реформы в кризисной России // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 17–28.
- Лапин Н.И. Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 3–8.
- Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.
- Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 21–31.

- Лапин Н.И.* Изменение ценностей и новые социокультурные структуры // Куда идет Россия?.. / Отв. ред. Т.И. Заславская. М.: Дело, 1998. С. 78–86.
- Лапин Н.И.* Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян // Куда идет Россия?.. / Отв. ред. Т.И. Заславская. М.: Высшая школа соц. и экон. наук, 2000. С. 419–428.
- Лапин Н.И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.
- Лапин Н.И.* Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. Т. 9. № 3. С. 3–47.
- Лапин Н.И.* Инверсия доминантных процессов социокультурной трансформации и ее акторы // Кто и куда стремится вести Россию?.. / Отв. ред. Т.И. Заславская. М.: Высшая школа соц. и экон. наук: Интерцентр, 2001. С. 107–115.
- Лапин Н.И.* Гуманизация экономики в контексте социокультурной трансформации России // Гуманистические ориентиры России. Редкол.: А.И. Абалкин и др. М.: ИЭ РАН, 2002. С. 52–75.
- Лапин Н.И.* Базовые ценности населения и российская трансформация // Общество и экономика. 2002. № 12. С. 28–38.
- Лапин Н.И.* Закрепление нового социального порядка и проблема свободы граждан // Социологический калейдоскоп. Сб. памяти Л.А. Гордона. Редкол.: Г.Г. Дилигенский, Э.В. Клопов, А.К. Назимова. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 382–404.
- Лапин Н.И.* Права и свободы граждан России: их важность и нарушаемость // Куда пришла Россия?.. / Отв. ред. Т.И. Заславская. М.: Высшая школа соц. и экон. наук, 2003. С. 238–246.
- Лапин Н.И.* Началась институционализация нового социального порядка – какого? // Куда пришла Россия?.. / Отв. ред. Т.И. Заславская. М.: Высшая школа соц. и экон. наук, 2003. С. 369–370.
- Лапин Н.И.* Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 4. С. 120–159.
- Лапин Н.И.* Расхождения и возможные синтезы в динамике терминальных и инструментальных ценностей россиян // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты /

- Под общ. ред. Т.А. Ворожейкиной. М.: МВШСЭН, 2004. С. 245–253.
- Лапин Н.И.* Динамика базовых ценностей населения постсоветской России // Диалог культур в глобализирующемся мире / Отв. ред. В.С. Степин, А.А. Гусейнов. М.: Наука, 2005. С. 323–388.
- Лапин Н.И.* Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 17–29.
- Лапин Н.И.* Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции. М.: ИФ РАН, 2006. С. 11–130.
- Лапин Н.И.* Статус регионов России, разбалансированность их социокультурных функций // Мир России. 2006. № 2. С. 3–41.
- Лапин Н.И.* Тревожная стабилизация // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 39–53. Пер. на англ. Social Sciences. 2008. № 3.
- Лапин Н.И.* Российское общество в пути: консервация социальных контрастов, асимметричный рост. Аналитический доклад (соавтор: Л.А. Беляева). М.: ИФ РАН, 2007. 88 с.
- Лапин Н.И.* Рамка для социокультурного портрета региона (соавтор: Л.А. Беляева) // Региональная социология в России: сборник материалов социологических исследований / Отв. ред. В.В. Маркин. М.: ИС РАН, 2007. С. 71–90.
- Лапин Н.И.* Базовые ценности, социальное самочувствие и доверие институтам власти // Модернизация экономики и общественное развитие / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. Кн. 2. С. 210–219.
- Лапин Н.И.* Стратегия инновационного развития: национальная инновационная система // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 5.
- Лапин Н.И.* Целенаправленное воплощение знаний в инновациях // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 6. С. 105–115.
- Лапин Н.И.* Культура как антропосоциетальный консенсус // Философия и этика. Сб. научных трудов к 70-летию академика А.А. Гусейнова. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 636–649.

- Лапин Н.И.* Стратегия «сохранение – открытость изменениям» и сетевые инновационные институты // *Общественные науки и современность*. 2009. № 5. С. 37–51.
- Лапин Н.И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // *Социологические исследования*. 2010. № 1. С. 28–36.
- Лапин Н.И.* Новые проблемы исследования региональных сообществ // *Социологические исследования*. 2010. № 7. С. 28–38.
- Лапин Н.И.* Человеческие измерения модернизации // *Мир России*. 2011. № 2. С. 33–73.
- Лапин Н.И.* Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // *Социологические исследования*. 2011. № 9. С. 3–18.
- Лапин Н.И.* Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // *Социологические исследования*. 2012. № 9. С. 4–24.
- Лапин Н.И.* О стратегии повышения социокультурной эффективности модернизации России до среднеевропейских стандартов // *Россия: тенденции и перспективы развития*. Ежегодник. Вып. 9. Ч. I / Отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М.: ИНИОН РАН, 2014 // *Материалы XIV Международной научной конференции Модернизация России: ключевые проблемы и решения*. М.: ИНИОН, 19–20 декабря 2013 г. С. 91–97.
- Измерения стагнации и модернизации России и ее регионов // *Консолидация и модернизация России / Редкол.: А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, Б.О. Николаичев*. М.: Канон+, 2014. С. 345–361.
- Лапин Н.И.* Несбалансированность процессов модернизации регионов. Центральный федеральный округ // *Социологические исследования*. 2015. № 3. С. 29–36.
- Лапин Н.И.* Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 1. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей // *Вопросы философии*. 2015. № 4 С. 3–15; Ч. 2. Аксиологические предпосылки цивилизационно выбора // *Вопросы философии*. 2015. № 6. С. 3–17.

- Лапин Н.И.* Дистанции между состояниями модернизированности макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 5. С. 61–71.
- Лапин Н.И.* Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования // *Власть*. 2017. № 3. С. 25–33.
- Лапин Н.И.* Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 3–13.
- Лапин Н.И.* Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // *Социологические исследования*. 2018. № 8. С. 3–11.
- Лапин Н.И.* О поиске способов существенных перемен жизни к лучшему: дискурсы профессионалов и алгоритм изучения способов, предпочитаемых населением // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Вологда: ВНЦ РАН, 2018. Т. 11. С. 77–89.
- Лапин Н.И.* Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // *Вестник института социологии РАН*. 2018. № 4. С. 105–136.
- Лапин Н.И.* Отчуждение населения от участия в национальных доходах: прошлое и настоящее // *Общественные науки и современность*. 2019. № 6. С. 239–247.
- Лапин Н.И.* Своеобразие культур цивилизаций – достояние и ресурс каждого человека и всего человечества // *Вопросы философии*. 2020. № 10. С. 5–16.
- Лапин Н.И.* Базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения // *Социологические исследования*. 2021. № 5. С. 104–115.
- Лапин Н.И.* Российский проект цивилизационного развития и антропосоциокультурный подход // *Проблемы цивилизационного развития*. 2021. Vol. 3. № 1. С. 6–42.

Беляева Людмила Александровна

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН (1987 – по наст. время)

Индивидуальные монографии, учебники

- Беляева Л.А.* Социальная модернизация в России в конце XX века. М.: ИФ РАН, 1997. 173 с.
- Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: десять лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001. 186 с.
- Беляева Л.А.* Эмпирическая социология в России и Восточной Европе. Курс лекций и хрестоматия. Учебное пособие. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2004. 408 с.

Участие в коллективных монографиях в качестве автора и редактора

- Лапин Н.И., Беляева Л.А.* (отв. редакторы). Кризисный социум: наше общество в трех измерениях. М.: ИФ РАН, 1994. 245 с.
- Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 1996. 224 с.
- Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: ИФ РАН, 2006. 328 с.
- Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. 808 с.
- Россия в Европе. По материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование» / Под общ. ред. А.В. Андреевской и Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009. 384 с.
- Беляева Л.А., Лапин Н.И.* Динамика базовых ценностей населения постсоветской России // Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты. М.: Наука, 2005. С. 323–388.

- Беляева Л.А., Лапин Н.И.* Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М.: ИФ РАН, 2010. 111 с.
- Беляева Л.А.* Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В. Романовский. М.: Алетей: Историческая книга, 2010. С. 559–572.
- Беляева Л.А.* Образование в России и модернизация экономики // Новые идеи в социологии. М., 2013. С. 377–396.
- Беляева Л.А.* Напряжения социального пространства России и ее регионов в процессах модернизации // Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Общ. ред. Н.И. Лапин и Л.А. Беляева. М.: Academia, 2013. С. 41–67.
- Беляева Л.А.* Увеличение нематериального капитала – стратегическая задача социокультурной модернизации России // Россия на пути консолидации: Сб. статей / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, Б.О. Николаичев. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 44–57.
- Беляева Л.А.* Социокультурные вызовы российской модернизации: пространство, человеческий капитал и структуризация общества // Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Коллективный научный труд / Сост. и отв. ред. чл-корр. РАН Н.И. Лапин; редкол.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.А. Касавина. М.: Весь Мир, 2016. С. 43–86.
- Беляева Л.А.* Рост доходного неравенства и социальных дистанций как следствие ослабления социально-защитной функции государства // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под общ. ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019. С. 118–153.
- Беляева Л.А.* Субъективное благополучие населения в России и Европе: сравнение материальных, социальных и экзистенциальных характеристик // Социологические подходы к изучению социального благополучия: [монография] / Е.А. Авдеев, Э. Аллардт, Л.А. Беляева [и др.]; отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 316–328.

Статьи

- Беляева Л.А.* «Средний слой» в советском обществе: перспективы формирования // Социально-политические науки. 1991. № 10. С. 3–10.
- Беляева Л.А.* Российское общество в преддверии рынка: тревоги, ожидания, надежды // Мир России. 1992. № 1. С. 39–65.
- Беляева Л.А.* Россия перед историческим выбором // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 56–66.
- Беляева Л.А.* Средний класс: проблемы формирования и развития в России // Мир России. 1996. № 2. С. 117–131.
- Беляева Л.А.* «Новые средние» в России // Свободная мысль. 1998. № 7. С. 29–37.
- Беляева Л.А.* Россия в контексте мировых переходных процессов // Мир России. 1998. № 4. С. 23–56.
- Беляева Л.А.* В поисках среднего класса в России // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 72–77.
- Беляева Л.А.* Конфликтный потенциал новой социальной стратификации // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70. № 5. С. 468–452.
- Беляева Л.А.* Динамика социальной стратификации в период реформ // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т.И. Заславской. Международный симпозиум 17–18 января 2000 г. М., 2000. С. 243–253.
- Беляева Л.А.* Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 44–53.
- Беляева Л.А.* Идеально типические группы адаптации в современной России // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. 2001. Международный симпозиум 19–20 января 2001 г. / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2001. С. 327–333.
- Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России на рубеже веков // Вестник РГНФ. 2003. № 1. С. 107–115.
- Возрастные когорты в период институциональных изменений в России // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики. Международный симпозиум 18–19 января 2002 г. / Под общ. ред. академика Т.И. Заславской. М., 2002. С. 211–219.*

- Беляева Л.А.* Новое в социальной дифференциации общества в постсоветской России // Куда пришла Россия? Международный симпозиум. М., 2003. С. 120–126.
- Беляева Л.А.* Динамика имущественной и социокультурной дифференциации возрастных когорт в России (1990–2002) // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». М., 2003. Т. 3.
- Беляева Л.А.* Социальный портрет возрастных когорт в период реформ в России // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 31–42.
- Беляева Л.А.* Рецензия на кн. «Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс» / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 1 (73). С. 132–134.
- Беляева Л.А.* Социальные слои в России: опыт кластерного анализа // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 56–64.
- Беляева Л.А.* Региональная разнородность уровня жизни населения // Мир России. 2006. № 2. С. 42–61.
- Беляева Л.А.* Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования. 2006. № 9.
- Беляева Л.А.* Проблемы экологии в системе ценностей и поведенческих практиках населения России // Экологическая этика и образование в целях устойчивого развития. Материалы Байкальской конференции ЮНЕСКО. Улан-Удэ, 2006.
- Беляева Л.А.* «Российское общество в пути: консервация социальных контрастов, асимметричный рост». Аналитический доклад по результатам пяти волн всероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня»: 1990–1994–1998–2002–2006 гг. М.: ИФ РАН, 2007. 88 с.
- Беляева Л.А.* И вновь о среднем классе России // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 3–12.
- Беляева Л.А.* Материальное неравенство в России: реалии и тенденции // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 29–41.
- Беляева Л.А.* Рамка для социологического портрета региона // Региональная социология в России: сборник материалов социоло-

- логических исследований / Отв. ред. В.В. Маркин. М.: Пресс, 2007. С. 62–82.
- Беляева Л.А.* Структура ценностей, социальное самочувствие и трудовая мотивация населения современной России // Вестник РГНФ. 2007. № 3. С. 243–251.
- Беляева Л.А.* Social Stratification and Poverty in the Regions of Russia (Toward the Compilation of a Sociocultural Portrait of the Regions) // Sociological Research / NY. January–February 2008. Vol. 47. No. 1. P. 19–40.
- Social Strata in Russia / An Experiment in Cluster Analysis// Sociological Research / NY. May–June 2007. Vol. 46. No. 3. P. 78–92.
- Беляева Л.А.* Тюменский регион в современной фазе социокультурной эволюции России // Мир России. 2008. № 1. С. 50–88. (В соавторстве).
- Беляева Л.А.* Уровень и качество жизни: проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. 1 п.л.
- Беляева Л.А.* Социальные ресурсы населения в России и Европе: сравнительный анализ // Общественные науки и современность. 2010. № 3. С. 23–36.
- Беляева Л.А.* Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 1) // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2010. № 2. С. 57–76. Электронный журнал: wsiom.ru
- Беляева Л.А.* Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 2) // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2010. № 3. С. 18–46. Электронный журнал: wsiom.ru
- Беляева Л.А.* Культурный капитал России и модернизация экономики (по результатам европейского социального исследования) // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 13–24.
- Беляева Л.А.* Динамика перемен глазами населения (двадцать лет Всероссийского мониторинга) // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 11–25.
- Беляева Л.А.* Воспроизводство культурного капитала и проблемы социального неравенства в России // Философские науки. 2011. № 10.

- Беляева Л.А.* Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // *Философские науки.* 2012. № 6. С. 22–35.
- The Dynamic of Attitudes in Russia Concerning Social-Economic and Political Changes // *Anthropology and Archeology of Eurasia.* NY. 2012. P. 51–73.
- Беляева Л.А.* Социокультурные аспекты модернизации регионов. *Философские науки.* 2012. № 7. С. 5–18.
- Беляева Л.А.* Напряжения социального пространства в России и в ее регионах и проблемы модернизации // *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. 2012. М.: РОС – 1 CD ROM. ISBN 978–5–904804–06–0. С. 391–399.
- Беляева Л.А.* Культурный и социальный капитал и проблемы напряженности социального пространства России // *Общественные науки и современность.* 2013. № 5. С. 51–64.
- Беляева Л.А.* Социокультурные измерения модернизации регионов // *Цивилизация и модернизация.* Материалы российско-китайской конференции 29–31 мая 2012 года. Москва. М.: ИФ РАН, 2013. С. 144–151.
- Беляева Л.А.* Региональный социальный капитал и множественная модернизация в России. К постановке проблемы // *Экономические и социальные перемены.* Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. № 1. С. 84–97.
- Беляева Л.А.* Преодоление напряжений социального пространства – путь к консолидации общества // *Философские науки.* 2014. № 6. С. 8–22.
- Беляева Л.А.* Социокультурные вызовы российской модернизации // *Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России.* Материалы X Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. Пермь, 2014. С. 12–24.
- Беляева Л.А.* Внутренние вызовы российской модернизации // *Философские науки.* 2014. № 11. С. 32–45.

- Беляева Л.А.* Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 36–44.
- Belyaeva L.* Social Capital and Modernization of Russia // Global Modernization Report 2013: Selections of the First International Modernization Forum. Beijing, 2014.
- Belyaeva L.* The social capital and the modernization of Russian regions // The 54th ERSA Congress Saint Petersburg. August 26–29, 2014.
- Intangible Capital: Research Methodology // Social Sciences. 2015. Vol. 46. № 2. P. 90–102.
- Social and Cultural Measurements of Regional Modernization // Civilization and Modernization. Proceedings of the Russian-Chinese Conference 2012 / Ed. by Chuangi He and N. Lapin. World Scientific Publishing Co, Singapore. Сайт: <http://www.worldscientific.com/worldscibooks/10.1142/9176>
- Social Capital and Modernization of Russia // Global modernization Review. New Discoveries and Theories Revisited. Edited by: Alberto Martinelli (University of Milan, Italy), Chuanqi He (Chinese Academy of Sciences, China). BEIJING: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd. 2015. DOI: 10.1142/9789814616072_0018 # 157. ISBN: 978-981-4616-06-5 (hardcover) GBP84.00. ISBN: 978-981-4616-08-9 (ebook) GBP63.00 <http://www.worldscientific.com/worldscibooks/10.1142/9221>
- Беляева Л.А.* Качество жизни и социальный капитал в федеральных округах России. Методология и методика анализа, эмпирическая верификация // Проблемы социокультурных исследований и проектирования модернизации в регионах и муниципальных образованиях России. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионах». Самара–Тольятти 26–20 сентября 2016 г. Самара, 2016. С. 17–25.
- Беляева Л.А.* Социокультурные вызовы российской модернизации и дистанции между состояниями модернизированности федеральных округов России (в соавторстве) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник / Редкол. Ю.С. Пивоваров (отв. ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2015. Вып. 10. Ч. III. С. 618–625.

- Беляева Л.А.* Уровень жизни в России: траектория процессов структуризации постсоветского общества // *Общественные науки и современность*. 2016. № 6. С. 38–52.
- Беляева Л.А.* Дифференциация уровня жизни в постсоветской России: тупик или стимул для развития? // *Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики*. Сб. материалов Санкт-Петербургского Международного Экономического Конгресса (СПЭК-2016) / Под общ. ред. С.Д. Будрунова. М.: ИНИР, 2016. Т. 2. С. 23–50.
- Беляева Л.А.* Приватизация собственности в постсоветской России: социальный радикализм и экономическая эффективность // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2017. № 3. С. 444–459.
- Беляева Л.А.* Социальное пространство и отношения собственности в России // *Философские науки*. 2017. № 7. С. 16–21.
- Беляева Л.А.* Качество жизни в субъективных оценках населения: Россия в европейском контексте // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 680–694.
- Беляева Л.А.* Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 58–72.
- Беляева Л.А.* Социальное государство в современной России: ожидания и реальность // *Вопросы философии*. 2019. № 11. С. 11–16.
- Беляева Л.А.* Сельская жизнь в России: современный и исторический дискурс // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2019. Вып. 2. С. 259–272.
- Беляева Л.А.* Социальный капитал: проблемное поле и эмпирическое изучение // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12. № 4. С. 154–166.
- Беляева Л.А.* Структуризация Российского общества в XIX – начале XX вв. (по материалам отечественных исследований) // *Вестник Института социологии РАН*. 2020. № 2. С. 14–36.
- Беляева Л.А.* Российская молодежь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы социализации // *Вопросы философии*. 2020. № 10. С. 17–27.

- Беляева Л.А.* Структурация российского общества в первой половине XX в. (по материалам отечественных исследований этого периода) // Вестник Института социологии РАН. 2020. № 4. С. 15–42.
- Беляева Л.А.* Поколение «Y» в России: социальная стратификация, положение на рынке труда и проблемы политической социализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. № 4. С. 220–237.
- Беляева Л.А.* Социокультурная эволюция постсоветской России: результаты исследовательской Программы // Социологические исследования 2021. № 12. С. 135–141. (В соавторстве).
- Беляева Л.А.* Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 27–53.
- Беляева Л.А.* Исторический аспект добровольчества в России и современные установки в отношении волонтерской деятельности российской молодежи // Вестник РУДН. 2021. Т. 21. № 4. С. 825–838. (В соавторстве).

Гранин Юрий Дмитриевич

доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН
(2018 – по наст. время)

Индивидуальные монографии

- Гранин Ю.Д.* Государство модерна. Национальный и социальный векторы эволюции. М.: Академический проект, 2021. 371 с.

Участие в коллективных монографиях в качестве автора и редактора

- Гранин Ю.Д.* Социализация как фактор трансформации европейских государств в XVIII–XX столетиях // *Лапин Н.И., Беляева Л.А., Гранин Ю.Д., Касавина Н.А., Резник Ю.М.* Становление

государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под общ. ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019. С. 41–94.

Статьи

- Гранин Ю.Д.* Темпоральность коммунистического проекта Маркса // Вестник Тверского университета. Серия: Философия. 2018. № 1. С. 191–204.
- Гранин Ю.Д.* Формирование «наций» в истории и современности. Западный и российский опыт // Вестник электронных и печатных СМИ. 2018. № 1 (26). С. 25–52.
- Гранин Ю.Д.* Философский коммунизм Карла Маркса // Свободная мысль. 2018. № 2. С. 203–217.
- Гранин Ю.Д.* Глобализация и ее исторические формы. Социально-философская интерпретация // Вопросы философии и психологии. 2018. № 5 (1). С. 12–23.
- Гранин Ю.Д.* Национализм и его теоретические интерпретации // Известия Российской академии образования. 2018. № 1. С. 5–19.
- Гранин Ю.Д.* Идеология постмодернизма и ее влияние на трансформацию языка социальных наук // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Электронный журнал. 2016. Вып. 5.
- Гранин Ю.Д.* «Национальный проект» в царской, советской и современной России // Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Дне философии в Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. М.: Гнозис, 2018. С. 507–519.
- Гранин Ю.Д.* Маркс и его проект будущего в контексте времени // Журналист. Социальные коммуникации. 2018. № 2. С. 136–150.
- Гранин Ю.Д.* Эволюция понятия «нация» и его современные трактовки // European Journal of Philosophical Research. 2018. No. 5 (1) С. 19–30.
- Гранин Ю.Д., Губанов Н.Н., Губанов Н.И.* Системно-плюралистическая концепция научного метода // European Journal of Philosophical Research. 2018. No. 5 (1). С. 86–96.

- Гранин Ю.Д., Губанов Н.Н., Губанов Н.И., Лебедев С.А.* Научный метод: история и теория. М.: Проспект, 2018. 448 с. // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 213–217.
- Гранин Ю.Д.* Россия как социальное государство. Проблемы и перспективы // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. XXI. Вып. 1–2 (№ 101–102). С. 63–74.
- Гранин Ю.Д.* Проекты нового мирового устройства. От национальных государств к глобальным институтам управления // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019. № 1 (47). С. 24–36.
- Гранин Ю.Д.* Государство как фактор цивилизационной эволюции России // Вопросы философии и психологии. 2019. № 6 (1). С. 14–27.
- Гранин Ю.Д.* Социальное государство «для своих»? // Свободная мысль. Международный общественный журнал. 2019. № 3. С. 117–126.
- Гранин Ю.Д.* Политические проекции будущего миропорядка. От «национального» к «космополитическому»? // Известия Российской академии образования. 2019. № 1 (49). С. 13–27.
- Гранин Ю.Д.* Социальное государство и его исторические воплощения // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Электронный журнал. 2019. Вып. 4. С. 1–17.
- Гранин Ю.Д.* Социальное государство: факторы становления // Вопросы философии. 2019. № 10. С. 11–16.
- Гранин Ю.Д.* Цивилизационная специфика советской и современной России // European Journal of Philosophical Research. 2019. No. 6 (1). С. 40–53.
- Гранин Ю.Д.* Социальное государство в России и мире. Проблемы и перспективы // Журналист. Социальные коммуникации. 2020. № 1. С. 102–116.
- Гранин Ю.Д.* «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 34–44.
- Гранин Ю.Д.* Цивилизация модерна. Анализ концепций формирования «национальных государств» в Европе // Журналист. Социальные коммуникации. 2020. № 3. С. 77–93.

- Гранин Ю.Д.* Цивилизационный подход. Становление и эволюция // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 3. С. 65–85.
- Гранин Ю.Д.* Государство модерна. Опыт социально-конструктивистской интерпретации // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. 22. № 1–2 (105–106). С. 100–106.
- Гранин Ю.Д.* «Цивилизация», «модернизация» и «революция» в наследии Айзенштадта и Хантингтона // European Journal of Philosophical Research. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 12–19.
- Гранин Ю.Д.* Является ли Россия особой «цивилизацией»? // Журналист. Социальные коммуникации. 2021. № 1. С. 104–118.
- Гранин Ю.Д.* Новая форма глобализации и цивилизационная специфика России // Век глобализации. 2021. № 2. С. 3–16.
- Гранин Ю.Д.* «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 81–98.
- Гранин Ю.Д.* Россия в региональных альянсах государств Евразии. Цивилизационное измерение // European Journal of Philosophical Research. 2021. No. 8 (1). P. 3–13.

Касавина Надежда Александровна

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН (2018–2021)

Главы в коллективных монографиях

- Касавина Н.А.* Гуманизм – стратегический ориентир становления социального государства // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства. Реалии и проекты / Под общ. ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019. С. 184–199.

Статьи

- Касавина Н.А.* Экзистенциальный опыт: таинство и проблема // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2. С. 123–137.

- Касавина Н.А.* Проблемы современной науки в социологических дискуссиях (аналитический обзор) // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 46. С. 203–210.
- Касавина Н.А.* Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. № 4. С. 129–142.
- Касавина Н.А.* О ценности науки (ответ А.Л. Никифорову) // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 213–217.
- Касавина Н.А.* Социальное государство: между гуманизмом и прагматизмом // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 33–43.
- Касавина Н.А.* Экзистенциальное одиночество: смирение и миссия (по мотивам произведений И.С. Тургенева) // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 г. М.: Голос, 2018. С. 162–174.
- Касавина Н.А.* О бремени техники и миссии ученого // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 3. С. 36–39.
- Касавина Н.А.* Цифровизация как предмет междисциплинарных исследований // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 4. С. 251–259.
- Касавина Н.А.* Миссия ученого в современном мире // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 28–32.
- Касавина Н.А.* Как возможна популярная философия? // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 187–198.
- Касавина Н.А.* Феномен достойной жизни в контексте проблемы социального государства // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 22–27.
- Касавина Н.А.* О пределах пограничной ситуации (на примере повести А. Платонова «Джан») // Размышляя о Платонове. По материалам XVI конференции Института философии РАН с регионами России при участии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Института мировой литературы им. М. Горького РАН «Проблемы российского

самосознания: “Народ жить может, но ему нельзя” к 120-летию рождения А. Платонова» / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: Голос, 2019. С. 80–107.

Касавина Н.А. “Digital existence”: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. № 4. С. 73–89.

Касавина Н.А. Человек – «долгое существо». Опыт метаэкзистенции // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 47–57.

Касавина Н.А. Научное призвание как экзистенциальный выбор // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 279–285.

Касавина Н.А. О «втором дыхании» цивилизационного развития (размышления о докладе Н.И. Лапина) // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 43–56.

Ракова Кристина Викторовна

Младший научный сотрудник Института философии РАН
(2021 – по наст. время)

Ракова К.В. Столкновение или сотрудничество цивилизаций? Актуальные оценки западными специалистами концепции С. Хантингтона // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 2. С. 20–50.

Резник Юрий Михайлович

доктор философских наук, профессор,
Главный научный сотрудник Института философии РАН
(2018 – по наст. время)

Индивидуальные монографии

Резник Ю.М. Мир жизни человека (событийный подход). М.: ИФ РАН, 2018. 103 с.

Главы в коллективных монографиях

Резник Ю.М. Социальное государство и его роль в эмансипации жизненного мира человека / Ю.М. Резник // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства. Реалии и проекты / Сост.: Н.И. Лапин (общ. ред.), Ю.Д. Гранин, Н.А. Касавина. СПб.: Реноме, 2019. С. 200–224.

Статьи

Резник Ю.М. Социальная политика государства и жизненный мир человека / Ю.М. Резник // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. Вып. 1–2 (№ 97–98). С. 7–23.

Резник Ю.М. Российская социология на пути обретения цивилизационной идентичности (заметки стороннего наблюдателя) / Ю.М. Резник // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. Вып. 2 (№ 97–98). С. 192–200.

Резник Ю.М. Российский человек сегодня: метаморфозы сознания / Ю.М. Резник // Личность. Культура. Общество. 2018. Т. 20. Вып. 3–4 (№ 99–100). С. 7–26.

Резник Ю.М. Человек и его цивилизационная идентичность (введение) // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2018. Т. 10. С. 5–14.

Резник Ю.М. «Процессуальный» взгляд на мир человека: от неклассической антропологии к постнеклассической антропологии / Ю.М. Резник // European journal of philosophical research. 2018. Vol. 5 (1). P. 77–85.

Резник Ю.М. К экологии жизненного мира человека / Ю.М. Резник // Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: Коллективная монография / Отв. ред. И.К. Лисеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 47–62.

Резник Ю.М. Социальное государство и стратегии эмансипации жизненного мира (часть 1) / Ю.М. Резник // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21. Вып. 1–2 (№ 101–102). С. 75–87.

Резник Ю.М. Социальная проблема как единица теоретического анализа и предмет деятельности социального государства

- (онтологический подход) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 3. С. 114–125.
- Резник Ю.М.* Трансформация социального государства: от идеала к новым практическим формам // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки. № 6. С. 44–52.
- Резник Ю.М.* Социальное государство и стратегии эмансипации жизненного мира (часть 2) / Ю.М. Резник // Личность. Культура. Общество. 2019. Т. 21. Вып. 3–4 (№ 103–104). С. 135–148.
- Резник Ю.М.* Социальное государство и его роль в эмансипации жизненного мира // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 17–21.
- Резник Ю.М.* Социальное государство: от несовершенного настоящего к совершенному будущему (опыт критической рефлексии) / Ю.М. Резник // European journal of philosophical research. 2019. Vol. 6 (1). P. 77–93.
- Резник Ю.М.* Становление новой общественности в контексте цивилизационного развития России / Ю.М. Резник // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2019. Т. 11. С. 127–148.
- Резник Ю.М.* Цивилизационный проект для современной России и отечественная социальная философия. Ч. 1 (в соавторстве с В.Н. Шевченко) // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. XXII. Вып. 1–2 (№ 105–106). С. 279–291.
- Резник Ю.М.* Проект «общего дела» Н.Ф. Фёдорова как идейная предпосылка цивилизационного развития современной России // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 4. С. 119–128.
- Резник Ю.М.* Проектирование цивилизации: конструктивистская и этическая версии, перспективы для России // Онтология проектирования. 2020. Т. 10. № 2. С. 149–162.
- Резник Ю.М.* Два проекта цивилизационного будущего России: Хантингтон против Данилевского (опыт актуальной реконструкции) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 10–22.
- Резник Ю.М.* Подходят ли России проекты «цивилизация Софии» и «Вселенской церкви»? (Двойная утопия В.С. Соловьёва и ее реконструкция) // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 60–69.

- Резник Ю.М.* Идея жизни у Гегеля и ее значение для понимания цивилизационного развития современной России // Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 100–112.
- Резник Ю.М.* Медиационный подход к исследованию российской цивилизации. Ч. 1. Медиационная парадигма А.А. Пелипенко // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. XXII. Вып. 3–4 (№ 107–108). С. 71–99.
- Резник Ю.М.* Мир России сегодня: от раскола к всечеловечности // Личность. Культура. Общество. 2020. Т. XXII. Вып. 3–4 (№ 107–108). С. 7–15.
- Резник Ю.М.* Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Т. XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / Под ред. Ю.М. Резника. М.: НИГО, 2020. С. 17–120.
- Резник Ю.М.* Логика «дуальных цивилизаций» и их интегральных = альтернатив (опыт проектной реконструкции концепций П.А. Сорокина и А.В. Смирнова) // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. № 3. С. 5–29.
- Резник Ю.М.* Цивилизационные горизонты России: в поисках альтернативного проекта // Вестник РФО. 2019. Вып. 3–4 (91); 2020. Вып. 1–2 (92). С. 62–78.
- Резник Ю.М.* Преобразование человека: от социальной инженерии к практической экософии // Мифология века НТР: мифы, надежды и реальность новейших направлений науки / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2020. С. 253–274.
- Резник Ю.М.* О российском цивилизационном проекте (введение в дискуссию) // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. XXIII. Вып. 1–2 (№ 109–110). С. 94–105.
- Резник Ю.М.* Медиационный подход к исследованию российской цивилизации. Ч. 2. Дуалистическая концепция А.С. Ахиезера // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. XXIII. Вып. 3 (№ 111). С. 84–91.
- Резник Ю.М.* Ценностные основания цивилизационного бытия человека в современной России // Вопросы социальной теории. М.: АНО НИГО, 2021. Т. 13. С. 70–100.

Summary

A collective work prepared by the staff of the Centre for the Study of Social and Cultural Changes of The Institute of Philosophy of The Russian Academy of Sciences, on the occasion of the Institute's 100th anniversary, presents the evolution of research and results obtained from the Centre establishment (1988) up to the present time. Using extensive empirical materials and new theoretical approaches, the authors analyze the main stages of Russia's post-Soviet transit and the value system of its population. The authors reconstruct the main stages of the formation and evolution of the welfare state both in Russia and in the world and highlight its specifics in the USSR and post-Soviet Russia, emphasizing the socio-cultural characteristics of the population of its regions in the context of social tensions associated with ethnic, migration, socio-structural features of separate territories of the Russian Federation.

The attempt of socio-cultural analysis of modern Russia carried out in this book may become a source of scientific discussion regarding Russia's historical and civilizational specifics, and development prospects.

For research fellows, professors, lecturers, and a wide readership.

Научное издание

Людмила Александровна Беляева
Юрий Дмитриевич Гранин
Надежда Александровна Касавина
Николай Иванович Лапин
Юрий Михайлович Резник
Кристина Викторовна Ракова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА РОССИИ

Художники *Н.Е. Кожина, С.Ю. Растегина*
Технический редактор *Е.А. Морозова*
Корректор *И.А. Мальцева*

Лицензия ЛР № 020851 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 13.06.22.
Формат 60×84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура IPH Astra Serif.
Усл. печ. л. 20,92. Уч.-изд. л. 16,62. Тираж 500 экз. Заказ № 4.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерная верстка: *Е.А. Морозова*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии
https://iphras.ru/books_arhiv.htm